

СКАЗКИ И ПОВЕСТИ

ДРЕВНЕГО
ЕГИПТА

СКАЗКИ И ПОВЕСТИ

ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

Перевод с древнеегипетского

Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1956

Перевод

И. С. КАЦНЕЛЬСОНА И Ф. Л. МЕНДЕЛЬСОНА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Древние египтяне писали на свитках, изготовленных из водяного растения папируса. Они расщепляли его трехгранные стебли на полоски, укладывали их рядами вдоль и поперек, затем сколачивали деревянными молотками, склеивали и просушивали эти шероховатые ленты, на которых потом писали расщепленным тростниковым пером. Свитки, склеенные из отдельных листов, получались необычайно хрупкими. И если теперь, через тысячелетия, до нас все же дошли отдельные папирусы, сохранившиеся в развалинах храмов, в гробницах или просто в песках Верхнего Египта, то этим мы обязаны исключительно сухому климату страны. Целые папирусы — большая редкость. Обычно находят только обрывки свитков, без начала и без конца, со многими пропусками.

В самом начале пятидесятих годов минувшего века богатая англичанка леди д'Орбиней, путешествуя по Италии, приобрела по случаю древнеегипетский папирус. Этот папирус оказался совсем особым.

Темная, побуревшая от времени рукопись сохранилась хорошо. Ее девятнадцать страниц были покрыты четкими каллиграфическими знаками беглого письма, которые могла вывести только рука опытного писца. Возвращаясь на родину, леди д'Орбиней остановилась в Париже. Хранителем собрания египетских древностей в Лувре был тогда талантливый ученый Де Руже. Ему и показала леди д'Орбиней свою покупку. Де Руже тотчас же занялся расшифровкой текста и в 1852 году опубликовал предварительные результаты своего исследования. Ко всеобщему

изумлению, папирус содержал сказку. Ту самую сказку, которая получила вскоре всемирную известность под названием «Сказки о двух братьях». Тогда это было древнейшее в мире литературное произведение, созданное более трех тысяч лет назад в третьей четверти XIII века до н. э., то есть на несколько столетий раньше гомеровского эпоса.

Работа Де Руже вызвала настоящую сенсацию. После гениального открытия Франсуа Шампольона, нашедшего в 1822 году ключ к чтению древнеегипетской письменности, авторитетные ученые неоднократно утверждали, что у древних египтян не было, да и не могло быть литературы. Эти утверждения подкреплялись глубокомысленными рассуждениями о «древности, математической правильности» языка египтян, об отсутствии у них «силы мифического творчества» и т. д. Любопытно, что никто из этих ученых не обратил или не хотел обращать внимания на многочисленные сказки, предания и легенды, которые собирали и записывали в Египте древнегреческие писатели и путешественники, в особенности Геродот.

Вскоре после появления первого полного перевода «Папируса д'Орбиней» (1864) известный русский критик В. В. Стасов счел своим долгом познакомить русского читателя с «Древнейшей повестью мира» — так была озаглавлена его статья и перевод сказки, приложенный к ней, напечатанные в 1868 году в журнале «Вестник Европы».

«Неужели,— спрашивал автор,— существовал такой народ, неужели когда-то жили такие следовавшие один за другим миллионы людей, в которых никогда не говорило поэтическое чувство, которые отроду не находили надобностей выражать посредством слова (а значит, и письма) душевные свои движения, радость и горе, свои порывы, обожания и надежды и которые никогда не возвысили речь свою до степени художественного произведения?» Со свойственным ему темпераментом В. В. Стасов ополчился против тех, кто отрицал возможность существования литературы в Древнем Египте и имел «обычай все пробелы знаний наполнять собственными соображениями, и там, где недостает точных и положительных фактов, ставить на место их — мало того, что предположение того или другого рода, но еще и философские... доказательства, почему совершился и существовал такой-то и такой-то факт (нам вовсе неизвестный)».

Время доказало правоту русского критика. После «Сказки о двух братьях» были открыты, изучены и опубликованы десятки других папирусов, сохранивших частично или полностью ценнейшие литературные произведения самых разнообразных

жанров: сказки, повести, поучения, любовную лирику. Значительные заслуги в этом деле принадлежат известному русскому египтологу В. С. Голенищеву, который опубликовал ряд неизвестных прежде текстов. В 1881 году в фондах Эрмитажа им была найдена сказка «Потерпевший кораблекрушение» — древнейший из всех литературных папирусов. В 1891 году ему повезло приобрести в Среднем Египте папирус, содержащий описание путешествия в Сирию Унуамона, посланца верховного жреца храма Амона-Ра в Фивах. В. С. Голенищев первый описал, перевел и издал их. Ныне эти уникальные, пользующиеся мировой известностью папирусы хранятся в Государственном Эрмитаже и в Государственном Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве. Но до нас дошла лишь незначительная доля произведений некогда богатой и разнообразной литературы Древнего Египта. Они возникли на тысячелетия раньше, чем «Илиада» и «Одиссея» и многие произведения художественного творчества народов Индии и Китая. Почти четыре тысячи лет отделяют нас от того дня, когда пиисец Амано, сын Амени, переписал сказку «Потерпевший кораблекрушение». Другие сказки, например «Фараон Хуфу и чародеи», записаны, правда, несколько позже, но они описывают события времени строительства пирамид и поэтому возникли почти за тысячелетие до их записи.

Современные древним египтянам народы стран Ближнего Востока использовали для письма обожженные глиняные таблички — материал, для которого не страшны ни время, ни огонь, ни климатические условия, — не то что хрупкому и непрочному папирусу. Десятки тысяч шумерийских, вавилонских, ассирийских, хеттских и угаритских глиняных табличек хранятся в различных музеях мира. Однако среди них не обнаружено, кроме эпоса, литературных произведений. Случайность ли это? Едва ли. Ведь по сравнению с обширными клинописными архивами на глиняных табличках папирусов уцелело ничтожно мало. Вот почему можно полагать, что в долине Нила зародились основные формы художественного литературного творчества, в том числе сказка и повесть.

Литература Древнего Египта возникла еще в четвертом тысячелетии до нашей эры. В эту эпоху формировались также религия и искусство египтян. Во всяком случае, древнейшие известные нам произведения — «Потерпевший кораблекрушение» и «История Синухета» — свидетельствуют о предшествующем длительном периоде развития литературного творчества. Им уже присуща и сложная композиция, и особый вычурный литератур-

ный язык, и стремление к ритму, созвучию слов и т. д. Для того чтобы достичь подобной степени совершенства, требовались многие века. Многие потому, что вообще египетскому обществу, принявшему в конце IV тысячелетия до н. э. форму рабовладельческой восточной деспотии, а следовательно и его культуре, были присущи медленные темпы развития. Это обуславливалось медлительностью развития производительных сил и связанных с ними производственных отношений.

Глубокой древностью египетской литературы обусловлены ее самобытность и своеобразие. Египетская культура, возникшая на крайнем юго-западе древневосточного мира, в течение долгих веков развивалась обособленно. И почти всему, чего добился народ, населявший долину Нила, он обязан только самому себе. Да и впоследствии — во втором тысячелетии до нашей эры, когда фараоны XVIII—XX династий вышли на международную арену, и еще позже, под владычеством персов, греков и римлян, завоеватели больше брали у египтян из накопленного ими тысячелетиями опыта в области науки и искусства, чем египтяне заимствовали у них.

Дошедшие до нас сказки, конечно, отличаются и по содержанию и по языку от своих прообразов, от сказок, которые рассказывались многие тысячелетия тому назад где-нибудь под пальмами после трудового дня. Сказки, возникшие в народе, были глубоко народными и по духу своему и по форме. В них выражались чувства, чаяния и стремления тружеников и обездоленных, всего простого люда, испытывавшего на себе гнет и несправедливость существующих порядков и мечтавшего о лучшем будущем. Естественно, что подобная идеологическая направленность сказки полностью противоречила интересам господствующих слоев общества: знати, жрецам, чиновникам-писцам. Но искусство письма было привилегией жрецов и писцов, то есть именно тех, кто был кровно заинтересован в сохранении строя, обеспечивающего им богатство и легкую жизнь.

Такое положение объяснялось прежде всего сложностью древнеегипетской письменности.

В Египте существовало три типа письма. Древнейшее из них — иероглифическое, когда каждый знак тщательно выписывался со всеми деталями. Иероглифами пользовались на протяжении всей истории Египта, особенно для надписей, которые высекали на стелах (вертикально поставленных каменных плитах), стенах гробниц, храмов и т. д. С распространением в качестве материала для письма папируса появляется иератика. Это те же иероглифические знаки, принявшие более схематическую форму.

Иератикой пользовались начиная с эпохи Древнего Царства (3000—2400 гг. до н. э.) до Нового Царства (1580—1071 гг. до н. э.). Примерно с конца VIII века до н. э. ее постепенно вытесняет демотическое письмо, где беглость доведена до того, что несколько знаков сливаются в один. Это придает демотическому письму отдаленное сходство со стенографией. Демотическое письмо особенно распространялось в ту эпоху, когда Египет находился под властью греков и римлян — то есть с конца IV века до н. э. по III век н. э. Поздние литературные тексты, например «Сказания о Сатни-Хемуасе» (I в. н. э.), написаны демотикой, чтение которой сопряжено с большими трудностями, ибо требует специальных навыков.

Для того чтобы научиться грамоте, писец должен был запомнить сотни буквенных, слоговых, смысловых и пояснительных знаков. Он должен был прочно закрепить в памяти орфографию каждого слова и усвоить сложные обороты, диктовавшиеся правилами хорошего тона и требованием литературного стиля. Знания приходилось приобретать путем длительных упражнений. Это заставляло тратить на учение долгие годы и, следовательно, требовало значительных средств.

Естественно, что простым землевладельцам, составлявшим основную массу населения Египта и жившим впроголодь, обучиться письму не представлялось никакой возможности.

Совершенно ясно поэтому, что люди, монополизировавшие искусство письма, — то есть писцы и жрецы, — не могли примириться ни с первоначальной социальной направленностью сказки, ни с той оценкой, которую народ давал окружающей его действительности, историческим событиям или лицам. При литературном оформлении сказки обычно подвергались существенной обработке. Очень показателен в этом отношении круг сказок, связанных с фараоном IV династии Хуфу (Хеопс греков). Воздвигнутые им и его преемниками около 2800 г. до н. э. великие пирамиды, конечно, в значительной степени способствовали возникновению легенд и преданий об их строителях. Одну из этих легенд записал со слов проводников и переводчиков Геродот, посетивший Египет в середине V века до н. э., то есть спустя более двух тысяч лет после описываемых в ней событий. Геродот пи-

«Царь Хеопс подверг Египет всевозможным бедствиям... Он заставил всех египтян работать на себя. Одних он заставил переносить камни из каменоломен Аравии до самого Нила. Другие должны были тащить эти камни, переправленные через Нил на плотах, до так называемого Ливийского хребта. Так работало непрерывно около ста тысяч человек в течение трех месяцев

каждый. Народу пришлось около десяти лет трудиться только над проведением дороги, по которой тащили камни... Постройка же самой пирамиды продолжалась двадцать лет. Подлость Хеопса доходила до того, что, нуждаясь в деньгах, он поместил свою дочь в публичный дом и заставил ее зарабатывать определенную сумму денег». И далее, говоря о Хуфу и его преемниках, Геродот пишет: «Насчитывают сто шесть лет, в течение которых египтяне терпели всевозможные беды... Из ненависти к этим царям египтяне неохотно называют их имена».

Вероятно, именно это недовольство народа и привело к смене IV династии. Но как раз этот мотив совершенно смазан в обработанной жрецами сказке «Фараон Хуфу и чародеи». Как видно из ее содержания, в приходе к власти новой династии какую-то, быть может даже решающую, роль сыграли жрецы бога солнца — Ра. Не исключена возможность, что первый царь новой династии Усеркаф сам был верховным жрецом в Гелиополе, где находился центр культа Ра. В сказках о Хуфу отразились и последующие события — социальные смуты конца Древнего Царства (около 2400 г. до н. э.) и последовавшего за ним периода распада страны — борьба между старой областной знатью и усилившейся прослойкой средних землевладельцев-рабовладельцев, «недже-сов», требовавших искусственного орошения полей. Из недже-сов комплектовалось основное ядро армии, из них выходили зажиточные ремесленники и торговцы. Чародеи из представителей знати первых двух сказок, рассказанных сыновьями Хуфу, противопоставляются чародею-недже-су третьей сказки. Если в первой из них чародей-вельможа одерживает победу над простолюдином, с которым ему изменила жена, то в последней сказке чародей-недже-с Джеди значительно превосходит знатных волшебников своими знаниями, могуществом и предвидением будущего. Именно он предрекает Хуфу гибель его династии. Очень типично, что характеристика последнего смягчена. И это вполне понятно. Ни один писец не осмелился бы ни в эпоху Древнего Царства, ни позже, в эпоху Нового Царства, когда был написан этот папирус, наделить фараона — «сына Солнца» — столь отрицательными чертами.

И все же сказки, несмотря на обработку, которой они обычно подвергались при записи, ярко отображают жизнь народа с присущей ей яркостью и разнообразием. Одна из них, например сказка «Два брата», при всей ее фантастичности, вполне реалистически рисует быт крестьянской семьи, с ее заботами и патриархальным укладом. Другие — уводят слушателя в далекие моря и чудесные страны. Таковы сказки «Потерпевший кораблекрушение» и «Хитроумный полководец Джхути».

Подобного рода сказки возникают несколько позже, когда египтяне пускаются по волнам Красного моря на юг в страну Пунт (современное Сомали) за благовониями, слоновой костью, шкурами редких животных или когда фараоны-завоеватели начинают свои грабительские походы в соседние страны, в частности в Сирию, где развивается действие сказки «Обреченный сын фараона».

Но не всегда удается писцам приглушить сатиру на сильных мира сего. В особенности отчетливо проступает она в некоторых произведениях поздней эпохи, в частности в сказаниях о Сатни-Хемуасе. В одном из них фараона подвергают постыдной порке, что никак не вяжется с его «божественным» саном.

Почти все египетские сказки — волшебные. Но у народов древности вообще вся идеология была неотъемлема от религии и веры в магические силы. В этой вере в чудесное воплощались мечты и надежды на счастье и лучшее будущее. Ведь при низком уровне научных познаний люди верили, что магия может помочь им познать природу и воздействовать на ее силы.

Однако гробницы и развалины храмов Египта сохранили нам только сказки. Из них были извлечены и древнейшие в мировой литературе повести. Здесь авторство принадлежит одному лицу или небольшой группе лиц, вносивших при переписывании текста те или иные изменения, в особенности стилистические, так произведение не получало более или менее законченную форму. Сюжетная линия при этом обычно оставалась неизменной. В данном отношении особенно характерен рассказ о похождениях Синухета. Известно около двадцати пяти различных фрагментов этого произведения, относящихся к XIX—X векам до н. э. и содержащих от нескольких обрывочных строк до почти полного текста. И каждый из них имеет какую-либо особенность языка или стиле, отличающую его от других. В основе повести, видимо, лежат подлинные события, впоследствии приукрашенные и опозитизированные. Повесть «История Синухета» во многом напоминает те автобиографии, которые египетские вельможи заставляли высекать на стенах своих гробниц, чтобы увековечить свои деяния. Примыкает к ней по характеру и другая повесть — «Заклятия Унуамона», которая сохранилась, к сожалению, только в одном, и то далеко не полном экземпляре. Этот рассказ очевидца значительно менее приукрашен, чем предшествующий, хотя, видимо, также подвергся последующей литературной обработке. Лаконично и просто описывает Унуамон все, что ему пришлось пережить и претерпеть. Ему нельзя отказать также, как и Синухету, в яркости и образности некоторых эпитетов и сравнений, что вообще в высокой степени присуще древне-

египетской литературе. В этих повестях можно найти образы, которые могут поразить и современного читателя, например сравнение ощущения жгучей жажды со вкусом смерти в «Истории Синухета». Иногда встречаются и очень меткие выражения — очевидно, пословицы. Особую живость придает повествованию то, что рассказ ведется от первого лица — этот прием, заимствованный, видимо, из уже упоминавшихся выше автобиографических надписей, был впервые в мировой литературе применен в Египте. Но, конечно, подобные повести, возникшие в иной социальной среде, существенно отличаются от сказок. Их объединяет не только иная направленность, иное содержание и иная форма, но и иной стиль. В сказках в общем он остается более простым, хотя имеются и исключения.

Выше уже отмечались некоторые характерные черты, присущие литературному стилю и языку Древнего Египта, в том числе стремление к аллитерации, ритму и созвучию. Египтян увлекала игра слов. Нам сегодня покажутся скучными напыщенные длинные фразы, которыми восхваляются сильные мира сего, в первую очередь фараоны. Нас не могут тронуть вычурные обороты, надуманные метафоры, многочисленные и не всегда ясные сравнения. Но у древних египтян была своя, отличная от нашей эстетика, и наша задача постараться ее понять.

Сказанное выше до некоторой степени относится и к содержанию. Рассказчик не всегда бывает строго последователен. Причины некоторых поступков и действий остаются для нас неясными, как, например, причины, побудившие Синухета покинуть родину, или некоторые речи в повествовании Унуамона, но нельзя не отдать должного чувствам, которые одушевляют героев, или мыслям, которые они высказывают. Эти мысли и чувства понятны и близки нам. Прежде всего это страстная любовь к своему родному краю, к своей стране. Ею диктуются поступки Унуамона, Синухета, Потерпевшего кораблекрушение. Все они, вынужденные по той или иной причине находиться на чужбине, тоскуют по Египту. И нет для них большего счастья и радости, чем возможность возвращения на берега Нила. В равной степени характерна и привязанность египтян к семье, к близким. Лучше всего это выражено в словах доброго змея — владыки чудесного острова из сказки «Потерпевший кораблекрушение»: «Если ты мужествен, овладей собой! Будь смел, и ты обнимешь своих детей, ты поцелуешь свою жену, ты снова увидишь свой дом, — а что может быть лучше этого?» Сказителей воодушевляют идеи справедливости, возмездия за причиненное зло, в особенности если оно причинено с корыстной целью («Правда и Кривда»).

Мы найдем в них и осуждение деспотии и эксплуатации человека человеком и прославление верности и преданности («Два брата», «Обреченный сын фараона»).

Но этим далеко не исчерпывается значение древнеегипетских сказок и повестей. Большая часть их — древнейшее свидетельство художественного творчества человека. В древнеегипетской литературе впервые встречаются многие литературные приемы, и притом довольно сложные, которые применяются и поныне во всех литературах мира. Например, «рамка» с самостоятельным началом, которая позволяет объединить в единое целое несколько не связанных между собой отдельных произведений. Эта связывает вместе сказки о фараоне Хуфу и чародеях. Сказка о Сатни-Хемуасе и мумиях мир реальный связан с фантазией путем введения мотива сна. Это сделано чрезвычайно искусно, и читатель почти до самого конца останется в полном неведении, что развивающиеся события происходят во снах или наяву.

Наконец, многие сюжеты, разрабатываемые в фольклоре и литературе почти всех народов мира, впервые получили литературное оформление в древнеегипетских сказках. Тому можно привести сотни примеров. Достаточно указать, что сказка о Рамсисините и хитром воре имеет параллели в сказках немецких, английских, русских, кипрских, тибетских, индийских, китайских, осетинских, арабских, чешских, бретонских, сицилийских и т. д. То же можно сказать о сказке «Правда и Кривда», близкой русской сказке с аналогичным названием. Сказка Потерпевшем кораблекрушение перекликается с Синдбадом-Мореходом из «Тысячи и одной ночи», и т. д. Это не означает, что Египет вообще является родиной сказки, но более древних сказок, чем египетские, пока неизвестно.

Но не только древность египетских сказок и повестей составляет их ценность. Помимо огромного познавательного значения и художественных достоинств этих сказок, в них заключены многие идеи, которые делают эти древнейшие произведения мирового творчества, несмотря на иную социальную среду, в которой они возникали, и тысячелетия, отделяющие их от нас, близкими и понятными советским людям.

Достижения цивилизации Древнего Египта унаследованы всем человечеством. И ныне, когда Египет сбросил оковы колониального рабства, прекрасные традиции его великой и древней культуры несомненно помогут ему осуществить те мечты и надежды, которые воодушевляли далеких предков современных египтян.

Настоящий сборник древнеегипетских сказок и повестей — первый опыт их перевода для массового читателя. Это значительно усложняло работу переводчиков. О трудностях, сопряженных с изучением древнеегипетского письма, говорилось выше. Правда, мы располагаем теперь словарями и грамматиками, но само изучение языка древних египтян началось только 135 лет тому назад, и значение многих слов еще окончательно не выяснено. Кроме того, неповрежденный папирус представляет собою большую редкость. От одних дошли только отдельные страницы, другие изобилуют пропусками. Если упомянуть о ряде недоразумений, возникающих в связи с ошибками и описками, происходящими от небрежности или неграмотности писцов, то получится ясная, но далеко не полная картина тех трудностей, с которыми сталкивается каждый переводчик древнеегипетских текстов.

До сих пор произведения древнеегипетской литературы переводились преимущественно текстуально. Такого рода переводы представляли собой интерес главным образом лишь для специалистов. Настоящий сборник ставит перед собой иные задачи. Переводчики стремились познакомить советского читателя с древнейшими памятниками мировой литературы как с художественными произведениями. Стараясь сохранить максимальную точность перевода, переводчики исходили прежде всего из требований, предъявляемых к художественному переводу вообще. Поэтому данный перевод не является обычным лингвистическим подстрочником, принятым в египтологии. В целях соблюдения их художественной целостности недостающие части отдельных произведений были восполнены по восстановлению крупнейших египтологов Г. Масперо, Ф. Гриффитса, А. Гардинера, а также Г. Эберса, с некоторыми изменениями как стилистическими, так и смысловыми, которые переводчики сочли необходимым внести. В некоторых же случаях переводчики произвели восполнение текста самостоятельно, исходя из его содержания и дополнительных данных, заимствованных из других источников. Все эти восстановления и дополнения, относящиеся, как правило, к концу или началу некоторых произведений, отделены от сохранившегося текста тремя звездочками.

И. С. КАЦНЕЛЬСОН

СКАЗКИ и ПОВЕСТИ
ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

ПОТЕРПЕВШИЙ КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ

Послал фараон одного из знатных вельмож страны своей в далекое плаванье. Но постигла того неудача, и не смог он выполнить повеление фараона. Возвратился он в Египет ни с чем.

С печалю смотрел вельможа на берег: страшил его сней фараона. И тогда, чтоб утешить его, обратился к нему бывалый дружинник из свиты его.

* * *

И сказал тогда бывалый дружинник:

Да порадуетса сердце твое, князь мой! Вот достигли мы места, где пребывает двор фараона, взяли волотушку, вбили причальный кол и забросили на

землю носовой канат. Все восхваляют и славят бога. Корабельщики обнимают друг друга, ибо все возвратились целыми и невредимыми и нет убыли среди наших солдат. Благополучно миновали мы пороги Уауата, оставили позади остров Сенмут¹ и, наконец, достигли нашей страны!

Выслушай меня, князь мой! Не праздные слова я скажу тебе.

Омой лицо свое, ополосни водой пальцы свои и будь готов отвечать, когда тебя спросят. Говори с фараоном без страха, отвечай ему не запинаясь. Уста человека спасают его, умелая речь вызывает к нему снисхождение. Впрочем, делай, как знаешь, ибо я говорил тебе это уже не раз.

Слушай, я расскажу тебе нечто о несчастье, подобном твоему, но которое приключилось со мною.

Я плыл к рудникам фараона, я спускался к Великому Зеленому морю² на корабле длиною в сто двадцать локтей³ и шириной в сорок. Было на нем сто двадцать корабельщиков из числа наилучших в Египте. Они повидали небо, они повидали землю, и сердца их были отважнее, чем у льва. Они умели предсказывать бури задолго до их начала, они предугадывали грозу задолго до ее приближения.

Но вот, когда мы плыли по Великому Зеленому морю, вдруг разразилась буря. Вихрь налетел и поднял волну высотой до восьми локтей. Мачта обрушилась и сбила сильным ударом гребень волны. Корабль затонул, а с ним вместе все, кто на нем находился. Только меня одного вынесли волны Великого Зеленого моря на остров.

Три дня я провел в одиночестве; лишь сердце мое было моим товарищем. В изнеможении я лежал под деревом, стараясь укрыться в его тени. Потом я поднялся и направил свои стопы на поиски пищи. Вскоре нашел я смоквы и виноград, увидел сикоморы со зрелыми и созревающими плодами, огурцы, словно выращенные

¹ Уауат — область Северной Нубии около первого порога Нила. Остров Сенмут — современный Биге, находится в районе первого порога, считался пограничным пунктом собственно Египта.

² Великое Зеленое море — Красное море.

³ Локоть — мера длины, равная примерно 50 см.

человеком, и другие превосходнейшие овощи. Еще я увидел множество птиц, а в источниках — всевозможных рыб. Ни в чем не было недостатка на этом острове! Насытился я, а то, что сорвал; но не смог уже съесть, положил обратно на землю. Потом я сделал снаряд для добывания огня, развел костер и принес богам жертву всесожжения.

Но вдруг я услышал гул, подобный раскатам грома. Я подумал, что это Великое Зеленое море снова обрушило свои волны на остров, и в страхе закрыл лицо руками. Деревья вокруг трещали, и земля тряслась подо мной.

Когда же я снова открыл лицо, то увидел, что это был змей длиною в тридцать локтей и с бородой длиною в два локтя. Кольца тела его были покрыты золотом, брови его были из чистого лазурита. Он шел ко мне, и тело его извивалось.

Я простерся перед ним на животе своем, а он отверз уста свои и сказал мне:

Кто принес тебя сюда? Кто принес тебя сюда, ничтожный? Кто принес тебя? Если ты замедлишь с ответом и не скажешь, кто принес тебя на этот остров, я обращу тебя в пепел, и ты это изведешь, прежде чем превратиться в ничто.

И ответил я:

Ты говоришь со мной, но темен смысл твоих слов. В страхе я лежу перед тобой и ничего не понимаю.

Тогда взял меня змей в свою пасть и понес к своему лицу. Там положил он меня на землю так осторожно, что остался я жив и невредим. Снова простерся и перед змеем на животе своем, а он отверз уста свои и сказал:

Кто принес тебя? Кто принес тебя сюда? Кто принес тебя сюда, ничтожный? Кто принес тебя на этот остров, окруженный водами Великого Зеленого моря?

Я ложил перед ним руки и сказал в ответ на его слов:

По приказу фараона я плыл к рудникам на корабле длиною в сто двадцать локтей и шириною в сорок. Сто двадцать корабельщиков было на нем из числа наилучших в Египте. Повидали они небо, повидали землю, сердца их были отважнее, чем у льва. Они умели предсказывать бури задолго до их начала, они предсказывали грозу задолго до ее приближения. Один был

сильней и смелее другого, и не было несведущих среди них. Но когда мы плыли по Великому Зеленому морю вдали от всех берегов, вдруг разразилась буря. Вихрь налетел и поднял волну высотой до восьми локтей. Мачта обрушилась и сбила гребень волны, но корабль затонул, а с ним вместе все, кто оставался на нем. Один я спасся, и вот я перед тобой. Волны Великого Зеленого моря принесли меня на этот остров.

И тогда сказал змей:

— Не бойся меня, ничтожный, не бойся! Теперь, когда ты со мной, незачем тебе бледнеть от страха. Видно, сам бог пожелал, чтобы ты остался в живых, ибо это он направил тебя к этому острову Духа, на котором такое множество превосходных вещей и нет недостатка ни в чем. Здесь, на этом острове, будешь ты жить месяц за месяцем, пока не завершится четвертый месяц. И тогда придет корабль из страны твоей, и будут на нем корабельщики, которых ты знаешь. Ты вернешься с ними на родину и умрешь в своем городе. И будешь ты счастлив, когда станешь рассказывать о том, что случилось с тобой, когда все тяжелое останется позади.

Слушай, я расскажу тебе нечто о несчастье, которое приключилось на этом острове. Здесь я жил со своими братьями и детьми, и всего нас было семьдесят пять змеев. Еще была среди нас одна девочка, дочь простой смертной, но ее я не считаю. И вот однажды упала с неба звезда, и пламя охватило всех. Случилось это, когда меня с ними не было. Они все сгорели, и лишь я один спасся. Но, когда я увидел эту гору мертвых тел, я сам едва не умер от скорби.

Так вот, если ты мужествен, овладей собой! Будь смел, и ты обнимешь своих детей, ты поцелуешь свою жену, ты снова увидишь свой дом, — а что может быть лучше этого? Ты вернешься в свой город и доживешь до конца своих дней среди братьев твоих.

Простершись перед змеем на животе своем, я коснулся лбом земли и сказал ему:

— О твоем могуществе я поведаю фараону, о твоем величии я расскажу ему. Я прикажу доставить тебе благовония хекену, иуденеб и хесаит¹, ладан и арома-

¹ Хекену, иуденеб, хесаит — названия различных ароматических веществ.

тические смолы, которые радуют богов. Я расскажу всем о том, что случилось со мною на этом острове и что я увидел здесь благодаря твоему могуществу. И будут славить тебя в моем городе перед советом вельмож всей страны. Для тебя заколю я быков и принесу тебе жертву всесожжения. В жертву тебе принесу я птиц. Я велю послать к тебе корабли, нагруженные всем, что есть наилучшего в Египте, и принесу их тебе в дар, как богу, благосклонному к людям в этой далекой стране, о которой они не ведают.

И тогда посмеялся змей надо мною, точно слова мои были бессмысленны, и сказал:

— Мирры у тебя немного, и есть у тебя только ладан. Я же — повелитель Пунта, страны благовоний, и вся мирра принадлежит мне. Что же до благовонного хекену, которое ты мне обещаешь, то его на острове больше всего остального. Но, покинув мой остров, ты уже не найдешь его, ибо место это скроется под волнами.

И было все так, как предсказывал змей. К острову прибыл корабль. Я пришел на берег, влез на высокое дерево, увидел людей, которые были на корабле, и узнал их.

Тогда я направился к змею, чтобы рассказать о корабле, но увидел, что он все уже знает.

Сказал мне змей:

Будь здоров, будь здоров, ничтожный! Ты вернешься домой невредимым, чтоб увидеть своих детей! Прославь меня в своем городе, — вот о чем я тебя прошу.

Тогда я простерся ниц на животе своем и сложил перед ним руки, и он дозволил мне взять благовония хекену, иуденеб, хесаит, тишепсес, мирру, черную мазь для глаз, хвосты жирафа, столько ароматной смолы и ладана, сколько я хотел, слоновую кость, охотничьих собак, мартышек, бабуинов и множество других превосходнейших вещей. И все это я погрузил на корабль.

Потом я простерся перед змеем на животе своем, чтобы поблагодарить его. И тогда сказал он мне:

Через два месяца ты достигнешь своей страны, ты обнимешь своих детей, ты вновь обретешь на родине честь, и, когда придет срок, ты будешь погребен по обычаю.

Затем я спустился на берег, к кораблю, и окликнул людей, которые были на нем. Стоя на берегу, я возблагодарил владыку этого острова, и те, кто был на корабле, сделали то же самое. А потом мы поплыли на север.

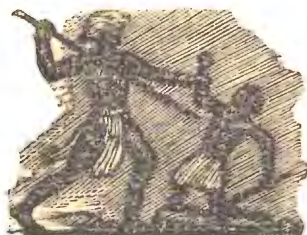
Через два месяца, как предсказывал змей, достигли мы места, где пребывал двор фараона. Явился я к фараону и сложил перед ним все дары, привезенные мною с того острова. И поблагодарил меня фараон перед советом вельмож всей страны, наградил меня своими рабами и принял меня в свою свиту.

Вот видишь, сколько я повидал, сколько я перенес, пока не вернулся в свою страну! Слушай меня, я не зря говорю тебе это! Полезно слушать слова других.

Но ответил ему вельможа:

Не хитри со мною, мой друг. Незачем поить ночью птицу, которую утром зарежут!

Здесь завершается рассказ, как его записал от начала и до конца Амено, сын Амени, писец с умелыми пальцами, да будет он жив, невредим и здоров!

ИСТОРИЯ СИНУХЕТА

Синухет, князь из знатного рода, судья и правитель подвластных фараону земель в стране бедуинов, воистинно известный фараону и любимый им приближенный свиты его, рассказывает о себе:

Я был спутником фараона и следовал всюду своим господином. Я был слугою его гарема при высококочтимой Нофру, любимой сестре и супруге фараона

Сенусерта, чья пирамида в Хнумсоте, благородной дочери фараона Аменемхета, чья пирамида в Канофру ¹.

В тридцатом году, на седьмой день третьего месяца разлива Нила, божественный лик фараона скрылся за горизонтом; Схотепибра ², владыка Верхнего и Нижнего Египта, вознесся на небо и соединился с Солнцем, а бога вновь слилось с божеством, которое его породило. Двор погрузился в молчание, все сердца охватила

Аменемхет I (2000—1980 гг. до н. э.) и Сенусерт I (1990—1934 гг. до н. э.) — фараоны XII династии. Хнумсоти, Канофру — места их погребения близ Лишта, южнее Мемфиса на западном берегу Нила.

¹ Схотепибра (Любезный сердцу Ра) — тронное имя Аменемхета I.

скорбь. Большие двойные ворота были заперты, придворные сидели, склонившись лицом в колени, а народ причитал.

В те дни войско фараона находилось по его приказу в стране Тимхи¹. Во главе его стоял старший сын фараона, благой бог Сенусерт. Был он послан туда, чтобы сокрушить мощь чужой страны и покарать врагов фараона, укрывшихся среди племен техену². И вот он уже возвращался, ведя за собою пленников из страны Техену и неисчислимые стада скота.

Тогда семеры, друзья фараона, послали вестников к сыну его, чтобы предупредить о случившемся во дворце. Гонцы застигли его в пути и предстали перед ним, хотя была уже ночь. Наследник фараона не стал медлить ни мгновения: божественный Сокол со своею свитой устремился ко дворцу, не оповестив даже войско свое.

Но в ту же ночь прибыли гонцы и к другим сыновьям фараона, находившимся при войске вместе с наследником. К одному из них тайно явился вестник, и я услышал их голоса, потому что стоял поблизости.

Но, когда я услышал, о чем они говорят, сжалось сердце мое, опустились руки мои, и дрожь охватила меня с головы до ног. Большими прыжками я удалился от них и спрятался. Я лег между двумя кустами, чтобы те, кто двигался по дороге, прошли мимо и не заметили меня.

Переждав, я направился на юг. Но во дворец фараона решил я не возвращаться. Опасался я, что вскоре начнется там междоусобица и я погибну в этой борьбе за трон.

И вот переправился я через воды озера Маати вблизи священных сикомор и достиг острова Снофру³. Целый день я прятался на краю возделанного поля, а когда наступил рассвет нового дня, вновь тронулся в путь.

Внезапно встретил я человека. Страх овладел мной, но путник почтительно приветствовал меня, и мы разминулись.

¹ Страна Тимхи — Ливия.

² Техену — родственные египтянам племена.

³ Повидимому, речь идет об озере Мариут, которое, так же как и остров Снофру, расположено в северо-восточной части дельты Нила. Священные сикоморы. — Рощи сикомор часто посвящались богине Хатор (богиня веселья и любви) и считались местом ее обиталища.

Когда подошла пора вечерней трапезы, достиг я города Гау. Отсюда, в лодке без рулевого весла, переправился я через Нил: западный ветер помог мне. Я обогнул каменоломни с восточной стороны и поднялся выше по течению к Владычице Красной Горы¹.

Направил я стопы свои к северу и достиг Стен Князя — сильной крепости, воздвигнутой для того, чтобы сокрушать кочевников пустынь и отражать набеги бедуинов. Опасаясь, как бы дневная стража со стен меня не заметила, я пригнулся и затаился в кустах.

С наступлением ночи я снова двинулся в путь и к рассвету, когда земля озарилась, добрался до Петни. Остановился я на острове Великого Черного озера с горькой водой. Одолела меня жестокая жажда. Гортань моя пересохла, горло мое забило пылью, и тогда сказал я себе: «Что вкус смерти!»

Но вскоре услышал я рев стада и увидел кочевников-бедуинов. Сердце мое ободрилось, и силы вернулись ко мне. Шейх² бедуинов, побывавший в Египте, узнал меня. Он дал мне воды, а затем приказал вскипятить для меня молока. Вместе с ним предстал я перед людьми его племени, и они обошлись со мною радушно.

Из одной страны шел я в другую страну. Покинул я Библ и вернулся в Кедем³. Здесь, на востоке, прожил и год и еще полгода.

Но однажды призвал меня к себе Ненши, сын Аму, правитель Верхнего Ретену⁴, и сказал он мне:

У меня тебе будет лучше, ибо здесь ты услышишь египетскую речь.

Так сказал он потому, что знал о моих достоинствах: слышан был о моей мудрости. Египтяне, которые находились при нем, за меня поручились.

И еще спросил он:

Владычица Красной Горы — современный Гебель-ар, горы севернее Каира.

² Шейх — старейшина у арабских племен.

Библ — древний финикийский город на Сирийском побережье. Кедем (буквально «восток») — очевидно, область пустынь восточнее Дамаска.

⁴ Ретену — область, охватывающая предположительно часть Сирии и север Палестины.

— Почему пришел ты в эту страну? Что тебя заставило? Не случилось ли чего-нибудь при дворе фараона?

Отвечал я ему:

Владыка Верхнего и Нижнего Египта Аменемхет покинул землю и скрылся за горизонтом. Никто не знает, что теперь будет.

И еще сказал я, решив утаить половину правды:

Эту весть передали мне, когда возвращался я из похода против страны Техену. Разум мой помутился, сердце мое вырвалось из груди и повлекло меня по дорогам пустыни, хотя никто меня не оскорблял, никто не плевал мне в лицо, никто меня не обвинял, и глашатай, разыскивающий преступников, не выкрикивал мое имя. Я и сам не знаю, что привело меня в эту страну! Видно, так уж было угодно богам...

Тут спросил он меня:

— Что же будет с этой землею без прекрасного божества, перед которым все страны дрожали, как перед богиней войны Сохмет в годину черного моря?

И сказал я ему в ответ:

Конечно, сын фараона вступил во дворец. По праву завладел он наследством отца своего, ибо нет божества ему равного и нет никого, кто бы мог его в чем-либо превзойти. Мудрость ему подвластна, замыслы его совершенны, приказы его превосходны. Все повинуются каждому слову его. Это он покорял чужеземные страны, когда отец его не выходил из дворца своего. Он лишь являлся к нему и говорил, что повеленья его исполнены. Воистину доблестен фараон и могуча десница его! Никто не сравнится с ним, когда он обрушивается на варваров или устремляется в битву. Он сгибает руками рог. Руки врагов его ослабевают, и не могут они сплотить ряды свои. Зоркий, он поражает врагов своих прямо в темя. Никто не в силах устоять перед ним! Быстроногий, он истребляет бегущих. Нет спасения тем, кто показывает ему спину! Отважный, без страха встречает он нападение, не отступает и сам бросается на врага. И сколько бы ни было врагов, сердце его не дрогнет: оно недоступно страху. Не страшится он орд, идущих с востока. С радостью нападает он на варваров. Он хватается свой щит и повергает врагов на землю. А когда уби-

т он, ему не приходится повторять удара. Никто может натянуть его лук, и стрелы его не избежать ему. Варвары бегут от него, как от гнева самой Великой Богини войны. Сражается он без усталости, пока не кончит со всеми, не падит никого.

И в то же время он милосерден, полон сладостной простоты и ласкою покоряет сердца. Город его любит своего господина сильнее, чем себя самого, ликует при виде его больше, чем при виде своих богов. Теперь, когда сделался он фараоном, мужчины и женщины приходят толпами и приветствуют его. Он покорил их еще тогда, когда находился во чреве матери. Со дня рождения ему указано было повелевать. Собою он неизмеримо умножил число тех, кто родился в одно время с ним. Он единственный, посланный нам богами. Ликует земля, господином которой он стал. Это он раздвинул ее рубежи! Страны Юга покорятся ему, а о северных странах он не помышляет, ибо он рожден для того, чтобы разбить бедуинов и сокрушить азиатов, кочевников пустынь. Отправь к нему гонцов, чтобы он знал имя твое. И никогда не изрекай хулы против его величества. Ибо он не обойдет своей милостью даже чужую страну, если она ему предана.

И тогда сказал мне Ненши, сын Аму:

Воистину счастлив Египет, потому что он знает, могуч Сенусерт. Но раз уж ты здесь, оставайся со мной, и я сделаю так, чтобы было тебе хорошо.

И вправду, поставил меня Ненши, сын Аму, выше детей своих и женил меня на своей старшей дочери. Повелел он мне выбрать надел из наилучших в стране на границе с другой страной. Прекрасна была область, и называлась она Иаа. Росли здесь смоны и виноград, вина здесь было больше воды, масло и мед имелись в изобилии, и всевозможные плоды вырастали в садах. На полях произрастал здесь ячмень и пшеница, а стада мои были разнообразны и неисчислимы.

Великими милостями осыпал меня Ненши, сын Аму, любви ко мне. Сделал он меня вождем племени, одним из избранных страны своей. Положил он мне ежедневную долю вина и других напитков, и каждый день посылал он мне долю пищи: мяса вареного и птицы жареной, не считая мелкой дичи пустыни. Эту дичь для

меня ловили всегда и клали передо мной, сверх того, что приносили мне мои охотничьи собаки. Также выпекали для меня всевозможные хлебы и все кушанья для меня готовили только на масле и молоке.

Так прожил я в стране Иаа немало лет. Выросли дети мои, окрепли, и каждый из них стал вождем племени Гонцы, куда бы ни направлялись они, на север или на юг, ко двору фараона, всегда останавливались у меня. Всем путникам я давал приют. Я поил водой жаждущего, я выводил на дорогу заблудившегося, я помогал ограбленному.

По приказу правителя Ретену я командовал его войском, и когда кочевники пустынь осмеливались теснить подвластных ему вождей, я помогал вождям советом и направлял их в бою. Против какого бы племени я ни сражался, я всегда побеждал. Я оттеснял их с пастбищ и от колодцев, я отнимал у них пищу, угонял их скот и захватывал пленников. Тонким расчетом, стремительными походами, десницей моей и луком моим истреблял я вражеских воинов. Всем сердцем благоволил ко мне правитель страны Ретену. Полюбил он меня, когда уверился в моей доблести, и поставил меня даже выше детей своих, когда убедился в силе рук моих.

Но однажды явился ко мне сильнейший из воинов страны Ретену. Он пришел в мой шатер и вызвал меня на бой. Это был храбрый боец, и не было ему равных: победил он всех в стране своей. Он сказал, что будет сражаться со мной один на один. Задумал он ограбить меня, замыслил он угнать все мои стада по наущению племени своего.

Узнал об этом правитель страны Ретену и спросил меня, что нужно тому человеку. И ответил я:

— Я его не знаю. Воистину я с ним незнаком! Никогда я не проникал в его лагерь, никогда не распахивал его ворота, никогда не взламывал его ограду. Он просто завидует мне, ибо видит, что твои повеления исполняются. И на самом деле, я ведь словно бык из рассеянного стада, очутившийся вдруг в чужом стаде. Нападает на него длиннорогий бык, устремляется на чужака. Разве станет кто-нибудь любить простолюдина, сделавшегося вождем? Разве станет жить уроженец Дельты¹ вместе

¹ Д е л ь т а — дельта Нила.

варварами? Разве может папирус расти на скале? Но
ли вожак стада рвется в бой, должен ли могучий бык
линять ему спину из боязни, что тот его победит?
ли сердце его склонно к борьбе, пусть выскажет же-
свое. Кто знает, что его ждет? Только богам от-
крыты предначертанья судьбы.

Ночью натянул я лук свой и приготовил стрелы.
Попытал я, легко ли выходит из ножен меч, и проверил
мое оружие.

Земля едва озарилась, а люди Ретену уже прибыли.
Тот воин собрал все свои племена, он привел с собой
полковнику страны и думал только о поединке.

И вот он двинулся на меня. Я стоял перед ним и
ждал.

Все сердца трепетали за меня. Женщины и даже
дети громко стонали. С болью в сердце говорили

Кто же может сражаться с таким силачом!

Поднял воин Ретену свой щит, взмахнул боевым то-
пором, метнул в меня дротики один за другим, всю связ-

Но я увернулся от его ударов, и все стрелы его до
последней тоже пролетели мимо меня. Тогда мы пошли
друг другу навстречу. Устремился он на меня, но тут
поднял я лук, и стрела моя вонзилась ему прямо в горло.
Вскрикнул он и повалился носом в песок. Его собствен-
ным боевым топором я добил его, наступил ему на спину
и кричал свой победный клич.

Радостным воем приветствовали меня азиаты. Только
родные из племени воина Ретену оплакивали его.

Военес я хвалу Монту, богу войны, и правитель
Нетини, сын Аму, заключил меня в объятия свои.

Потом забрал я добро побежденного и захватил его

Я сделал с ним то, что хотел он сделать со мною.
Потом я становиле его и унес все, что было в его
доме. Так возвысился я: увеличались богатства мои
и умножился скот мой. Совершилось это по воле бога.
Прочел я его, и заставил он меня блуждать на дале-
кой чужбине. Но теперь смиловивился он надо мной.
Ах утеш сердце мое!

Когда-то бежал беглец
Из страны своей,
А теперь возвещают о нем
При дворе.

Когда-то влачился бедняк,
Умирая от голода,
А теперь оделяет он хлебом
Всех соседей.
Когда-то нищий нагой
Покинул землю свою,
А теперь облачен я в одежды
Из тончайшего полотна.
Когда-то носил я послания,
Ибо гонца не имел,
А теперь у меня рабов
Великое множество.
Прекрасен мой дом, обширны владенья мои!
Вспоминают имя мое
При дворе фараона.

Кто бы ни был ты, бог, предначертавший бегство мое, смилуйся надо мной и дозвошь мне вернуться на родину! Дай мне вновь узреть те места, где пребывает сердце мое! Сделай так, чтобы тело мое погребли в той земле, на которой я был рожден! Что может быть выше этого и желанней? Помоги же мне!

То, что случилось, победа моя, — счастливый знак. Оказал мне бог милость. Да будет он милосерден и дальше и да сделает так, чтобы кончилось все хорошо для того, кто был им унижен. Пусть проникнет жалость в сердце бога, который изгнал меня и принудил жить на чужбине. Неужели он не смилуется сейчас надо мной? Пусть услышит он мольбу изгнанника, взывающего издалека. Да протянет он руку тому, кто был им повергнут в прах, и да возвратит он его в страну, из которой изгнал его.

О владыка Египта, будь благосклонен ко мне! Дай снова жить милостями твоими! Дозвошь мне приветствовать супругу твою, владычицу Земли, во дворце твоём, дозвошь мне служить ее детям!

О, если бы тело мое омолодилось! Старость настигла меня, и слабость вошла в мои члены: отяжелели, померкли мои глаза, ослабели руки мои, ноги больше не служат мне, сердце мое утомилось. Близок час моей смерти, и скоро уже понесут меня в город вечности, в город могил. Но прежде хотел бы я послужить еще Владычице всего сущего, хотел бы услышать я, что приятно детям ее, и совершить их волю. Да повелевает она мною вечно, и в этой жизни и в той!

И вот дошли слова мои до его величества Владыки Верхнего и Нижнего Египта, доложили обо мне фараону Хепер-ка-Ра, чей голос правдив¹. И тогда его величество, дабы обрадовать сердце слуги своего, отправил ко мне послов с царскими дарами, словно к правителю какой-нибудь чужеземной страны. И дети фараона из дворца его прислали мне свое повеление.

КОПИЯ ПОВЕЛЕНИЯ, ДОСТАВЛЕННОГО
СЛУГЕ ФАРАОНА, О ЕГО ВОЗВРАЩЕНИИ
В ЕГИПЕТ

«Гор², живой рождениями, обе богини-покровительницы³, Владыка Верхнего и Нижнего Египта, живой рождениями Хепер-ка-Ра, сын бога Солнца Ра, Сенусерт, да живет он вечно!

Повеление фараона свитскому Синухету.

Доставлено тебе повеление это, дабы уведомить о нижеследующем.

Обошел ты дальние земли, прошел от Кедема до Рс-тени, и сердце твое заставляло тебя бежать из одной чужеземной страны в другую. Но что совершил ты, чтобы страшиться кары? Не злословил ты, и нечего тебе бояться речей своих. Не хулил ты совет знатных, и нечего тебе опасаться слов своих. Страх овладел твоим сердцем, но не было злого умысла против тебя в сердце моем. Повелительница твоя, небо твое, и ныне живет и здравствует во дворце. Голова ее увенчана знаками царского достоинства, и дети ее при дворе. Осыплют они тебя подарками драгоценными, и будешь ты жить их дарами.

Возвращайся в Египет! Там увидишь ты снова двор, при котором вырос, поцелуешь ты землю у Больших

Хепер-ка-Ра — тронное имя Сенсусерта I. «Чей голос правдив», то есть «искренен и угоден богам», — высшая похвала, означающая, что боги внимают голосу этого человека. Эта традиционная формула обычно относится к умершим.

¹ Гор — в древнеегипетской мифологии солнечный бог, изображавшийся в виде крылатого солнечного диска.

² Богини-покровительницы — Нехбет, покровительница Верхнего Египта, изображавшаяся в виде коршуна, и Уаджит, покровительница Нижнего Египта, почитавшаяся в образе кобры.

ворот дворца и присоединишься к семерам, друзьям фараона. Ведь сейчас ты уже начинаешь стареть, теряешь мужскую силу, и должен ты думать о дне погребения и о последнем пути к вечному блаженству.

Здесь уготована тебе ночь с маслами благовонными, здесь ждут тебя погребальные пелены, сотканые руками богини Таит¹. Здесь проводит тебя похоронное шествие в день последнего соединения с землей. Изготавливают тебе саркофаг из золота, а изголовье его — из чистого лазурита. Свод небесный² раскинется над тобой, когда положат тебя в саркофаг и быки повлекут тебя. Музыканты пойдут впереди тебя и перед входом в гробницу твою исполнят священный танец Муу³. Огласят для тебя список жертвоприношений. Заколют для тебя жертвы у погребальной стелы твоей. Поставят гробницу твою среди пирамид детей фараона, и колонны ее воздвигнут из белого камня. Не умрешь ты в чужой стране, не завернут тебя в баранью шкуру и не заруют как варвара за простой оградой. Довольно тебе топтать землю чужую! Подумай о погребении тела своего и возвращайся!»

Я стоял среди людей племени моего, когда повеление это достигло меня. Прочли мне его, и упал я на землю, простерся в прахе на животе своем и посыпал голову пылью.

Ликуя, ходил я по лагерю своему и говорил:

Можно ли оказать большую милость слуге, которого сердце увлекло в страны варваров? Поистине безгранично милосердие фараона! Он спасает меня от гибели, ибо Ка⁴ его разрешило мне окончить жизнь при дворе.

¹ Таит — в древнеегипетской мифологии богиня ткачества. Она считалась также покровительницей облачения умерших.

² Свод небесный — балдахин над погребальными саркофагами, на которых перевозились саркофаги, или внутренняя крышка саркофага, с изображением богини Нут, символизирующей небо.

³ Танец Муу — ритуальная погребальная пляска.

⁴ Ка — по верованиям древних египтян, незримый двойник рождающийся вместе с человеком и охраняющий его после смерти в загробном мире. В данном случае — изысканно почтительное обращение к фараону.

«Синухет говорит:

Мир тебе, прекрасное божество, владыка обеих земель, любимый Ра, богом Солнца, покровительствуемый Монтом, богом Фив!

Превосходно, что ныне твое Ка осведомлено о бег-
слуги твоего, совершенном им по неведению. Да
пошлют жизнь и силу дыханию ноздрей твоих Амон,
владыка «Престола обеих земель»¹, Собек², Ра, Хатор,
Атум и его Эннеада³, Сопед, Нофербау, Семсеру,
Гор Востока⁴, царский урей богини Уто⁵, венчающий
твою голову, сонм богов, владычествующих над водами,
Мин Гор, владыка пустынь и чужеземных стран, Урерт,
владычица Пунта, Нут, богиня небес, Горуэр-Ра и все
боги Египта и морских островов! Да осыплют они тебя
дарами своими! Да пошлют они тебе жизнь бесконеч-
ную, без предела, вечную, без границ! И да распростра-
нится страх перед именем твоим по горам и долинам!
Исц, что есть под солнцем, покорно тебе.

Вот мольба слуги к повелителю своему, избавившему
его от гибели на чужбине:

() владыка познания! Знаешь ты подданных твоих,
узнаешь ты из дворца своего даже то, что боится ска-
зать твой слуга. Трудно, тяжело мне говорить об этом!

Но великий бог, подобие Ра, делает мудрым даже
престолюдина, своими руками зарабатывающего свой
хлеб. Жизнь слуги твоего в руках твоих. Твое величество,

—
Амон — бог Фив, затем под именем Амон-Ра, когда культ
слился с культом солнечного бога Ра, почитался в Египте
как царь богов. «Престол обеих земель» — главный храм
Амона в Фивах, современное название — Карнакский храм.

² Собек — бог водной стихии, посвященное ему священное
животное — крокодил.

³ Атум — божество заходящего солнца, которому были по-
священы лев и змея. Эннеада — девятка богов города Гелио-
полиса Ра-Атум, породивший бога воздуха Шу и его жену Теф-
нут, от которых произошел бог земли Геб и богиня неба Нут, и
дети последних: Исида, Сет и Нефтида.

⁴ Сопед — бог восточной части дельты Нила. Нофербау,
Семсеру и Гор Востока — его воплощения.

⁵ Царский урей богини Уто. — Уто, богиня-покрови-
тельница города Буто, почиталась в образе змеи; ее золотое изо-
бражение, называвшееся «урей», фараоны носили на голове, оно
считалось было отвращать от фараона врагов.

Гор покоряющий! Здесь, на чужбине, повинуюсь я повеленьям твоим, ибо простерта десница твоя над всеми странами.

Дабы увериться в этом, пусть прикажет его величество допустить к себе Меки, правителя Кедема, Хентиашу, правителя Хенткеша, Менусу, правителя земли Фенех¹. Это вожди с доброй славой; выросли они в любви к тебе, и даже их страны, не говоря уже о Ретену, преданы тебе, как собаки.

Что же до бегства слуги твоего, то не было оно предумышленным: не таил я в сердце такого желания и не скрывал я мысли такой. Я и сам не знаю, что заставило меня покинуть землю свою. А потом показалось мне, что все это — сон: я почувствовал себя словно жителем Дельты, очутившийся вдруг в Элефантине², или человек из страны болот, оказавшийся вдруг в песках Нубии.

Не страх гнал меня: ведь никто меня не преследовал, никто меня не оскорблял, никто меня не обвинял, и глашатай, разыскивающий преступников, не выкрикивал имя мое. Но почему-то затрепетало мое тело и ноги сами понесли меня: сердце вело меня, бог, предопределивший бегство мое, увлекал меня на дорогу.

Но и в далеких землях не возгордился я и не поднял голову, ибо тот, кто знает страну свою, страшится силы твоей. Бог Солнца Ра сделал так, что страх перед тобой царит над землею Египта и над всеми чужеземными странами. И где бы я ни был, при твоём дворе или в этой чужой земле, один ты повелеваешь мною. Солнце восходит по желанию твоему; вода речная — пьют ее, когда ты захочешь; ветер небес — вдыхают его, когда ты дозволишь.

Слуга твой передаст другому свою должность правителя, которую исполнял он в этой земле. И да будет все по воле твоей, ибо ты даруешь нам воздух, которым мы дышим. Да будет с тобою любовь Ра, Гора и Хатор. Да сохранят они дыхание ноздрей твоих, ибо угодно Монту, владыке Фив, чтобы жил ты вечно!»

¹ Синухет, очевидно, перечисляет сирийских правителей соседних с его владениями земель, готовых отдаться под покровительство фараона.

² Э л е ф а н т и н а — древнеегипетский Иеб, остров в дельте Нила на границе с Нубией.

После прихода ко мне, ничтожному слуге, гонцов фараона дозволили мне провести еще день в стране Иаа, дабы я мог передать своим детям мое достояние. И тогда поставил я во главе племени твоего старшего сына; пришло к нему мое племя и все мое добро: все рабы мои, весь мой скот, все припасы и все плодовые деревья.

Затем отправился я на юг. Я достиг укрепления «Пути Гора» и здесь остановился. Начальник отряда, который стоял там во главе пограничной стражи, послал гонимика ко двору фараона, чтобы сообщить обо мне.

И вот повелел его величество, дабы надежный управитель царских земледельцев отправился мне навстречу. Следом за ним прибыли груженные суда с подарками фараона для азиатов, которые пришли вместе со мной, чтобы проводить меня до «Путей Гора». Каждого из них называл по имени его перед посланцем фараона.

А потом слуги принялись за свои дела: подняли парус, и мы отплыли. Всю дорогу для меня варили, мешали и процеживали пиво. И так плыли мы, пока не достигли города Итгу¹.

На другое утро, едва озарилась земля, за мной пришли и позвали меня во дворец. Десять человек шло впереди меня и десять человек следовало за мной.

Между сфинксами у входа я склонился и коснулся челом земли. Дети фараона встретили меня у ворот приветствиями. Семеры, друзья фараона, проводили меня в колонный зал и указали дорогу в покои повелителя.

Я вошел и увидел его величество на троне в золотой шини. Простерся я перед ним на животе своем, услышал как божество обратилось ко мне с ласковыми словами приветия, — и потерял сознание. словно сумерки окружили меня! Душа моя отлетела, тело мое ослабло, сердце мое вырвалось из груди, и я уже не отличал жизнь от смерти...

Тогда приказал его величество одному из семеров:

Подними его! Пусть говорит со мной!

А затем сказал он мне:

Ну вот и вернулся ты! Ты бежал из Египта долго блуждал по чужеземным странам. А теперь на-

Итгу — повидимому, древнее написание Иттауи, резиденции первых фараонов XII династии, современный Лишт, находящийся к югу от Мемфиса.

стигла тебя старость и дряхлость одолела тебя. Во-время вспомнил ты о своем погребении, — немалое это дело! Теперь не похоронят тебя варвары. Не поступай же во вред себе: говори, когда тебя спрашивают и называют твоё имя!

Но страшился я кары и ответил, как отвечает испуганный человек:

— Что говорит мой повелитель? О, если бы я мог ответить! Но я не могу. Не по своей воле я бежал: девица бога гнала меня. И сейчас ещё сердце в груди моей сжимает страх, подобный тому, что был причиной моего злосчастного бегства. Вот я перед тобой, и жизнь моя принадлежит тебе. Да сбудется всё, что прикажет твоё величество по желанию своему!

Тогда приказал фараон привести к нему детей его. И сказал его величество своей царственной супруге:

Смотри, вот Синухет! Он вернулся, похожий на азиата, словно он и был азиатом.

Громко вскрикнула супруга фараона, и дети фараона подхватили её крик. И сказали они его величеству:

— Не он это, повелитель, воистину не он, господин наш!

Но промолвил тогда повелитель:

— Нет, воистину это он.

И вот принесли они ожерелья, трещотки и сistrы и протянули их фараону¹. И возгласили они:

Простерты руки твои к Прекрасной²,
О царь долговечный!
Да коснутся они украшений
Владычицы Неба.
Да пошлет она, Золотая,
Жизнь ноздрям твоим,
Да сольешься ты воедино
С Владычицей Звезд.
Корона Египта Верхнего
Плывет на север,
Корона Египта Нижнего

¹ Ожерелья (из ракушек, звучащих при встряхивании) трещотки, сistrы — музыкальные инструменты, атрибуты богини Хатор. По преданию, богиня позволяет коснуться им только избранным; и в данном случае дочери фараона, выступая перед ним с заранее подготовленным гимном-мольбой, протягивают ему атрибуты богини, воспроизводя этот священный обряд.

² Здесь и далее приводятся различные эпитеты богини Хатор.

Поднимается к югу,
Сочетаются обе короны
По воле твоей,
Венчает божественный урей
Чело твое.
Защити же слуг твоих верных
От зла и напастей!
Да будет к тебе благосклонен
Ра, владыка обеих земель!
Слава тебе и жене твоей,
Владычице всего сущего!
Отложи свой разящий лук
И стрелы свои,
Дай дыхание тем,
Кто задыхается.
Пожалуй нам дар прекрасный,
Синухета, сына Мехит¹,
В Египте рожденного варвара,
Правителя бедуинов.
Покинул он землю свою,
Устрашившись тебя,
Но перед ликом твоим
Все забывают страх,
Никто не ведает ужаса,
Если увидит тебя.

И сказал тогда фараон:

Пусть он не страшится и не опасается! Он будет
членом среди других знатных страны моей, он оста-
нется при дворе. Отведите его в покои для избранных,
в покои Восхваления, и укажите ему место его.

И вот вышел я из покоев фараона. Дети фараона по-
дали мне руки, и мы направились к Большим воротам
дворца.

Поселили меня в доме сына фараона, полном пре-
красных вещей. Были там прохладные покои с изобра-
жениями всех богов на стенах. Хранились там драгоцен-
ности из сокровищницы фараона. В каждой комнате
были одеяния из тончайшего полотна, благовонная
смирна и ароматические масла фараона и любимых его
придворных. Множество слуг жило там, и каждый был
занят своим делом.

Мехит — в древнеегипетской мифологии львиноголовая
богиня города Тиса в Среднем Египте; в данном случае, воз-
можно, имя матери Синухета. Древние египтяне часто вели свою
родословную по материнской линии, так как пережитки матриар-
хата были тогда еще очень значительны.

Здесь сделано было все, чтобы сбросил я тяжес лет: остригли меня и причесали, паразитов с тела мое изгнали назад в пески, а варварские одежды вернул кочевникам пустыни. Облаченный в лучшие льняные ткани, умащенный лучшим благовонным маслом, отдал я на ложе, оставив пустыни тем, кто живет среди них, а деревянное масло тем, кто им умащается.

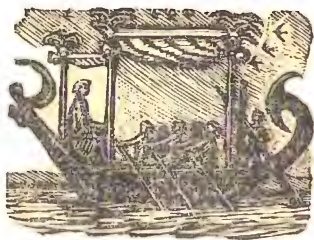
Затем предоставили мне отдельный дом с садом принадлежавший прежде семеру. Множество рабочих перестраивало его; все деревья в саду они посадили вновь.

Приносили мне еду из дворца трижды и четырежды в день сверх того, что давали мне дети фараона без престанно.

И построили мне гробницу из камня среди других гробниц. Начальник каменотесов разметил землю и воздвиг ее. Начальник художников расписал ее изнутри. Начальник скульпторов высек в ней изображения. Начальник слуг некрополя позаботился о том, чтобы приготовить мне все, что нужно для погребения. Начальники жрецов заупокойных жрецов. Отвели мне погребальную надель при гробнице с полями перед ней: там делают лишь для первых семеров, друзей фараона. Покрыли мою погребальную статую позолотой, а переднюю ее изготовили из светлого золота. Сделали так по величию его величества. Ни один простой человек не удостоивался еще подобной милости!

И так жил я, пользуясь благосклонностью фараона до самого дня моей смерти.

Здесь завершается повесть от ее начала и до конца согласно тому, как было записано в книгах.

ФАРАОН ХУФУ И ЧАРОДЕИ

Владыка Египта, любимый Ра фараон Хуфу¹ заскучал. Бродил он по залам дворца своего, искал, чем бы развлечься, но ничего не нашел. И тогда повелел он призвать к себе сыновей своих. Пришли они, и сказал им Хуфу:

Сегодня искал я, чем бы развлечься, но ничего не нашел. Пусть каждый расскажет историю о деяниях чародеев, которым открыто тайное! Пусть каждый расскажет о чудесном, случившемся в старину! Для этого я вас призвал.

И вот начали сыновья фараона рассказывать о деяниях чародеев. И дошла очередь до Хауфра, сына Хуфу².

* * *

Хуфу (греческая версия — Хеопс) — второй фараон IV династии, строитель великой пирамиды, правивший около 2900 г. до н. э.

Хауфра (греческая версия — Хефрен) — сын и преемник Хуфу. Ему принадлежит вторая по величине пирамида.

Встал тогда Хауфра, сын фараона, чтобы начать свою речь. И сказал он:

— Я поведаю твоему величеству о чуде, случившемся во времена правления предка твоего Небки¹, чей голос правдив, когда он направился в храм бога Птаха, владыки Анхтауи².

Однажды собрался его величество Небка, чей голос правдив, посетить храм Птаха в Анхтауи. Остановился он в отдалении от храма и велел призвать к себе Уба-Онера, верховного жреца-заклинателя храма Птаха.

Когда явились гонцы фараона к Уба-Онеру, жена Уба-Онера заметила среди слуг, что пришли вместе с ними, молодого простолюдина. И обратилось сердце жены Уба-Онера к тому простолюдину. Она послала к нему служанку свою и велела сказать: «Приходи, мы проведем вместе час! Облачись в праздничные одежды, которые я тебе посылаю!»

Отправилась служанка к простолюдину, доставила ему сундук с богатыми одежаниями и передала, что было приказано.

Прошло немного дней, и простолюдин явился к жене Уба-Онера. Увидел он по дороге пруд, а на берегу — беседку. И сказал простолюдин жене Уба-Онера:

— На берегу пруда Уба-Онера есть беседка. Если хочешь, проведем время в этой беседке.

Тогда послала жена Уба-Онера за служителем, надзиравшим за прудом, и приказала ему:

— Вели приготовить беседку около пруда! Я приду туда отдохнуть.

И вот, когда все было приготовлено, жена Уба-Онера отправилась в беседку около пруда и провела там время пируя с простолюдином.

На закате солнца спустился простолюдин к пруду, чтобы омыться, и служанка принесла ему новые одежды.

¹ Небка — тронное имя фараона Санахт, пресмника фараона Джосера, основателя III династии (около 3000 лет до н. э.)

² Птах — в древнеегипетской мифологии бог города Мемфиса, покровитель художников и ремесленников, изображаемый в виде мумии Анхтауи — окраина Мемфиса, район современного Саккара.

Увидел это служитель, надзиравший за прудом. Посмотрел он и догадался о том, что было между простолюдином и женой Уба-Онера.

На другой день, едва озарилась земля, отправился служитель, надзиравший за прудом, к верховному жрецу-заклинателю Уба-Онеру, чтобы донести ему о случившемся.

Узнал Уба-Онер о том, что было между его женой и простолюдином в беседке около пруда, и сказал:

— Принеси мне ларец из эбенового дерева, выложенный чистым золотом! Принеси мне ларец, где лежит моя книга заклинаний! И принеси мне чистого воску!

Принес служитель ларец с книгой заклинаний, чистого воску. Уба-Онер слепил из воска крокодила длиной в семь пальцев и прочел над ним заклинание:

Если придет простолюдин, чтобы омыться в моем пруду, схвати его и унеси на дно!

Затем он отдал воскового крокодила служителю и зал:

Когда спустится простолюдин, как обычно, к пруду, брось этого крокодила в воду позади него.

Служитель взял воскового крокодила и отправился домой.

И вот жена Уба-Онера снова послала за служителем, надзиравшим за прудом, и приказала ему:

Вели приготовить беседку около пруда! Я приду туда отдохнуть!

И приготовили для нее беседку, наполнив ее всевозможными превосходными вещами. Пришла в нее жена Уба-Онера со своей служанкой, и там провели они с простолюдином приятный день.

Вечером, как обычно, спустился простолюдин к пруду. И тогда служитель бросил воскового крокодила в воду позади него. Превратился восковой крокодил в настоящего, длиной в семь локтей. Схватил он простолюдину и утащил на дно.

Тем временем верховный жрец-заклинатель Уба-Онер пребывал близ его величества фараона Небки, чей голос правдив. Семь дней находился он возле него, и семь дней бездыханный простолюдин оставался под водой.

Но когда миновали семь дней, фараон Небка, чей голос правдив, отправился в путь и прибыл в храм Птаха. Здесь предстал перед ним Уба-Онер и сказал ему:

— Пусть его величество соизволит последовать за мной, дабы увидеть чудо, случившееся в дни его правления с одним простолюдином.

И его величество отправился к пруду вместе с Уба-Онером. Здесь Уба-Онер приказал крокодилу:

— Вынеси простолюдина на берег!

Выполз крокодил из воды и вынес простолюдина на берег. Тогда верховный жрец-заклинатель Уба-Онер произнес над крокодилом заклинание и заставил его остановиться перед фараоном.

И сказал фараон Небка, чей голос правдив:

— Воистину этот крокодил ужасен!

Тотчас же нагнулся Уба-Онер, схватил крокодила и в его руках превратился он в воскового крокодила длиной всего в семь пальцев. Тут поведал Уба-Онер фараону Небке, чей голос правдив, о том, что совершил этот простолюдин с его женой. И тогда приказал его величество крокодилу:

— Унеси к себе то, что ты захватил!

Вновь обратился восковой крокодил в настоящего длиной в семь локтей, схватил простолюдина и уполз в воду. Опустился он на дно пруда и исчез. Что с ним дальше случилось — не знает никто.

Затем приказал фараон Небка, чей голос правдив, отвести жену Уба-Онера в поле к северу от дворца своего. Там ее сожгли и прах ее бросили в реку.

Вот какое чудо, в числе многих, сотворил верховный жрец-заклинатель Уба-Онер в дни правления предка твоего, фараона Небки, чей голос правдив!

Выслушал это его величество Хуфу, чей голос правдив, и сказал:

— Да будет принесено в жертву фараону Небке чей голос правдив, тысяча хлебов, сто кружек пива, целый бык и две меры ладана! И да будет принесен в жертву верховному жрецу-заклинателю Уба-Онеру хлеб, кувшин пива, мясо и мера ладана, ибо я видел пример его мудрости!

И было сделано все, как приказал его величество.

Встал тогда Бауфра, другой сын фараона, чтобы начать свою речь. И сказал он:

Я поведаю твоему величеству о чуде, случившемся во времена правления отца твоего, фараона Снофру¹, чей голос правдив. Сотворил это чудо, в числе многих, Джаджаманх, верховный жрец-заклинатель и переписчик книг. До него о подобном никто не слышал, такого чуда прежде не случалось.

Однажды бродил фараон Снофру по залам дворца своего, искал, чем бы развлечься, но ничего не нашел. И тогда повелел он:

Ступайте и приведите ко мне Джаджаманха, верховного жреца-заклинателя и переписчика книг!

Тотчас привели Джаджаманха. И сказал ему его величество:

Я бродил по покоям дворца, искал, чем бы развлечься, но не нашел ничего. Скажи, что мне делать?

И ответил ему Джаджаманх:

Пусть твое величество отправится к дворцовому жрецу и прикажет снарядить там барку для себя и для лучших красавиц твоего дворца. Сердце твоего величества развеселится, когда ты увидишь, как они гребут. Ты увидишь прекрасные заросли вокруг озера, ты увидишь красивые берега, и усладится зрелищем этим сердце твое.

И вот приказал фараон Снофру, чей голос правдив:

Пусть принесут мне двадцать эбеновых весел, отделанных золотом, с рукоятками из дерева секеб, украшенными чистым золотом. Пусть приведут ко мне двадцать юных дев, не рожавших ни разу, двадцать юных дев с прекрасным телом, красивой грудью и заплетенными локонами. Пусть доставят мне двадцать сетей и дадут эти сети девам вместо одежд!

И было сделано все, как приказал его величество.

Девы гребли, барка плыла от берега к берегу, и его величество веселился сердцем, глядя на то, как они гребут.

Снофру — фараон, правивший около 2900 г. до н. э., был предшественником фараона Хуфу.

Но вот загребная встряхнула локонами, и ее подвеска, рыбка из молодой бирюзы¹, упала в воду. Загребная перестала петь и перестала грести, и весь ее ряд перестал петь и перестал грести.

Спросил его величество:

— Почему вы не гребете?

И ответили ему девы:

— Загребная наша умолкла и не гребет.

Тогда спросил его величество загребную:

— Почему ты не гребешь?

И ответила она фараону:

Подвеска моя, рыбка из молодой бирюзы, упала в воду.

Сказал его величество:

— Греби! Я прикажу дать тебе другую подвеску.

Но она ответила:

— Я не хочу другую, я хочу мою.

Тогда приказал его величество фараон Снофру, чей голос правдив:

— Ступайте и приведите ко мне Джаджаманх, верховного жреца-заклинателя и переписчика книг!

Тотчас привели к нему Джаджаманх. И сказал ему фараон:

— Джаджаманх, брат мой, я сделал, как ты говорил, я смотрел, как гребут эти девы, и радовалось сердце мое. Но вот загребная уронила свою подвеску, рыбку из молодой бирюзы, и упала она в воду. Тогда умолкла загребная и перестала грести, а за ней остановился весь ее ряд. Я спросил ее: «Почему ты не гребешь?» И она мне ответила: «Моя подвеска, рыбка из молодой бирюзы, упала в воду». Я сказал ей: «Греби! Я прикажу дать тебе другую!» Но она ответила: «Я не хочу другую, я хочу мою». Сделай что-нибудь, Джаджаманх!

И тогда верховный жрец-заклинатель и переписчик книг Джаджаманх произнес над озером заклинание. По слову его половина вод озера поднялась и легла на другую половину. На дне озера отыскал он подвеску, рыбку из молодой бирюзы: она лежала на глиняном черепке. Взял он ее и отдал загребной.

¹ Подвеска, рыбка из молодой бирюзы (то есть из бирюзы, не утратившей от времени свой цвет) — головное украшение в форме рыбки. Такие подвески имели значение амулетов.

Глубина в том озере доходила на середине до двенадцати локтей, и когда одна половина вод озера легла на другую, поднялось оно в той половине до двадцати четырех локтей.

Затем верховный жрец-заклинатель и переписчик книг Джаджаманх вновь произнес над озером заклинание и перенес его воды на их прежнее место. Его величество фараон приятно провел день в кругу своих приближенных. А Джаджаманха он одарил превосходнейшими вещами.

Вот какое чудо, в числе многих, сотворил верховный жрец-заклинатель и переписчик книг Джаджаманх в дни правления отца твоего, фараона Снофру, чей голос правдив.

Выслушал это его величество фараон Хуфу, чей голос правдив, и сказал:

Да будет принесено в жертву фараону Снофру, чей голос правдив, тысяча хлебов, сто кружек пива, целый бык и две меры ладана! И да будет принесено в жертву верховному жрецу-заклинателю и переписчику книг Джаджаманху хлеб, кувшин пива и мера ладана, ибо я видел пример его мудрости!

И было сделано все, как приказал его величество.

ВОЛШЕБСТВО ДЖЕДИ

Встал тогда Дидифгор¹, третий сын фараона, чтобы начать свою речь. И сказал он:

До сих пор ты видел примеры того, что было совершено людьми, которых уже нет в живых. Невозможно тут отличить правду от лжи. Но вот в твое время, в твое правление живет один человек, которого ты не знаешь. А ведь он — великий чародей!

Спросил тогда его величество:

— О ком ты говоришь, сын мой Дидифгор?

И ответил ему Дидифгор:

Есть такой простолюдин по имени Джеди. Живет

Д и д и ф г о р — один из сыновей Хуфу; он считался мудрецом и ученым, ему приписывалось открытие магических формул «Книги мертвых», содержавшей молитвы и заклинания. Гробница Дидифгора найдена неподалеку от великой пирамиды Хуфу.

он в Джед-Снофру¹. Сейчас ему сто десять лет. Но и до сего дня он съедает зараз пять сотен хлебов, из мясной пищи — половину быка и выпивает по сто кружек пива. Он может приставить на место отрезанную голову. Он может заставить льва следовать за собою без пут: повод его будет волочиться по земле. И он знает планы тайных покоев святилища Тота².

А его величество фараон Хуфу, чей голос правдив, проводил все свое время в поисках как раз этих тайных покоев святилища Тота, ибо хотел он сделать подобные им в своей гробнице. Поэтому его величество тотчас сказал:

Сын мой Дидифгор, ты сам отправишься за ним и приведешь его ко мне!

И вот снарядили суда для Дидифгора, сына фараона. Поплыл он вверх по течению Нила к Джед-Снофру. Через несколько дней суда причалили к берегу, и Дидифгор двинулся дальше по суше: он сел на эбеновые носилки с ручками из драгоценного дерева сесенем, отделанными золотом, и его понесли.

Когда они прибыли к Джеди, носилки эти поставили на землю, и Дидифгор поднялся, чтобы приветствовать его. Джеди лежал в это время на цыновке у порога своего дома. Один слуга поддерживал его голову и умащал ее, а другой слуга растирал ему ноги.

И сказал Дидифгор, сын фараона:

Джеди, хоть и пришла твоя старость, хоть и близок день твоей смерти, твоего погребения и твоих похорон, подобен ты человеку, еще не достигшему преклонных лет, — твой сон безмятежен, болезней ты не ведаешь и даже кашля нет у тебя!

Так приветствуют людей почтенных.

И еще сказал Дидифгор:

Я пришел за тобой по повелению отца моего, фараона Хуфу. Ты будешь есть превосходные кушанья, которыми оделяет фараон, ты получишь пищу, которую дают его приближенным слугам. Через счастливую

¹ Джед-Снофру (буквально: Долговечен Снофру) — название города вблизи пирамиды фараона Снофру около современного Медума.

² Тот — в древнеегипетской мифологии бог луны, мудрости и письма. Изображался с головой ибиса, увенчанной луной.

жизнь проведет он тебя к твоим предкам, покоящимся в гробницах.

И ответил ему Джеди:

Мир тебе, мир тебе, Дидифгор, любимый сын отца своего фараона! Да вознаградит тебя отец твой Хуфу! Да возвысит он тебя над своими старейшими! Да будет могуче твое Ка, чтобы сражаться с врагами твоими, и да познает твое Ба¹ дорогу к вратам в подземное царство Хебесбага!²

Так приветствуют сыновей фараона.

Тогда Дидифгор, сын фараона, протянул Джеди руки и поднял его. Вдвоем направились они к берегу, и Дидифгор поддерживал Джеди своей рукой. И сказал ему Джеди:

— Прикажи дать мне барку, чтобы доставили на ней моих детей и книги мои.

И ему снарядили две барки с командой. Сам Джеди сел на судно Дидифгора, сына фараона, и они поплыли вниз по Нилу.

Когда достигли они места, где пребывал фараон, Дидифгор, сын фараона, пошел к нему, чтобы оповестить о своем прибытии. И сказал Дидифгор, сын фараона:

О повелитель, господин мой! Да будешь ты жив, здоров и могуч! Я доставил к тебе Джеди.

Промолвил его величество фараон:

— Ступай и приведи его!

Затем прошел его величество фараон в зал присмов туда привели к нему Джеди.

И сказал его величество фараон:

Как случилось, Джеди, что я не видел тебя раньше?

И ответил Джеди:

Приходит лишь тот, кого призывают, о повелитель мой, да будешь ты жив, здоров и могуч. Позвали меня, — вот я и пришел.

Спросил его величество фараон:

Правду ли говорят, что ты можешь приставить на место отрезанную голову?

Ба — по верованиям древних египтян, душа человека, направляющая его после смерти. Обычно Ба изображалось в виде птицы с человеческой головой.

Хебесбаг (Скрывающий смерть) — в древнеегипетской мифологии привратник царства мертвых.

И ответил Джеди:

— Да, я могу это сделать, о повелитель, господин мой, да будешь ты жив, здоров и могуч.

Тогда приказал фараон:

Пусть приведут ко мне из темницы узника, которого должны казнить!

Но Джеди сказал:

— Нет, не могу я этого сделать с человеком, о повелитель, господин мой, да будешь ты жив, здоров и могуч! Ибо запрещается делать подобное со священной паствой богов.

Тогда принесли ему гуся и отрезали ему голову. Положили гуся у западной стены зала приемов, а его голову положили у восточной стены зала приемов. Джеди проговорил магические заклинания, и поднялся гусь, и пошел, переваливаясь, и голова его тоже поднялась ему навстречу. И вот голова гуся вновь приросла к его шее. Встрепенулся гусь и загоготал.

Принесли Джеди утку, и с нею он сделал то же самое. Затем его величество фараон приказал привести быка. Отрубили ему голову и повергли на землю. Но вот произнес Джеди свои магические заклинания, и бык встал и пошел за ним сам, без повода, который волочился по земле.

Тогда сказал его величество фараон Хуфу:

Говорят, что еще ты знаешь планы тайных покоев святилища Тота.

И ответил Джеди:

— Хвала тебе, повелитель, господин мой, да будешь ты жив, здоров и могуч! Я не знаю тех планов, но я знаю, где они хранятся.

Спросил его величество фараон:

— Где же они?

И ответил Джеди:

— В Гелиополе¹ есть покой, называемый «Хранилище архивов». Там стоит ларец, высеченный из кремня. Хранятся они в том ларце.

Тогда сказал его величество фараон:

— Поди и принеси их мне!

Но Джеди ответил:

¹ Гелиополь — древнеегипетский город Он; находился север-восточнее Мемфиса и был центром культа бога солнца Ра.

— О повелитель, господин мой, да будешь ты жив, здоров и могуч! Не я принесу их тебе.

Спросил его величество фараон:

— Кто же принесет их мне?

И ответил Джеди:

— Тебе принесет их старший из троих детей, находящихся сейчас в чреве Раджедет. Он принесет их тебе!

Сказал тогда его величество фараон:

— Ну что ж, я, конечно, доволен, что он принесет их мне. Но скажи, кто она, эта Раджедет?

И ответил Джеди:

— Это жена Раусера, жреца бога Ра, владыки Сахебу¹. Она зачала от бога Ра, владыки Сахебу, трех детей. И сказал Ра, что дети ее будут властвовать над всей страной. А старший из них станет верховным жрецом в Гелиополе.

Когда услышал это его величество фараон, опечалилось сердце его. Но сказал ему Джеди:

— Из-за чего такая печаль, о повелитель, господин мой, да будешь ты жив, здоров и могуч? Неужели из-за этих трех детей? Но послушай, что я скажу: вперед будешь править ты, потом твой сын, потом сын твоего сына, и только после него — один из них².

Спросил тогда его величество фараон:

— Когда же родит Раджедет?

И Джеди ответил:

Она родит на пятнадцатый день первого зимнего месяца.

Сказал фараон:

— Значит, слуга, это будет как раз в то время, когда отмени на канале «Двух рыб» обнажатся?³ Ведь иначе и мог бы сам отплыть на судне к храму бога Ра, владыки Сахебу!

Но Джеди ответил:

¹ Сахебу — местность близ Гелиополя.

² В действительности после Хуфу правили его сыновья Джедфра и Хауфра, сын Хауфра Менкаура и, наконец, Шепсескаф, последний фараон IV династии. Однако в народной памяти сохранились воспоминания только о трех фараонах, строителях великих пирамид: о Хуфу, Хауфра и Менкаура.

³ Канал «Двух рыб», очевидно, сильно мелевший зимой, пересекал IX ном (округ) Нижнего Египта и смыкался с Канопским устьем Нила.

Хорошо! Я сделаю так, чтобы над отмелями канала «Двух рыб» было в то время четыре локтя воды.

Поднялся его величество фараон, чтобы удалиться во внутренние покои дворца своего. И приказал он:

— Пусть отведут Джеди в дом сына моего Дидифгора! Пусть живет он там, и будет назначено ему в пищу тысяча хлебов, целый бык, сто кружек пива и сто связок лука.

И было сделано все, как приказал его величество.

ИСПОЛНЕНИЕ ПРЕДСКАЗАНИЙ ДЖЕДИ

Пришел назначенный день, и начались у Раджедет боли. Трудными были роды ее. И тогда бог Ра, владыка Сахебу, повелел Исиде, Нефтиде, Месхент, Хекет и Хнуму:¹

— Ступайте и помогите Раджедет разрешиться от бремени. В чреве ее три сына-правителя, и будут они править над всею страной. Они воздвигнут вам храмы, они снабдят пищей ваши алтари, они заполнят ваши жертвенные столы, они умножат приношения.

И вот превратились богини в танцовщиц-музыкантов и отправились в путь. А Хнум последовал за ними, неся их вещи. Так достигли они дома жреца Раусера и увидели, что стоит Раусер, не зная, что ему делать, и одежда его в беспорядке.

Протянули богини-танцовщицы свои ожерелья, трещотки и систры к Раусеру, благословляя его. И сказал он им:

Взгляните, приехали! Здесь есть женщина, и страдает она, ибо трудны ее роды!

И богини сказали:

— Покажи ее нам, ибо мы умеем облегчать роды.

Тогда он сказал:

— Заходите!

И с и д а — в древнеегипетской мифологии богиня плодородия. Н е ф т и д а — богиня-покровительница города Диосполя Малого, сестра и жена злого бога Сета. М е с х е н т — богиня-покровительница рождения. Х е к е т — породительница всего сущего, изображавшаяся с головой лягушки. Х н у м — супруг Хекет, творец мира и людей, которых он вылепил, по поверью, на гончарном круге: он изображался с головой барана.

Вошли богини к Раджедет и заперлись вместе с нею комнате.

Затем встала Исида перед роженицей, Нефрида по-
ади нее, а Хекет ускорила роды.

И сказала Исида:

Не будь сильным во чреве матери, Усеркаф! ¹

И ребенок выскользнул ей на руки. Оказался он в локоть длиной, и крепки были кости его. Члены его покрывало золото, а его головной платок был из чистого лазурита.

Отрезали ему пуповину, омыли его и, завернув в полотно, уложили на кирпичную лежанку. Месхент подошла к нему и сказала:

Вот фараон, который будет властвовать над всей этой страной.

И Хнум даровал здоровье телу его.

Вновь встала Исида перед роженицей, Нефрида по-
ади нее, а Хекет ускорила роды.

И сказала Исида:

Не медли во чреве матери, и да будет Сахура имя твое.

И второй ребенок выскользнул ей на руки. Оказался он в локоть длиной, и крепки были кости его. Члены его покрывало золото, а его головной платок был из чистого лазурита.

Отрезали ему пуповину, омыли его и, завернув в полотно, положили на кирпичную лежанку. Месхент подошла к нему и сказала:

Вот фараон, который будет править над всей этой страной!

И Хнум даровал здоровье телу его.

Опять встала Исида перед роженицей, Нефрида по-
ади нее, а Хекет ускорила роды.

И сказала Исида:

Не оставайся во мраке чрева, и да будет Кеку имя твое!

¹ Исида при рождении каждого ребенка произносит каламбур. Побуждая ребенка скорее явиться на свет, она наделяет его именем, соответствующим сказанной ею фразе. У с е р к а ф (буквально «Сильно его Ка») — имя первого фараона V династии. Далее идет С а х у р а — второй фараон V династии, от глагола «медлить, задерживаться», которого Исида просит не медлить во чреве матери, и К е к у — третий фараон V династии, от слова «мрак», которого Исида просит не оставаться во мраке чрева.

И третий ребенок выскользнул ей на руки. Оказался он в локоть длиной, и крепки были кости его. Члены его покрывало золото, а его головной платок был из чистого лазурита.

Отрезали ему пуповину, омыли его и, завернув в полотно, положили на кирпичную лежанку. Месхент подошла к нему и сказала:

— Вот фараон, который будет властвовать над всей этой страной.

И Хнум даровал здоровье телу его.

Так помогли они Раджедет разрешиться от бремени тремя сыновьями и вышли из дому. И сказали они жрецу:

— Возрадуйся, Раусер! Посмотри, трое детей родилось у тебя!

И ответил он им:

— Что могу я сделать для вас? Чем я вас награжу? Вот мешок зерна — пусть возьмет его ваш носильщик. Приготовьте себе пива из этого зерна!

Взвалил Хнум мешок с зерном себе на спину, и все вместе они вернулись туда, откуда пришли. Но тут сказала Исида:

Как же так получилось, что мы ушли, не сотворив для этих детей никакого чуда, о котором мы могли бы поведать их истинному отцу, богу Ра, пославшему нас?

И вот они сделали три диадемы фараона и спрятали их в мешок с зерном. Потом повелели они, чтобы небо низверглось на землю грозой и ливнем. Словно застигнутые непогодой вернулись они в дом Раусера и сказали ему:

Разреши нам оставить этот мешок с зерном в твоём доме. Запечатай его в кладовой, и пусть он хранится там, пока мы не вернемся с севера, куда отправляемся танцевать.

И они положили мешок с зерном в кладовую, а дверь ее запечатали.

Но вот очистилась Раджедет после родов четырнадцатидневным очищением¹ и призвала служанку. Спросила она служанку:

¹ Четырнадцатидневное очищение — в Древнем Египте женщина после родов считалась нечистой и должна была «очищаться» в течение четырнадцати дней.

— Довольно ли в доме припасов?

И та ответила:

В доме довольно всех лучших припасов, и не хватает только сосудов с зерном, ибо их еще не доставили.

Спросила Раджедет:

Почему же не доставили сосуды с зерном? Из чего мы будем варить пиво?

И служанка ответила:

У нас не из чего варить пиво. Есть только один мешок с зерном, но принадлежит он танцовщицам и хранится в кладовой под их печатью.

Приказала тогда Раджедет:

Спустись в кладовую и принеси немного зерна. Раусер возместит его танцовщицам, когда вернется.

Служанка спустилась вниз и отперла кладовую. Но едва вошла она, как услышала звуки пения, музыки, танцев и ликования — все, что слышишь, когда приветствуют фараона.

Вернулась служанка к Раджедет и рассказала ей о том, что она слышала. Тогда Раджедет сама пришла в кладовую. Она обошла всю комнату, но не могла понять, откуда доносятся эти звуки. Но вот приложила она ухо к мешку с зерном и услышала, что звуки доносятся изнутри.

Положила Раджедет мешок с зерном в сундук, а сундук поместила в ларь и обвязала его ремнями. Этот ларь поставила она в комнату, где хранились все ее вещи, и дверь заперла.

Когда Раусер вернулся домой, Раджедет рассказала ему обо всем. Обрадовался он беспредельно! Они сели рядом и вместе провели этот счастливый день.

Но вот прошло после этого еще немного дней. Раджедет повздорила со своей служанкой и приказала ее побить. Сказала тогда служанка тем, кто был в доме жреца:

Как смеет она поступать так со мной? Я ведь знаю: она родила трех фараонов! Вот пойду и все расскажу его величеству фараону Хуфу!

Отправилась служанка в путь и повстречала своего старшего брата от одной матери¹. Он вязал на гумне снопы льна. Спросил он служанку:

В Древнем Египте у слуг, вернее рабов, могли быть разные отцы, и родство считалось по матери.

— Куда это ты отправилась, девочка?

И она рассказала ему все, что было.

Но брат ей сказал:

Для чего ты сделала это? Для чего ты пришла и рассказала мне это? Неужели ты думаешь, что я вместе с тобой пойду доносить?

Схватил он пучок льна и жестоко избил ее.

Потащилась служанка к реке, чтобы достать себе воды. Но тут схватил ее крокодил.

А брат служанки пошел к Раджедет, чтобы рассказать ей обо всем. Он увидел, что сердце ее полно скорби: она сидела недвижимо, склонив голову на колени.

Спросил ее брат служанки:

— Госпожа, чем ты так опечалена?

И ответила Раджедет:

Эта девочка выросла в моем доме. А теперь она сказала: «Я донесу на тебя!» — и убежала.

Склонил брат служанки голову и проговорил:

— Госпожа, она пришла ко мне, остановилась передо мной и рассказала мне все, что было. Но тогда я жестоко избил ее. Отправилась она к реке, чтобы достать себе немного воды, но там ее схватил крокодил.

* * *

Но в тот же назначенный день, когда начались у Раджедет боли и родила она трех сыновей, его величество фараон Хуфу узнал об этом. Было это в пятнадцатый день первого зимнего месяца, как предсказывал Джеди.

И вот повелел его величество фараон снарядить суда. Задумал он посетить храм бога Ра, владыки Сахебу, и сам все увидеть. Повелел он призвать к себе Джеди и сказал ему:

— Ты отправишься вместе со мной, ибо отмели на канале «Двух рыб» обнажились, а ты обещал сделать так, что над ними будет четыре локтя воды.

И ответил Джеди:

— О повелитель, господин мой, да будешь ты жив, здоров и могуч! Я сделаю так, если боги позволяют.

И вот отплыли они, и Джеди плыл на барке его величества фараона. Когда достигли суда канала «Двух

рыб», увидели все, что отмели обнажились и дальше продвинуться невозможно. Тогда призвал его величество фараон Джеди и повелел:

Исполни обещанное!

И Джеди начал произносить над водой магические заклинания. И вот по слову его вода в канале «Двух рыб» поднялась и покрыла отмели слоем в четыре локтя. И суда фараона двинулись дальше.

Но тогда бог Ра, владыка Сахебу, призвал Исиду, Сетиду, Месхент, Хекет и Хнума и повелел им:

Сделайте так, чтобы десница фараона Хуфу не опустелась детей моих, ибо им надлежит властвовать над этой страной.

И они отправились в путь. Увидели они суда фараона Хуфу на канале «Двух рыб». И сказала Исида:

Покажем фараону Хуфу, что желание его противно богам. Осушим канал!

И они осушили канал. Внезапно ушла вся вода, и суда фараона очутились словно в пустыне.

Ужаснулся его величество фараон и велел призвать себе Джеди. Спросил он его:

Где же власть твоя? Что означает это?

И ответил Джеди:

О повелитель, господин мой, да будешь ты жив, здоров и могуч! Я открыл тебе тайну грядущего, а ты захотел изменить его. Но не в силах никто изменить предначертанья богов. Боги тебе говорят: «Вернись! И да не коснется десница твоя детей Раджедет!»

И сказал тогда Хуфу:

Пусть свершится воля богов!

В тот же миг воды вновь наполнили канал «Двух рыб». И его величество фараон Хуфу благополучно вернулся в свой дворец.

Прошло предсказанное время, и все исполнилось, как говорил мудрый Джеди. После фараона Хуфу, чей го-
справдив, правил его сын Хауфра, чей голос правдив,
ним — сын его сына Менкаура, чей голос правдив, и
только после него — дети Ра, владыки Сахебу, и жены
жреца Раджедет.

ХИТРОУМНЫЙ ПОЛКОВОДЕЦ ДЖХУТИ

Рассказывают, что был некогда в Египте полководец по имени Джхути. Он сопровождал фараона Менхеперра¹ во всех его походах в страны Юга и Севера, он сражался во главе своих солдат, он постиг все военные хитрости и получил немало наград за свою отвагу, ибо он был превосходным полководцем и не было равных ему во всей стране.

И вот однажды прибыл ко двору фараона гонец из страны Хару². Привели его к фараону, и спросил его величество:

— Кто послал тебя? Для чего пустился ты в путь?

И ответил гонец фараону:

Наместник стран Севера послал меня. Вот что сказал он: «Побежденный тобою правитель Яффы восстал против твоего величества. Он убил солдат твоего величества. Он истребил твои колесницы, и никто не может устоять против него».

¹ Менхеперра — тронное имя фараона XVIII династии Тутмоса III, правившего в 1525—1473 гг. до н. э. В результате его походов границы Египта были расширены на севере до излучины р. Евфрата, а на юге — до четвертого порога Нила.

² Страна Хару — Сирия.

Когда услышал эти слова фараон Менхеперра, гнев охватил его, и в гневе стал он подобен леопарду. И сказал фараон:

— Клянусь жизнью и милостью ко мне бога Ра, клянусь любовью ко мне отца моего Амона, я разрушу город побежденного из Яффы, и познает он тяжесть десницы моей!

И вот созвал фараон своих семеров, полководцев, также писцов и повторил им известие, которое прислал ему наместник стран Севера. Но все они как один молчали, ибо не знали, что отвечать.

Сказал тогда полководец Джхути:

О ты, кому вся земля воздает почести! Прикажи дать мне твой великий жезл. Прикажи дать мне солдат многого величества и колесницы с лучшими из храбрецов Египта. И тогда я убью побежденного из Яффы и завою его город.

И воскликнул его величество фараон:

— Превосходно, превосходно то, что сказал ты нам!

И вручили Джхути великий жезл фараона Менхеперра и дали ему солдат и колесницы с лучшими из храбрецов Египта, как он просил.

И вот через много дней Джхути со своими людьми прибыл в страну Хару. Здесь приказал он изготовить двести больших корзин, а также множество пут, цепей и деревянных колодок. Кроме того, приказал он выковать медные оковы для ног весом в четыре немеса¹.

Когда все было изготовлено, послал полководец Джхути гонца к побежденному из Яффы, чтобы сказать ему:

Я, Джхути, полководец земли Египта. Сопровождал я фараона во всех его походах в страны Юга и Севера и получал немало наград за свою отвагу. И вот стал фараон завидовать моей храбрости и задумал меня убить. Но спасся я и ушел от него, унося с собою великий жезл фараона Менхеперра. Спрятал я его в корнине с кормом для лошадей моих. Если ты желаешь, и отдам его тебе, а сам останусь с тобой, и со мной мои воины — лучшие из храбрецов Египта.

Когда услышал эти слова побежденный из Яффы, злился он, ибо знал, что доблестен полководец

¹ Немес — мера веса в Древнем Египте.

Джхути и нет ему равных на всей земле. И послал он к Джхути гонца, чтобы сказать:

— Приходи ко мне! Я приму тебя как брата, и дам тебе надел, наилучший из земель страны моей.

Сам побежденный из Яффы вышел навстречу Джхути со своими телохранителями, а также с женщинами и детьми из города своего. Повел он Джхути свой лагерь, но ни воинов Джхути, ни их коней он с собою не взял.

* * *

В лагере с побежденным из Яффы было сто двадцать сирийских воинов, обильно снабженных пищей и кормом для их коней в плетеных сосудах наподобие корзин. Увидел это Джхути и попросил:

— Прикажи накормить и солдат фараона, ибо лица их печальны от голода.

И побежденный из Яффы сделал так, как он просил.

Потом сели они пировать, и через час, когда оба были уже пьяны, Джхути сказал побежденному из Яффы:

Пока я сижу здесь с женщинами и детьми города твоего, прикажи, чтобы воины твои впустили мои колесницы и накормили коней. Если хочешь, пусть каждая из них введет какой-нибудь раб-чужестранец.

И вот колесницы ввели в лагерь и коням задали корм. Вместе с колесницами прибыл в лагерь и великий жезл фараона Менхеперра. Пришли к Джхути и сообщили ему об этом. Услышал это побежденный из Яффы и сказал Джхути:

Хочу я увидеть великий жезл фараона Менхеперра! Клянусь Ка фараона Менхеперра, он уже здесь у тебя, этот великий жезл. Принеси его мне!

И полководец Джхути сделал так, как он просил, и принес великий жезл фараона Менхеперра. Приблизился он к побежденному из Яффы, схватил его за одежды и сказал:

— Взгляни на меня, о побежденный из Яффы! Вот великий жезл фараона Менхеперра, яростного льва сына Сохмет, да укрепит Амон десницу его.

Тут поднял Джхути руку свою и ударил побежденного из Яффы жезлом в висок. Упал побежденный из Яффы навзничь. Надел ему Джхути на шею колодку, связал его кожаными путами и приказал принести пред

назначенные для поверженного оковы из меди. И надели ему на ноги оковы весом в четыре немеса.

Затем приказал Джхути принести двести корзин, которые он велел изготовить заранее. Двумстам солдатам приказал он усесться в них. Дали им колодки и путы, а также дали им их сандалии и оружие и запечатали корзины печатями. Повелел Джхути нести корзины наилучшим солдатам своим, а всего их было пятьсот человек. И сказал им Джхути:

— Когда войдете вы в город, выпустите ваших товарищей из корзин, схватите всех жителей города и тотчас же свяжите их!

После этого вышел один воин Джхути из лагеря и сказал колесничему побежденного из Яффы:

— Вот слова твоего господина, ступай и скажи их твоей госпоже: «Возрадуйся! Бог наш Сутех отдал нам в руки Джхути вместе с женой его и детьми его! Смотри, мой лик обратил в рабов его воинов!» Так скажешь ты ей об этих двухстах корзинах, в которых сидят солдаты с колодками и путами.

И отправился колесничий в город впереди воинов Джхути, дабы усладить сердце госпожи своей.

Сказал он ей:

— Мы захватили Джхути!

И вот открыли ворота города перед солдатами, и они вошли внутрь. Освободили они своих товарищей из корзин и стали хватать жителей города, молодых и старых. Тотчас же надели они на них колодки и связали путами.

Так десница мощная фараона, да будет он жив, здоров и могуч, простерлась над городом.

Ночью Джхути послал гонца к фараону Менхеперра, да будет он жив, здоров и могуч. И гонцу велел он сказать:

«Да возрадуется сердце твое! Амон, благой твой отец, отдал в руки тебе побежденного из Яффы со всеми людьми его и городом его. Пришли нам людей, дабы отвести пленных и наполнить храм владыки богов Амона-Ра рабынями и рабами, которые склонятся в прах под ноги твои отныне и навсегда».

Здесь счастливо завершается рассказ, как его записал от начала до конца писец с умелыми пальцами, писец войска фараона.

ОБРЕЧЕННЫЙ СЫН ФАРАОНА

Рассказывают, что жил некогда в Египте фараон, и не было у него наследника. Тогда обратился он с мольбою к богам времени своего, и они повелели, чтобы у него родился сын.

Эту ночь фараон провел со своей женой, и она понесла. А когда прошли месяцы, родился у нее сын. И вот пришли семь Хатор¹, чтобы предсказать судьбу его. И сказали они:

— Погубит его крокодил, или змея, или собака.

Услышали это люди, которые были рядом с ребенком, и передали слова Хатор его величеству фараону, да будет он жив, здоров и могуч. Всем сердцем опечалился его величество, да будет он жив, здоров и могуч. И приказал его величество, да будет он жив, здоров и могуч, воздвигнуть в пустыне для сына своего дворец из камня. Доставили туда слуг и всевозможные превосходные вещи из дворца фараона, чтобы ребенок жил там и не выходил наружу.

¹ Семь Хатор.— По верованиям древних египтян, богиня Хатор воплощалась в образы семи богинь — предсказательниц судьбы.

Но вот мальчик подрос. Взошел он однажды на крышу дворца своего и увидел вдали собаку, бежавшую за человеком, который шел по дороге. Спросил тогда мальчик слугу, который стоял с ним рядом:

Кто это бежит за человеком, который идет по дороге?

И слуга ответил:

— Это собака.

Сказал тогда мальчик:

— Пусть приведут мне такую же!

Отправился слуга к фараону, да будет он жив, здоров и могуч, и передал ему эти слова. И повелел его величество, да будет он жив, здоров и могуч:

Пусть принесут ему маленького щенка, чтобы не печалилось сердце его.

И мальчику принесли щенка.

Прошло после этого много дней. Вырос юноша, возмужало тело его. И однажды послал он слугу к отцу своему и повелел ему передать такие слова:

— Какой толк от того, что я сижу здесь без дела? Ведь я все равно обречен: три судьбы угрожают мне. Дозволь же мне поступить по своему желанию, пока бог не свершит то, что он задумал.

Тогда запрягли для него колесницу, снабдили его всевозможным оружием и дали ему слугу. Потом переправили его на восточный берег Нила и сказали ему:

— Теперь поезжай, куда сам захочешь!

И вот он направился к северу по желанию своему, и собака его тоже последовала за ним. Он пересек пустыню, питаясь дичью песков. И так добрался он до земель правителя Нахарины¹.

Не было у правителя Нахарины детей. Родилась у него одна только дочь, и для нее построил он башню, окна которой отстояли на семьдесят локтей от земли.

И вот повелел он призвать сыновей всех сирийских правителей и сказал им:

Дочь моя станет женой того, кто допрыгнет до ее окна.

Прошло после этого много дней. Каждый день сыновья правителей Сирии пытались допрыгнуть до того

¹ На х а р и н а — область, расположенная между Тигром и Евфратом в их верхнем течении. В данном случае — северная часть Сирии к востоку от Ливанского хребта.

окна. Проходил юноша мимо и увидел их. Пригласили они его в свой дом, омыли его и дали корму его коням. Они сделали для юноши все, что могли: они умастили его, они перевязали израненные ноги его, они накормили его слугу. Потом заговорили они с юношей и спросили его:

— Откуда идешь ты, прекрасный юноша?

И он им ответил:

Я сын офицера из земли Египетской. Мать моя умерла, и отец взял себе другую жену. Но мачеха невзлюбила меня, и вот я бежал, чтобы спастись от нее.

Тогда они обняли его и поцеловали его.

Прошло после этого много дней, и однажды спросил их юноша:

— Что вы здесь делаете?

Ответили они:

Вот уже полных три месяца мы прыгаем здесь, ибо нам сказали, что тот, кто допрыгнет до окна дочери правителя Нахарины, получит ее в жены.

И сказал он им:

— Ах, если бы ноги мои не болели, я бы пошел вместе с вами!

Потом пошли они к башне и стали прыгать, как обычно. А юноша стоял поодаль и смотрел. И вот заметила его дочь правителя Нахарины, и лицо ее обратилось к нему.

Прошло после этого еще много дней, и однажды отправился юноша с сыновьями правителей Сирии к башне и тоже стал прыгать. Прыгнул он и достиг окна дочери правителя Нахарины. Она обняла его и поцеловала его.

Весть об этом передали правителю Нахарины, чтобы обрадовать сердце его. Сказали ему:

— Один человек достиг окна твоей дочери.

Обратился к вестнику правитель Нахарины и спросил его:

— Сын какого правителя тот человек?

Но ответил вестник:

Это сын офицера, который бежал из земли Египетской, спасаясь от своей мачехи.

Охватил тут великий гнев правителя Нахарины, и сказал он:

Разве отдам я дочь свою этому беглецу из Египта? Пусть возвращается, откуда пришел!

Пошли вестники к юноше и сказали ему:

— Возвращайся туда, откуда пришел!

Но тут дочь правителя Нахарины схватила вестника и сказала ему:

Клянусь вечностью Ра-Горахути! ¹ Если отнимут его у меня, не стану я пить, не стану есть и умру в тот же час!

Тогда вестник вернулся и сообщил обо всем, что она сказала, ее отцу. Отправил отец людей туда, где был юноша, чтобы убить его. Но сказала дочь правителя Нахарины:

— Клянусь Ра! Если убьют его, я тоже умру на заходе солнца! Я и на час не переживу его!

Пошли и сказали об этом отцу. И тогда повелел он привести к нему юношу и свою дочь. Предстал юноша перед правителем Нахарины, и тот проникся к нему благосклонностью. Он обнял его и поцеловал его. А потом сказал он ему:

— Поведай мне о себе! Ведь ты мне теперь словно сын!

И сказал ему юноша:

Я сын офицера из земли Египетской. Мать моя умерла, и отец взял себе другую жену. Но мачеха невзлюбила меня, и вот я бежал, чтобы спастись от нее.

Тогда отдал ему правитель Нахарины свою дочь в жены, подарил ему дом и поля, а также стада скота и всякие превосходные вещи.

Прошло после этого еще много дней, и однажды сказал юноша своей жене:

Три судьбы предназначены мне: погубит меня крокодил, или змея, или собака.

И тогда сказала она:

— Прикажи убить собаку свою, которая следует за тобой.

Но ответил юноша:

Неразумно это! Я не дам убить собаку мою, которую взял еще маленькой и сам вырастил.

Тогда жена начала оберегать своего супруга с величайшей заботой; она никуда не давала ему выходить одному.

¹ Ра - Г о р а х у т и — Горахути — «Гор горизонта», одно из воплощений бога солнца Гора; иногда с ним ассимилировался бог Ра в образе единого бога.

Но уже в тот день, когда юноша покинул землю Египта и отправился странствовать, крокодил, предназначенный ему судьбою, последовал за ним и нигде не отставал от него. Он поселился в реке возле города, в котором жил юноша со своею женой. И в той же реке обитал водяной дух. Он не давал крокодилу выходить на берег, и крокодил не давал водяному духу выходить для прогулок на берег. И когда всходило солнце, поднимались оба врага и начинали сражаться. И так сражались они каждый день полных три месяца.

Прошло еще много дней. Однажды юноша сел пировать и провел приятный день в своем доме. Когда вечерний ветер утих¹, юноша лег на ложе свое и сонсковал его тело. А жена наполнила одну чашу вином, а другую чашу пивом и поставила их возле него.

И вот выползла из норы змея, чтобы укусить юношу. Но его жена сидела подле него и не спала. Тут чаши с вином и пивом привлекли змею. Выпила она все и опьянела; перевернулась она брюхом кверху и заснула. И жена изрубила ее топором.

Потом разбудила она своего супруга, показала ему змею и сказала:

Смотри! Твой бог отдал тебе в руки одну из трех твоих судеб. Он охранит тебя и от двух остальных.

Принес юноша жертвы богу Ра и стал славить его и восхвалять каждый день.

Прошло после этого еще много дней, и однажды, чтобы развлечься, отправился юноша погулять по своим владениям. Но жена его с ним пойти не смогла. Только собака его последовала за ним.

И вот обрела собака дар речи и сказала юноше:

— Я судьба твоя!

Тогда юноша побежал от нее. Достиг он реки и бросился в воду, чтобы уйти от собаки. Здесь увидел его крокодил и схватил.

Потащил его крокодил в то место, где пребывал обычно водяной дух, но того там не было. И тогда сказал крокодил юноше:

¹ Вечерний ветер.— Ветер обычно дует в Египте весь день, а к вечеру, когда спадает жара, стихает. Автор по аналогии переносит на Сирию, где происходит действие, климатические особенности Египта.

Я твоя судьба. Я последовал сюда за тобой. Но вот уже полных три месяца я сражаюсь здесь с водяным духом. Я готов отпустить тебя, если ты сразишься с ним, когда он вернется. Если ты боишься меня и хочешь спастись, убей водяного духа! Ты увидел собаку, и ты испугался. Посмотри же теперь на крокодила!

И вот, когда озарилась земля и наступил новый день, водяной дух вернулся.

* * *

Сказал тогда крокодил юноше:

Вон возвращается водяной дух. Полных три месяца не давал он мне выйти на берег и схватить тебя. Но теперь я готов тебя отпустить, если ты убьешь его.

Но сказал юноша:

— Как могу я убить того, кто защищал меня?

Разгневался крокодил и сказал:

— Тогда пусть свершится твоя судьба! Если ты до захода солнца не поклянешься убить водяного духа, ты увидишь смерть.

Услыхала эти слова собака. Побежала она к дому хозяина и нашла там его жену, дочь правителя Нахарины. Пребывала она в слезах и печали, потому что муж ее не вернулся домой. И когда увидела она, что собака вернулась одна, без хозяина, громко зарыдала дочь правителя Нахарины и посыпала голову прахом, как жена, чей муж уже умер.

Но собака схватила ее за одежды и повлекла к порогу. Не отпускала она дочь правителя Нахарины и понуждала следовать за собой.

Тогда осушила дочь правителя Нахарины слезы, взяла топор, которым она убила змею, и последовала за собакой. Привела ее собака в то место, где лежал в воде крокодил, и жена увидела своего мужа во власти крокодила. И услышала она, как сказал крокодил ее мужу:

— До захода солнца осталось немного, и вон уже возвращается водяной дух. Если ты не поклянешься убить водяного духа, ты увидишь смерть.

Тогда жена поспешила навстречу водяному духу и сказала ему:

Приходи скорее! Ибо схватил крокодил моего мужа, и если ты не придешь до захода солнца, он увидит смерть.

И вот водяной дух вернулся в то место, где был крокодил, еще до захода солнца. Увидел его крокодил и хотел убить юношу. Но сказал ему юноша:

Солнце еще не зашло, смотри! Ты обещал не убивать меня до захода солнца.

И крокодил ответил:

Я убью водяного духа, но когда зайдет солнце, свершится твоя судьба.

И он оставил юношу. Тут приблизился водяной дух и схватил крокодила. А жена юноши ударила крокодила топором прямо в голову и поразила его. И водяной дух увлек крокодила на дно.

Сказала тогда дочь правителя Нахарины:

Смотри! Твой бог отдал тебе в руки вторую из трех твоих судеб. Он охранит тебя и от последней.

И юноша принес жертвы богу Ра и стал славить и восхвалять его каждый день.

Прошло после этого еще много дней. И вот сыновья сирийских правителей вторглись в страну. Завидовали они, что дочь правителя Нахарины досталась не им, а сыну простого офицера из земли Египетской. Пришли они со множеством солдат и боевыми колесницами, и рассеяли они войско правителя Нахарины. Они оттеснили его с пастбищ и от колодцев, они взяли город его и угнали его стада, они опустошили его страну и захватили добро побежденного. Они взяли в плен самого правителя Нахарины, но ни дочь его, ни юношу нигде найти не могли.

Тогда спросили правителя Нахарины сыновья сирийских правителей:

— Где твоя дочь? Где сын офицера из земли Египетской, которому ты отдал ее в жены?

И ответил им правитель Нахарины:

Они отправились вместе охотиться на лучшую дичь пустыни.

Тогда сказали сыновья сирийских правителей:

Мы пойдем в разные стороны и будем искать беглеца из земли Египетской и его жену. Кто найдет их, пусть убьет египтянина и возьмет себе в жены дочь правителя Нахарины.

Так сказали они и отправились в путь, в сторону востока и в сторону запада, в сторону юга и в сторону севера.

Прошло после этого еще много дней, и вот те, кто направился в сторону юга, достигли границ Египта. Пришли они в то место, где охотился юноша со своею женой. Но водяной дух заметил их и услышал их речи. Тогда поспешил он к юноше и сказал ему:

Спасайся! Ищут тебя сыновья сирийских правителей. Если они найдут тебя, увидишь ты смерть, а супруга твоя станет женой одного из них. Спасайся! Их много, а ты один. И я не могу помочь тебе, как ты мне помог, когда я убил крокодила, ибо на земле я бессилен.

И водяной дух удалился.

Тогда юноша позвал свою жену; они ушли в горы спрятались там в пещере.

Собаку свою юноша тоже взял в пещеру. И так спрятались они два дня и две ночи.

На третий день сыновья сирийских правителей пришли в горы со множеством воинов. Они прошли мимо пещеры, и никто не заметил ее. Но когда последний воин проходил мимо, собака вырвалась из рук юноши и залаяла. Она выскочила из пещеры и схватила воина. И тут сыновья сирийских правителей узнали собаку.

Устремились они в пещеру. Они метнули в юношу свои боевые топоры и дротики один за другим. Но встала тут дочь правителя Нахарины и заслонила мужа. Поразил ее дротик, и упала она на землю и умерла.

Разъярились сыновья сирийских правителей и в гневе стали подобны леопардам. Все вместе напали они на юношу, но сразу одолеть его не смогли. У него был меч, и собака его сражалась вместе с ним. Он поразил мечом одного, а другого свалила собака. Но тут все остальные бросились к ним: они убили собаку и пронзили юношу множеством копий.

Потом вынесли они тела юноши и его жены из пещеры и бросили на растерзание диким зверям. А сами они ушли, чтобы соединиться с товарищами и поделить между собой владения правителя Нахарины.

И вот, когда они удалились, юноша приоткрыл глаза. Он увидел рядом свою жену и увидел, что она мертва. Тогда застонал он и проговорил:

— Предсказали семь Хатор, что погубит меня крокодил, или змея, или собака. И вот моя собака предала меня и погубила. Свершилась моя судьба! И пусть я увижу смерть, потому что без моей жены не хочу я жить!

Потом он воздел руки к небу и сказал:

— Не совершил я ничего недозволенного богами! Неужели великие боги не смиляются сейчас надо мной? Да сделают они так, чтобы тело мое погребли в Египте, и да будут они моими заступниками перед судьями в царстве мертвых!

Упал юноша рядом со своею женой и умер.

Но боги Эннеады услышали его мольбу. И сказал тогда Ра-Горахути:

— Свершилась его судьба. Дадим им теперь новую жизнь. Надо вознаградить их за верность!

И все боги согласились с ним.

Тогда семь Хатор приблизились к юноше и его жене и сказали:

Свершилась ваша судьба. Пробудитесь для новой жизни!

Одна из них прикоснулась к их сердцам, и они забились. Другая прикоснулась к их ногам, и они встали. Третья прикоснулась к их глазам, и они увидели друг друга. Пятая прикоснулась к их рукам, и они обнялись. Шестая прикоснулась к их ноздрям, и дыхание жизни вернулось к ним. А седьмая даровала им здоровье и долгую жизнь до дня погребения и соединения с землей.

И сказал тогда юноша своей жене:

— Принесем жертву богам и восславим их! Все три судьбы они отдали мне в руки.

И они принесли великую жертву богам и стали восхвалять их и славить.

Потом сказал юноша своей жене:

— Я не тот, за кого себя выдавал. Теперь, когда свершилась моя судьба, я откроюсь тебе. Я сын фараона, владыки престола Египта. Но ты полюбила меня, как простого беглеца из земли Египетской, и я видел твои достоинства. Теперь станешь ты женою властителя, ибо верность твоя велика, и сердце мое склонилось к тебе.

Так сказал он жене своей, и они отправились в Египет. Достигли они дворца фараона, да будет он жив, здоров и могуч, и предстали перед ним. И возликовал его величество, когда увидел сына своего и узнал, что

все три его судьбы свершились. Он сделал его своим соправителем. Он назвал дочь правителя Нахарины женой фараона. Он дал ей имя «Возрожденная верность».

Потом снарядил он большое войско со множеством боевых колесниц. Он поставил во главе войска сына своего и послал его в Сирию.

Достиг сын фараона со своими воинами границы Сирии, и рассеял он войско сирийских правителей. Он взял их города, он опустошил их страну и захватил их добро. Он освободил правителя Нахарины и вернул ему все его владения.

А потом сын фараона вернулся в Фивы. Он принес великую жертву Амону-Ра — царю всех богов, и радовались люди по всей стране.

Со своею женою дожил он до счастливого возраста в сто десять лет. А когда пришел час их соединения с землей, положили их вместе в городе вечности.

ПРАВДА И КРИВДА

Рассказывают, что жили некогда два брата, старшего брата звали Правда, а младшего брата — Кривда.

Был Правда прекрасен всем телом своим, и не было ему равных во всей стране. Завидовал ему Кривда. И решил он его погубить. И вот достал Кривда красивый кинжал в красивых ножнах, взял с собою десять хлебов, посох, пару сандалий, бурдюк и меч и пришел к хранителю утвари Правды.

И сказал он ему:

— Возьми себе эти десять хлебов, посох, пару сандалий, бурдюк и меч, но сохрани мой кинжал, пока я не вернусь из города.

Прошло много дней, и хранитель утвари Правды решил почистить кинжал, который оставил ему Кривда. Он сел с ним на берегу пруда и стал его чистить. И вот кинжал выскользнул из его рук и упал в пруд. Сколько его ни искали, найти не смогли.

Услышал Кривда, что хранитель утвари Правды потерял его кинжал. Пришел он к хранителю утвари и сказал ему:

— Где мой кинжал? Верни мне его!

И ответил ему хранитель утвари:

У меня его нет, я его потерял. Но вот тебе все кинжалы Правды и все они — твои. Возьми себе какой хочешь.

Тогда сказал ему Кривда:

Разве есть второй такой кинжал, какой был у меня? Клинок его — гора Эль, рукоятка его — ствол дерева Коптоса¹, ножны его — гробница бога, а обвязка ножен — все стада пастбищ Кара².

Сказал тогда ему хранитель утвари:

Может ли быть такой большой кинжал, как ты говоришь?

Но Кривда схватил его и потащил за собою туда, где был Правда. И он привел Правду на суд к Эннеаде и сказал:

Доверил я Правде свой кинжал. А он потерял его. А кинжал тот был необыкновенный! Клинок его — гора Эль, рукоятка его — ствол дерева Коптоса, ножны его — гробница бога, а обвязка ножен — все стада пастбищ Кара. Не может он мне его возместить!

* * *

И еще сказал Кривда Эннеаде:

Пусть схватят Правду и пусть ослепят его на оба глаза. И да будет он привратником дома моего!

И Эннеада сделал все, как говорил Кривда.

Прошло после этого много дней, и вот Кривда поднял глаза, взглянул и увидел достоинства своего старшего брата. И сказал тогда Кривда двум рабам Правды:

Схватите вашего господина и отдайте его свирепому льву и многочисленным львицам голодным. Иначе я вас убью!

Схватили рабы своего господина и понесли на холмы пустыни. Но когда они поднимались по склону, сказал Правда своим рабам:

— Не губите меня! Возьмите вместо меня кого-нибудь другого. Или сделайте так: пусть один из вас пой-

К о п т о с — центр V нома Верхнего Египта, откуда шли караванные пути через Восточную пустыню к берегам Красного моря.

² К а р — область, принадлежавшая египтянам, на крайнем юге их владений в Нубии.

дет к Кривде и скажет, что его приказание исполнено, а другой сходит в город и принесет мне немного хлеба.

И вот пошел один раб к Кривде и сказал ему:

Мы бросили господина нашего в пустыне, и львы растерзали его.

Затем он вышел из дома, хоть Кривда и призывал его, чтобы наградить.

Прошло после этого еще много дней. Как-то раз одна знатная госпожа вышла из дому со своими служанками погулять. И вот служанки увидели Правду: он лежал у подножья холма и был так прекрасен, что не было ему равных во всей стране. Вернулись служанки к своей госпоже и сказали:

— Пойди с нами и посмотри. Там у подножья холма лежит слепец. Приведем его к нам и сделаем его привратником нашего дома!

Тогда приказала госпожа служанке:

— Пойди и приведи его! Я хочу на него взглянуть.

Отправилась служанка и привела Правду. И когда госпожа увидела, как прекрасен он телом своим, возжелала она его всем сердцем. Он провел с нею ночь и познал ее, как мужчина познает женщину. И в ту же ночь она зачала дитя.

Прошло еще много дней после этого, и родила госпожа сына. Не было ему равных во всей стране, ибо был он длиною в локоть и походил на юного бога. Его отдали в школу, и он научился прекрасно писать. Все, что должны были делать юноши, он выполнял так умело, что превзошел даже старших своих товарищей, которые вместе с ним учились в школе.

Тогда стали ему говорить товарищи:

— Чей ты сын? У тебя нет отца!

Они мучили и дразнили его:

— Воистину у тебя нет отца!

И тогда стал мальчик спрашивать свою мать:

Открой мне имя отца моего, чтобы я мог сказать его товарищам в школе. Они ругают меня и спрашивают: «Кто же твой отец?» Так они дразнят и терзают меня.

И ответила ему мать:

Видишь слепца, который сидит у ворот? Это и есть твой отец.

Так ответила она ему. И сын ей сказал:

— За то, что ты сделала, следовало бы созвать всю твою родню и на ее глазах бросить тебя крокодилу!

Потом мальчик привел отца в дом и усадил его в кресло. Он принес скамейку для ног и подставил ее отцу под ноги. Он положил перед ним хлеб, накормил его и напоил. А затем спросил мальчик отца своего:

— Скажи, кто тебя ослепил, чтобы я мог отомстить за тебя.

Ответил Правда:

— Это мой младший брат ослепил меня.

И он рассказал ему все, что с ним было.

Тогда стал мальчик собираться в путь, чтобы отомстить за отца своего. Нашел он быка самой красивой масти, взял десять хлебов, посох, пару сандалий, бурдюк и меч и отправился к пастуху Кривды. Сказал он ему:

— Возьми себе эти десять хлебов, посох, пару сандалий, бурдюк и меч, но постереги моего быка, пока я не вернусь из города.

Прошло после этого много дней. Много месяцев пас быка пастух Кривды. И вот однажды отправился Кривда в поля, чтобы взглянуть на своих быков. И увидел он быка, который был самой прекрасной масти. Сказал тогда Кривда своему пастуху:

— Отдай мне этого быка! Я хочу его съесть.

Но ответил ему пастух:

— Этот бык не мой. Не могу я отдать его тебе.

Тогда сказал ему Кривда:

Посмотри, вот мои быки, и все они у тебя. Любого из них отдай хозяину того быка!

И вот услышал мальчик, что Кривда взял его быка. Пришел он к пастуху Кривды и сказал ему:

— Где мой бык? Я не вижу его среди твоих быков.

Ответил ему пастух:

— Вот все быки Кривды и все они — твои. Возьми себе, какого захочешь.

Тогда сказал ему мальчик:

Разве есть второй такой большой бык, какой был у меня? Когда стоит он на Острове Амона¹, кисть хвоста его лежит в Зарослях Папируса; один рог его покоится на Западной горе, а другой рог — на Восточ-

¹ Остров Амона (Паиуамон) — одно из названий центра XVII нома Нижнего Египта, современный Эль-Баламун.

ной горе¹, ложем служит ему Великая Река²: шестьдесят телят рождается от него ежедневно.

Сказал ему пастух:

Может ли быть такой большой бык, как ты говоришь?

Но мальчик схватил его и потащил за собой туда, где был Кривда. И привел он Кривду на суд к Эннеаде.

Выслушали его боги Эннеады и сказали:

Неправда то, что ты говоришь. Мы никогда не видали такого большого быка!

Тогда сказал Эннеаде мальчик:

Но разве есть такой большой кинжал, как вы говорили прежде? Вы говорили, будто клинок его — гора Эль, рукоятка его — ствол дерева Коптоса, ножны его — гробница бога, а обвязка ножен — все стада пастбищ Кара!

И еще сказал он Эннеаде:

Рассудите между Правдой и Кривдой. Я — сын Правды, и я пришел отомстить за него.

Тогда Кривда поклялся именем фараона, да будет он жив, здоров и могуч, и сказал:

Клянусь вечностью Амона и жизнью повелителя, неправда это! И если найдут Правду живым, пусть ослепят меня на оба глаза и пусть сделают меня привратником дома его!

Но мальчик тоже поклялся именем фараона, да будет он жив, здоров и могуч, и сказал:

Клянусь вечностью Амона и жизнью повелителя, это правда. И если найдут отца моего живым, пусть жестоко накажут Кривду! Пусть дадут ему сто простых ударов и нанесут ему пять рваных ран. А потом пусть его ослепят на оба глаза и сделают привратником в доме Правды. И да служит он ему вечно!

Так отомстил мальчик за отца своего, и так решился спор между Кривдой и Правдой.

Здесь счастливо и мирно завершается рассказ, как его записал писец храма Амона, чьи руки чисты.

¹ Очевидно, имеются в виду горы, окаймляющие долину Нила.

² Великая Река — основное русло Нила в Дельте.

ДВА БРАТА

I

Рассказывают, что жили некогда два брата от одного отца и одной матери. Имя старшего было Анупу, а имя младшего — Бата.

У старшего брата Анупу был дом и была жена. А младший брат Бата жил с ними, как их родной сын. Он делал все для старшего брата: он изготавлял для него одежды, пас его стадо, пахал для него, жал для него и выполнял все работы, какие только находились в поле. Младший брат Бата был прекрасным юношей и обладал силой бога. Не было равных ему во всей стране.

Каждый день, когда озарялась земля, младший брат по своему обыкновению уходил со своим стадом, и каждый вечер он возвращался домой, нагруженный всевозможными полевыми травами. Он приносил с собой молоко, дрова и всякие превосходные вещи, которые растут на полях. И все это он клал перед старшим братом, который ожидал его, сидя со своей женой.

После этого он пил и ел и уходил в загон для скота, где он спал один посреди своего стада.

А когда наступал новый день и земля озарялась, младший брат готовил горячую пищу и ставил ее перед

старшим братом. И старший брат оделял его хлебом, чтобы младший брат мог поесть в поле.

Потом младший брат выгонял свое стадо пастись на поля. Он шел за своими коровами, и они говорили ему:

— Сегодня трава хороша вон в том месте!

Он слышал все, что они говорили, и вел их в то самое место, где росла трава, какой им хотелось. И коровы, которых он пас, становились все лучше и лучше, и приплод от них множился без конца.

Но вот пришла пора пахать, и старший брат сказал младшему:

— Приготовь упряжку быков для пахоты! Земля уже вышла после разлива Нила из-под воды, и сейчас пахать ее самое время. Захвати в поле и семена, потому что завтра с утра мы начнем пахать в полную силу.

Так сказал ему старший брат. Он сказал:

— Сделай это!

И младший брат сделал все, что велел ему старший.

Когда озарилась земля и наступил новый день, они вышли в поле, захватив с собой семена. Прилежно пахали они, и сердца их радовались, ибо пахота началась.

Прошло после этого много дней. Но вот однажды когда братья были на поле, им не хватило семян. Старший брат послал за ними младшего брата. Сказал он ему:

— Ступай в деревню и принеси семена!

Пришел младший брат домой и увидел, что жена его старшего брата сидит и причесывается. Тогда он сказал ей:

— Встань и дай мне семян! Я спешу в поле, потому что мой старший брат ждет меня. Поторопись же!

Но она ему ответила:

— Не заставляй меня бросать прическу неоконченной! Поди открой амбар и сам возьми все, что тебе нужно.

Тогда юноша вошел в свой загон для скота и вынес оттуда большой сосуд: он хотел захватить побольше семян. И вот нагрузился он ячменем и пшеницей и пошел. Увидела это жена старшего брата и спросила:

— Сколько же весит все, что ты взвалил себе на плечи?

И ответил он ей:

— Три мешка пшеницы и два мешка ячменя. А всего у меня на плечах пять мешков¹.

Так ответил он ей. Тогда она вновь обратилась к нему и сказала:

Великая сила в тебе! Мощью твоей любуюсь я каждый день.

И захотела она познать его, как познают мужчину.

Поднялась она, схватила младшего брата за руку и сказала ему:

Пойдем ляжем вместе, позабавимся часок! А за это я сошью тебе красивые одежды.

Но юноша, услышав ее скверные речи, разъярился, как леопард, и великий страх охватил ее. А он ей сказал:

— Что говоришь ты? Ведь ты для меня словно мать, а твой муж для меня как отец! Он мой старший брат, он меня взрастил. Зачем же ты мне сказала такую мерзость? Больше не смей говорить мне это! А я не повторю этого никому: такие слова ни перед кем не выйдут из моих уст.

Потом он поднял свою ношу и отправился в поле. Он пришел к своему старшему брату, и они прилежно взялись за работу.

Но вот наступил вечер, и старший брат, кончив работу, пошел домой. А младший брат задержался со стадом. Он взвалил себе на плечи всевозможные травы и плоды полей и погнал свое стадо впереди себя на ночлег, к загону в деревне.

Между тем жена старшего брата пребывала в страхе из-за сказанных ею слов. И вот взяла она жир и говяжье сало и намазалась им, словно ее избили. И все это для того, чтобы сказать своему мужу: «Это твой младший брат избил меня!»

Когда муж по своему обыкновению вернулся к вечеру и вошел в дом, жена лежала, притворяясь больной. Она не полила ему на руки воды, как он к этому привык, она не зажгла перед ним огня, и весь дом оставался погруженным во мрак. А сама она лежала и делала вид, что ее тошнит.

Тогда спросил ее муж:

¹ Пять мешков, согласно древнеегипетским мерам веса, должны весить около 280 кг.

— Кто обидел тебя?

И она ответила:

Никто меня не обижал, кроме твоего младшего брата. Когда он пришел, чтобы взять для тебя семена, я сидела в доме одна. Тогда он сказал мне: «Закончи прическу и пойдем ляжем вместе, позабудем часок!» Вот что он мне сказал! Но я не стала его слушать и сказала: «Разве я не мать для тебя? Разве твой старший брат не отец для тебя?» Так я сказала ему, и он испугался. Он избил меня, чтобы я ничего тебе не рассказала. И если теперь ты его не убьешь, я покончу с жизнью. Смотри не слушай его, когда он придет! Я до сих пор страдаю, как подумаю о том скверном деле, которое он хотел свершить днем.

Старший брат разъярился, как леопард. Заострил он свое копьё и взял его в руки. Потом старший брат встал за воротами загона для скота, чтобы убить своего младшего брата, когда он вернется вечером и станет загонять свое стадо.

И вот, когда солнце закатилось, младший брат, нагруженный всевозможными полевыми травами, возвратился по своему обыкновению домой. Первая корова его стада вошла в загон и сказала своему пастуху:

— Смотри, здесь стоит и ждет тебя твой старший брат с копьём в руках. Он хочет убить тебя! Беги от него!

И младший брат услышал, что сказала ему корова. За ней вошла в загон вторая корова и сказала ему то же самое. Тогда он заглянул под ворота загона и увидел ноги старшего брата, который стоял за воротами с копьём в руках.

Бросил младший брат свою ношу и пустился бежать со всех ног. А старший брат погнался за ним с копьём в руках.

Воззвал тогда младший брат к Ра-Горахути. Взмолвился он:

— Спаси меня, о благой владыка! Ведь ты знаешь, где правый и где виноватый!

Ра услышал его мольбу и повелел, чтобы водная гладь пролегла между младшим братом и старшим. И разделила их водная гладь, полная крокодилов, так что младший брат очутился на одном берегу, а старший остался на другом берегу.

С досады, что не смог он убить своего младшего брата, дважды ударил себя старший брат по руке. А младший брат прокричал ему с того берега:

— Оставайся здесь, пока не озарится земля! Когда взойдет солнце, я буду судиться с тобой перед ликом его, и бог солнца отдаст виноватого в руки правому. Я не буду жить рядом с тобой никогда! Я не вернусь в то место, где ты живешь. Я уйду от тебя в Долину Пиний.

И вот озарилась земля и наступил новый день. Воссиял в небе Ра-Горахути, и братья вновь увидели друг друга. Тогда обратился юноша к старшему брату и сказал ему:

Почему ты преследуешь меня? Почему захотел ты предательски убить меня, не выслушав даже, что скажут мои уста? Я ведь твой младший брат, и ты был для меня как отец, а жена твоя — словно мать! Разве это не так? Когда ты послал меня за семенами, жена твоя сказала мне: «Пойдем ляжем вместе, позабавимся чашок!» Но я вижу, что тебе она все рассказала не так, как было.

И он поведал старшему брату обо всем, что случилось между ним и его женой. Он поклялся именем Ра-Горахути, что это правда. И воскликнул он:

— Как же мог ты напасть на меня с копьем, чтобы предательски убить меня из-за этой вонючей шлюхи?

Тут схватил младший брат резак для тростника и оскопил себя. Детородный член свой он бросил в воду, и сом проглотил его.

Изнемог младший брат, силы покинули его. А сердце старшего брата разрывалось от горя. Он стоял и оплакивал несчастного, но переправиться на тот берег, где был его младший брат, он не мог из-за крокодилов.

И вот младший брат окликнул его и сказал:

Подумал ты о дурном и не вспомнил о хорошем, не вспомнил ни о чем из того, что делал я для тебя. Возвращайся же теперь в свой дом и паси сам свой скот! Ибо я не вернусь в то место, где ты живешь, я уйду от тебя в Долину Пиний. Но ты для меня сделаешь вот что: позаботься обо мне, когда узнаешь, что со мной случилась беда. Я выну сердце свое из груди и спрячу его на вершине пинии в цветке пинии. Если станут рубить эту пинию и упадет мое сердце на землю, приди и найди его! Будь терпелив, даже если тебе придется потратить

на поиски целых семь лет! А когда ты найдешь мое сердце, опусти его в сосуд со свежей водой, и я вновь оживу и смогу отомстить всем, кто желал мне зла. Ты узнаешь, что со мной случилась беда, по кувшину с пивом: у тебя в руках пиво вспенится и потечет через край. Когда такое случится с тобой, не медли!

И вот младший брат отправился в Долину Пиний, а старший брат поплелся домой. Он шел, держась руками за голову, весь обсыпанный пылью в знак печали. И когда он вернулся домой, он убил жену свою и бросил тело ее собакам. А потом он сел и принялся горевать о своем младшем брате.

II

Прошло после этого много дней. Младший брат жил в Долине Пиний, и не было никого рядом с ним. Целыми днями он охотился за дичью пустыни, а вечером он возвращался и засыпал под пинией, на вершине которой в цветке пинии лежало его сердце.

Прошло еще много дней, и он построил себе своими руками дворец в Долине Пиний. Тот дворец был наполнен всяческими превосходными вещами, ибо младший брат Бата хотел, чтобы в доме его ни в чем не было недостатка.

И вот однажды, когда вышел Бата из дворца своего, повстречалась ему Эннеада богов. Они шествовали, погруженные в заботы о делах всей земли. Боги Эннеады поговорили между собой, а затем обратились к Бате:

О Бата, божественный бык Эннеады! Ты бежал из родного края из-за жены твоего старшего брата Анупу и живешь здесь один. Знай же: он убил жену свою, и ты теперь отомщен перед всеми, кто желал тебе зла.

Сжалилось сердце богов над Батой, и сказал Ра-Горакхути Хнуму:

— Сотвори для Баты жену, чтобы он жил не один!

Тогда Хнум вернул Бате мужскую силу и сотворил ему подругу, чтобы она жила с ним. Телом своим была она прекраснее любой другой женщины на земле, и было в ней семя всех богов.

Семь Хатор пришли посмотреть на нее. И сказали они в один голос:

— Она умрет от меча!

Но Бата всем сердцем желал ее. И она поселилась в его дворце. Целыми днями Бата охотился за дичью пустыни, и добычу свою он приносил и клал перед женой своей.

Однажды сказал ей Бата:

— Не выходи из дома, чтобы море тебя не похитило. От него ты не сможешь спастись, ибо ты ведь всего только женщина! А потом знай: сердце мое лежит в цветке пинии на вершине пинии, и если найдет его кто-нибудь, мне придется сражаться с ним.

И он открыл ей все про сердце свое.

Прошло еще много дней, и однажды Бата отправился на охоту по своему обыкновению. И вот молодая женщина вышла погулять под пинией, которая росла возле дома. Вдруг она заметила, что море катит за ней свои волны. Она бросилась бежать от него и уже достигла дома, но тут море воззвало к пинии. Сказало оно:

— Задержи ее и отдай мне!

И пиния успела схватить прядь волос молодой женщины. Унесло море эту прядь в Египет и опустило в том месте, где работали прачки¹ фараона, да будет он жив, здоров и могуч.

И вот благоухание этой пряди волос пропитало одежды фараона, да будет он жив, здоров и могуч. Стали тогда бранить прачек фараона, да будет он жив, здоров и могуч.

Стали им говорить:

Запах благовоний пропитал одежды фараона, да будет он жив, здоров и могуч!

И так бранили их каждый день, и они уже не знали, что делать.

Тогда сам управляющий прачками фараона, да будет он жив, здоров и могуч, отправился на берег. Сердце его было весьма опечалено, потому что бранили его каждый день. Он остановился на берегу как раз перед прядью волос, которая лежала в воде, и увидел ее. При-

¹ Обязанности прачек фараона исполняли мужчины.

казал он войти в воду и достать эту прядь. Благоухание этой пряди показалось ему таким приятным, что он отнес ее фараону, да будет он жив, здоров и могуч.

И вот призывали писцов и мудрецов фараона, да будет он жив, здоров и могуч, и сказали они фараону:

Это прядь волос дочери Ра-Горахути. В теле ее семя всех богов. Это дар тебе из иной страны. Отправь гонцов в чужеземные страны на поиски и отправь побольше людей в Долину Пиний, чтобы они доставили к тебе эту женщину, ибо думаем мы, что скорее всего найдем ее там!

И сказал его величество:

— Превосходно, превосходно то, что вы говорите!

И он приказал им выступать.

Прошло после этого много дней, и все гонцы, посланные в чужеземные страны, вернулись с вестями к его величеству. Только те, кто был послан в Долину Пиний, не вернулись, потому что Бата убил их. Лишь одного он оставил в живых, чтобы тот мог рассказать о случившемся его величеству.

Тогда приказал его величество вновь отправить в Долину Пиний множество солдат, а также воинов на колесницах, чтобы они доставили к нему жену Баты. Вместе с ними отправилась в путь одна женщина, которой вручили всевозможные прекрасные женские украшения. Эта женщина и увлекла с собою в Египет жену Баты.

Вся страна ликовала, радуясь прибытию жены Баты. А его величество полюбил ее всем сердцем и сделал своей первой наложницей.

Стал фараон расспрашивать жену Баты о ее муже. И сказала она его величеству, да будет он жив, здоров и могуч:

— Прикажи срезать и изрубить пинию.

Послал фараон солдат с медными топорами в Долину Пиний. Пришли они к той пинии, в цветке которой лежало сердце Баты, и срубили ее. И в тот же миг упал Бата замертво.

На другой день после того, как срубили пинию, когда вновь озарилась земля, старший брат Баты Анупу вошел в свой дом. Он вымыл руки и сел. Принесли ему сосуд с пивом, и пиво запенилось. Принесли ему другой

сосуд с вином, и вино замутилось. Тогда надел он свои сандалии и одежды, взял свой посох и свое оружие и направился к Долине Пиний.

Он пришел во дворец своего младшего брата и увидел, что его младший брат лежит мертвый на ложе своем. Зарыдал он при виде мертвого брата. И отправился он искать сердце младшего брата под той пинией, под которой его младший брат отдыхал по вечерам.

Три года провел он в поисках, но ничего не нашел. И вот, когда пошел уже четвертый год, затосковало сердце его, и захотел он вернуться в Египет. И сказал он себе:

— Завтра я уйду.

Так сказал он в сердце своем.

Но когда озарилась земля и наступил новый день, он опять отправился к пинии. Целый день провел он в поисках сердца брата и вечером вновь вернулся, чтобы искать его.

И вот нашел он семя, похожее на сердце, и принес в дом. Это и было сердце его младшего брата. Взял он чашу со свежей водой и бросил в нее сердце брата. А сам сел рядом и стал ждать.

Наступила ночь, и сердце Баты впитало в себя воду. Затрепетал Бата всем телом и взглянул на старшего брата своего. Но сердце его все еще оставалось в чаше с водой.

Тогда взял старший брат Анупу эту чашу со свежей водой, в которой плавало сердце брата, и заставил младшего брата выпить ее. И когда вернулось сердце на место свое, Бата ожил и стал таким же, как прежде. Обнялись братья и стали говорить друг с другом.

И вот сказал Бата своему старшему брату:

Слушай! Я превращусь в большого быка самой прекрасной масти и небывалого рода. Ты сядешь ко мне на спину, и еще до восхода солнца мы будем там, где находится моя жена. Я отомщу ей! А потом ты отведешь меня к фараону. И вознаградят тебя и заплатят тебе серебром и золотом за то, что ты привел меня к фараону, да будет он жив, здоров и могуч. Ибо я стану величайшим чудом, и будут радоваться люди по всей стране. А потом ты вернешься в свою деревню.

И вот, когда озарилась земля и наступил новый день, Бата принял тот облик, о котором он говорил своему старшему брату. Еще до рассвета старший брат Анупу сел к нему на спину, и они достигли того места, где пребывал фараон. Дали знать об этом его величеству фараону, да будет он жив, здоров и могуч. Пришел фараон посмотреть на небывалого быка и возрадовался всем сердцем. В честь его совершил он щедрые жертвоприношения. Сказал он:

— Это великое чудо!

И радовались люди по всей стране.

Заплатили старшему брату за быка золотом и серебром по весу его, и Анупу вернулся в свою деревню. Дали ему много людей и много всяческого добра. И полюбил его фараон, да будет он жив, здоров и могуч, больше, чем всех других людей в стране своей.

Прошло после этого много дней. И вот однажды вошел бык в кухню фараона и остановился перед первой наложницей. Заговорил он с ней и сказал:

— Смотри, я еще живу!

Спросила она его:

— Кто же ты?

И ответил он ей:

— Я — Бата. Я знаю, что это ты велела фараону срубить пинию, чтобы убить меня. Но смотри — я превратился в быка, и я живу.

Охватил наложницу страх, ужаснули ее слова мужа. Она выбежала из кухни и пошла к фараону. Его величество провел со своею наложницей приятный день. Она наливала ему вино, и был он к ней милостив необычайно. И вот сказала она его величеству, да будет он жив, здоров и могуч:

— Поклянись мне именем бога и скажи: «Я сделаю все, что попросит моя наложница!»

И фараон согласился выслушать все, что она ему скажет.

Тогда сказала она:

— Я хочу съесть печень того быка. Ведь он все равно не приносит пользы!

Сильно опечалился фараон, услышав ее слова. Всем сердцем жалел фараон своего быка.

И вот, когда озарилась земля и наступил новый день, повелел фараон совершить великие жертвоприношения

в честь заклания быка. Заколоть быка поручили первому мяснику фараона, да будет он жив, здоров и могуч. И он это сделал.

Но когда служители понесли быка на плечах, он потрянул загривком и две капли крови упали возле портала дворца его величества, да будет он жив, здоров и могуч. Одна из капель упала с одной стороны от больших ворот дворца фараона, да будет он жив, здоров и могуч, а другая — с другой стороны. Выросли из них две большие персеи¹, и каждая персея была редкостным деревом.

Доложили об этом его величеству, да будет он жив, здоров и могуч.

— Две большие персеи выросли за ночь у больших ворот твоего дворца. Это великое чудо, совершенное для тебя!

Родовались люди по всей стране и приносили жертвы этим персеям.

Но вот прошло много дней, и однажды его величество, да будет он жив, здоров и могуч, появился перед народом в окне из лазурита. На шее у него был венок из всевозможных цветов. Он взошел на золотую колесницу и выехал из дворца своего, чтобы взглянуть на персеи. И первая наложница фараона, да будет он жив, здоров и могуч, выехала за ним.

Его величество фараон, да будет он жив, здоров и могуч, сел под одной персеей, а его наложница под другой. И тогда сказал Бата своей жене:

— О предательница! Я Бата, и я живу вопреки тебе! Я знаю, что это ты велела фараону срубить пинию, чтобы убить меня. Я превратился в быка, и ты снова велела убить меня.

Прошло после этого еще много дней. И вот снова стала наложница наливать вино фараону, да будет он жив, здоров и могуч. И был он к ней милостив необычайно. И сказала она его величеству, да будет он жив, здоров и могуч:

— Поклянись мне именем бога и скажи: «Я сделаю все, что попросит моя наложница!» Поклянись!

И фараон согласился выслушать все, что она ему скажет.

¹ Персея — фруктовое дерево, растущее в Египте и Нубии.

Тогда сказала она:

Прикажи срубить эти две персеи и сделать из них красивую утварь.

Выслушал фараон ее слова и тотчас же послал искусных работников, чтобы срубили они персеи для его величества, да будет он жив, здоров и могуч. А любимая наложница фараона сама пришла посмотреть на это. И вот отлетела щепка прямо в рот наложнице; проглотила наложница щепку и в тот же миг понесла дитя.

А фараон приказал изготовить из тех персей все, что желала наложница.

Прошло еще много дней, и родила наложница сына. Сообщили его величеству, да будет он жив, здоров и могуч:

— Родился сын у тебя!

Потом принесли новорожденного, приставили к нему кормилицу и нянек, и радовались люди по всей стране. А фараон сел пировать и провел счастливый день, восхваляя своего сына. С самого начала его величество полюбил мальчика всем сердцем и назначил его царским сыном Куша¹.

Прошло еще много дней после этого, и фараон, да будет он жив, здоров и могуч, сделал сына наследником престола всей земли.

Прошло много дней. Долгие годы Бата в образе сына фараона был наследником престола всей земли. Но вот его величество, да будет он жив, здоров и могуч, вознесся на небо. И сказал тогда Бата:

Пусть призовут ко мне высших сановников, дабы я осведомил их обо всем, что случилось со мной.

И вот привели к нему его жену. И он судился с ней перед высшими сановниками его величества, и они подтвердили его приговор².

Потом привели к нему его старшего брата Анупу, и Бата сделал его наследником престола всей своей земли.

¹ Царский сын Куша.— Начиная со времени правления фараонов XVIII династии (1500 г. до н. э.) — титул наместника фараона в Нубии. Эту высокую должность нередко исполняли сыновья фараона.

² Согласно предсказанию семи Хатор, жена Баты должна была умереть от меча, то есть ее казнили.

Тридцать лет правил Бата Египтом, а затем отошел к вечной жизни. И в день его смерти на престол возшел его старший брат.

Эта книга благополучно и мирно доведена до конца для Кагабу, писца сокровищницы фараона, да будет он жив, здоров и могуч, а также для писца Гори и писца Меремопе. Переписана эта книга писцом Эннаной, ее владельцем¹. Бог Тот покарает всякого, кто станет ее хулить.

¹ Писец Эннана, родом из Мемфиса, современник фараонов XIX династии Рамсеса II и Меренптах (1300 г. до н. э.). Он был учеником писца Кагабу. Ему принадлежат и другие папирусы, хранящиеся в Британском музее. Судя по почерку, Эннана был искусным писцом, интересовавшимся литературой.

ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ УНУАМОНА

Священная барка Амона, царя богов, на которой он в дни торжественных празднеств проплывал по Нилу, обветшала. И решил Херихор, верховный жрец бога Амона и правитель Фив, обновить ее. Но для барки Амона нужен был лес из Ливана, наилучшие кедры с ливанских гор.

И тогда решил Херихор послать к берегам Ливана божественное посольство: статую бога Амона Дорожного, покровителя путников и дорог. А с ним вместе отправил он своего приближенного, старейшину первого зала храма Амона, Унуамона. Он вручил ему серебро для покупки леса и послание ко всем правителям от лица Амона, царя богов.

Но с самого начала плавания всевозможные беды преследовали Унуамона. Вот истинное повествование о злоключениях его, рассказанное им самим.

На пятый год правления фараона ¹, в шестнадцатый день второго месяца лета, я, Унуамон, старейшина первого зала храма бога Амона, владыки престола обеих земель, был послан за лесом для обновления великой и славной барки Амона, царя богов, которая стоит на Ниле и называется «Могучая грудь Амона».

Я отправился в путь и достиг Таниса ² — места, где прибывает Несубанебджед ³ и супруга его Танутамон. В тот же день я вручил им послание Амона, царя богов, и они приказали прочесть его перед ними. Потом сказали они:

— Мы исполним повеление Амона-Ра, царя богов, мы исполним повеление нашего владыки!

Но здесь, в Танисе, мне пришлось пробыть до четвертого месяца лета. Только в первый день первого месяца разлива Нила Несубанебджед и супруга его Танутамон отправили меня дальше с капитаном судна Менгеледом, и я поплыл на север по Великому Сирийскому морю ⁴.

Прибыл я в Дор ⁵, один из городов чакалов ⁶, и правитель города Бедер повелел доставить мне пятьдесят хлебов, кувшин вина и ногу быка.

Здесь сбежал с моего судна один человек. Он похитил золотой сосуд весом в пять дебенов ⁷, четыре кувшина серебряных весом в двадцать дебенов и мешочек с серебром на одиннадцать дебенов. Всего унес он пять дебенов золотом и тридцать один дебен серебра.

¹ Видимо, фараон XX династии Рамсес XII. Он правил около 1100—1071 гг. до н. э. Следовательно, описываемые события произошли около 1095—1080 гг. до н. э.

² Т а н и с (древнеегипетский Джаннет) — главный город XIV нома Нижнего Египта в северо-восточной части дельты Нила.

³ Н е с у б а н е б д ж е д (Смендес — в версии греческих писателей) — первый фараон XXI династии (1071—1045 гг. до н. э.).

⁴ В е л и к о е С и р и й с к о е м о р е — восточная часть Средиземного моря.

⁵ Д о р — город на Палестинском побережье, находился предположительно южнее Хайфы.

⁶ Ч а к а л ы — народность, захватившая вместе с филистимлянами часть Палестинского побережья лет за восемьдесят до описываемых событий.

⁷ Д е б е н — мера веса, равная 91 г.

И вот я встал утром и направил мои стопы к тому месту, где пребывал правитель города Дора. И сказал я ему:

— Меня обокрали в твоей гавани. Ты правитель этой страны, и ты судья этой страны. Отыщи мое серебро! Ведь это серебро принадлежит Амону-Ра, царю богов, владыке престола обеих земель! Оно принадлежит Несубанебджеду, принадлежит Херихору, моему господину, и многим другим знатым людям. Оно принадлежит и тебе, а также Уарету, Мекмеру и Закар-Баалу, правителю Библа¹.

Но ответил мне правитель города Дора:

— Хочешь гневайся, а хочешь нет, но я ничего не желаю знать о деле, о котором ты мне рассказываешь. Если бы вор, что пришел с тобою на корабле и украл твое серебро, был из моей страны, я бы сам возместил тебе эту потерю из моей сокровищницы, пока вора не отыскали. Но тот, кто обокрал тебя,— из твоей страны. Он с твоего корабля. И если ты хочешь, чтобы я отыскал его, подожди здесь несколько дней.

И вот я простоял на причале в той гавани девять дней. Потом я снова пришел к правителю города Дора и сказал ему:

Значит, ты не нашел мое серебро? Если так, разреши мне отправиться в путь с капитанами кораблей и с другими людьми, уходящими в море.

Но сказал он мне:

— Замолчи! Если ты хочешь получить свое серебро, которое у тебя украли, слушай меня и делай так, как я тебе говорю. Ты отправишься в путь с капитанами кораблей. Ты захватишь груз того корабля, на котором ты будешь. И еще ты захватишь все серебро того корабля и будешь хранить его у себя до тех пор, пока хозяева корабля не отыщут вора, который тебя обокрал. Но не делай этого прежде, чем ты покинешь гавань. Поступай так, как я тебе говорю!

И вот мы отплыли и прибыли в город Тир. Но едва рассвело, мы вышли из гавани Тира и направились к Библу, ибо я стремился увидеть его правителя, Закар-Баала.

¹ Унуамон перечисляет здесь правителей финикийских городов, у которых он намеревался закупить лес. Деньги, собранные в Египте, предназначались им в уплату за лес.

По дороге к Библу я осмотрел груз корабля. Я нашел тридцать дебенов серебра и захватил его. А потом я сказал тем, кто был на корабле:

Я взял ваше серебро, и оно останется у меня, пока вы не отыщете мое серебро и вора, который его украл. Пусть не вы меня обокрали — я все равно возьму ваше серебро. А вы постарайтесь найти мое и возьмите его себе.

И они оставили меня, а я высадился в гавани Библа и в шатре на берегу отпраздновал свою удачу.

Затем я поставил в шатре статую бога Амона Дорожного и внес в шатер все, что ему принадлежало.

Но тогда правитель Библа послал ко мне вестника и повелел:

— Покинь мою гавань!

Я же отправил к нему гонца с такими словами:

— На чем же я покину гавань твою? Дай мне корабль, который бы мог доставить меня обратно в Египет.

Так провел я в той гавани двадцать девять дней, и каждый день правитель Библа посылал мне гонцов и приказывал:

— Покинь мою гавань!

Но в один из дней, когда правитель Закар-Баал приносил жертвы своим богам, бог Египта вошел в одного из жрецов Библа и сделал его одержимым. И сказал жрец Закар-Баалу:

— Перенеси бога в свой дворец и призови посланника, который с ним прибыл, ибо сам Амон привел его к нам!

Но в тот день, когда одержимый пророчествовал, я нашел корабль, готовый отплыть в Египет. Я погрузил на него все свое добро и стал ждать приближения сумерек. Думал я: «Статую бога я перенесу на корабль, когда стемнеет, чтобы чужой глаз не увидел его».

Но тут пришел ко мне начальник гавани и сказал:

— Правитель повелел тебе задержаться до завтра!

Я же ему ответил:

Разве не ты приходил ко мне каждый день и говорил: «Покинь мою гавань»? И не для того ли ты говоришь теперь: «Задержись здесь на эту ночь», чтобы судно, которое я нашел, отплыло без меня? А завтра ты снова придешь ко мне и скажешь: «Уходи!»

Тогда начальник гавани удалился и рассказал обо всем правителю Библа. И Закар-Баал послал гонца к капитану того корабля, чтобы сказать ему:

— Правитель повелел тебе задержаться до завтра!

Когда же настало утро, он прислал за мной и меня привели во дворец правителя. В это время статуя бога оставалась в шатре на берегу.

Правитель принял меня в верхнем покое. Он сидел спиною к окну, и казалось, что волны Великого Сирийского моря вздымаются прямо над его плечами.

Я сказал ему:

— Да будет милостив к тебе Амон!

Тогда он спросил меня:

Сколько дней миновало с тех пор, как ты пришел оттуда, где пребывает Амон?

И ответил я:

— С тех пор миновало пять месяцев и еще один день.

Тут сказал он мне:

— Правду ли ты говоришь? У тебя в руках должно быть послание бога Амона. Где оно? Где письмо верховного жреца Амона? Оно должно быть у тебя.

И ответил я ему:

— Я все вручил Несубанебджеду и супруге его Танутамон.

Тогда охватил его сердце гнев, и сказал он мне:

Нет у тебя ни послания, ни письма! А где судно из кедрового дерева, которое дал тебе Несубанебджед? Где его сирийская команда? Ведь не он же доверил тебя этому чужеземному капитану, который мог убить тебя и бросить в море! Где бы тогда искали статую бога? И где бы тогда искали тебя самого?

Так сказал он мне, и я ответил ему:

— Но ведь судно египетское! И команда на нем египетская, и гребцы его наняты Несубанебджем. На нем нет сирийской команды!

Тогда сказал он мне:

— В моей гавани стоит сейчас двадцать таких судов, которые перевозят товары для Несубанебджеда. А в Сидоне¹, мимо которого ты прошел, тоже стоит

¹ Сидон — современная Сайда, в древности один из крупнейших торговых городов Финикийского побережья.

пятьдесят таких судов, но они перевозят товары для купца Уаркетля¹ и направляются к его дому.

В ответ на это я долго молчал, не зная, что говорить. Тогда он спросил меня:

— По какому делу ты прибыл сюда?

И ответил я:

Я прибыл сюда за лесом для великой и славной барки Амона-Ра, царя богов. Этот лес давал нам твой отец, это делал и отец твоего отца, и ты это сделаешь тоже.

Так сказал я ему, и он мне ответил:

Воистину они это делали, и я это сделаю тоже, если ты мне заплатишь. Правда, предки мои выполняли подобные поручения, но за это присылал им фараон, да будет он жив, здоров и могуч, по шесть кораблей, груженных египетскими товарами, и они выгружали их в свои амбары. А ты, что принес мне ты?

Затем повелел Закар-Баал принести повседневные записи времен его предков и приказал прочесть их для меня. И нашли там тысячу дебенов серебра, о которых упоминалось в тех записях.

Сказал мне Закар-Баал:

— Если бы повелитель Египта был владыкой моей страны, а я был бы его слугой, он не стал бы посылать сюда золото и серебро и просить: «Выполни поручение Амона!» Золото и серебро посылали отцу моему не как дар фараона, а как плату за лес. И я тоже тебе не слуга и не слуга тех, кто послал тебя. Когда я возвышаю голос и обращаюсь к Ливану, небо раскалывается и деревья склоняются до морского песка на берегу!

И еще сказал он:

Покажи мне паруса твоих кораблей, на которых ты хочешь доставить в Египет лес. Покажи мне веревки, которыми ты хочешь связать стволы кедров, когда я срублю их и дам тебе.

И, увидев все, он воскликнул:

— Как же ты доставишь мои кедры в Египет? Паруса твоих кораблей слишком слабы! Мачты на носу и на корме слишком тяжелы! Они обрушатся, и ты погибнешь посреди моря! Смотри, Амон уже гремит в

¹ У а р к е т л ь (точнее Беркетель) — вероятно, финикийский купец из города Таниса.

небесах, а когда придет время, разразится и ярость Сутеха, бога бурь и гроз! Амон создал все земли. Но землю Египта, из которой ты прибыл, он создал прежде других. Искусство пришло в нашу страну из Египта, и мудрость знаний пришла в нашу страну из Египта. Как же мог Египет послать тебя в столь неразумное плавание?

Но ответил я:

Это неправда! Не в неразумное плавание я пустился, ибо все корабли принадлежат Амону и все моря принадлежат Амону. А Ливан, о котором ты говоришь: «Он мой!», — владение барки «Могучая грудь Амона», величайшей из всех других барок. Воистину сам Амон-Ра, царь богов, повелел Херихору, моему господину: «Отправь его в путь!» И Херихор приказал мне отправиться в путь с великим богом Амоном Дорожным. Но с тех пор как мы прибыли сюда, ты заставил великого бога двадцать девять дней провести в твоей гавани. А ведь ты не мог не знать, что он здесь! Разве он стал иным, чем был раньше? Ты стоишь здесь и торгуешься из-за Ливана с Амоном, его владыкой. Ты говоришь: «Прежде фараоны присылали мне золото и серебро!» На это скажу я тебе: если бы жизнь и здоровье были в их власти, они бы не посылали тебе товары. Однако они приказывали посылать твоим предкам товары Египта вместо здоровья и жизни. Ибо один царь богов Амон-Ра владеет здоровьем и жизнью. Он был повелителем твоих предков, и они всегда приносили жертвы Амону. И ты тоже — слуга Амона. Если ты скажешь: «Я исполню повеление Амона-Ра, я исполню повеление моего владыки!», и если ты сделаешь это, будешь ты жив, здоров и будешь ты процветать на благо своей страны и своих людей. Не посягай на достояние Амона-Ра! Истинно сказано: «Лев не отдаст свою добычу!» Прикажи лучше привести сюда твоего писца, дабы я мог послать его к Несубанебджеду и супруге его Танутамон, которых поставил Амон повелителями на севере своей страны. Они прикажут доставить сюда все, что тебе понадобится. Я отправлю писца, чтобы он сказал им: «Пришлите мне все, что нужно для уплаты за лес. Когда я вернусь на юг, в Фивы, к господину моему Херихору, я все прикажу вам вернуть, чтобы покрыть ваши расходы».

Так сказал я ему.

И вот Закар-Баал вручил письмо своему гонцу. Он приказал погрузить на корабль килевую балку, носовой брус и кормовой брус для барки Амона, а также еще четыре обтесанных балки. Всего было погружено семь балоков, и он повелел их доставить в Египет.

Гонец Закар-Баала, посланный им в Египет, вернулся ко мне в Сирию в первый месяц зимы. Несуба-неббед и супруга его Танутамон прислали с ним четыре кувшина и еще один сосуд из золота, пять сосудов из серебра, десять одеяний из царского полотна, десять кусков лучшей льняной ткани из Верхнего Египта, пятьсот свитков лучшего папируса, пятьсот бычьих шкур, пятьсот мотков веревок, двадцать мешков чечевицы и тридцать корзин с рыбой. Сверх этого прислала мне в дар Танутамон пять кусков лучшей льняной ткани из Верхнего Египта, один мешок чечевицы и пять корзин с рыбой.

Обрадовался правитель Библа! Он назначил триста человек с упряжками из трехсот быков валить деревья и поставил над ними надсмотрщиков. И вот они срубили деревья и оставили их на месте на всю зиму.

В третий месяц лета деревья приволокли на берег моря. Правитель Библа пришел к тому месту, где лежали деревья. Потом он послал, чтобы мне сказали:

— Приходи!

И вот я пришел и приблизился к нему, и тень от его шапала коснулась меня. Тогда один из слуг правителя Библа по имени Пенамон встал между мною и Закар-Баалом и сказал:

На тебя упала тень царя, твоего господина, да будет он жив, здоров и могуч!

Но правитель Библа разгневался на него и сказал ему:

— Эй, ты! Не трогай его! ¹

И я встал рядом с ним, и сказал мне правитель Библа:

Смотри, я исполнил то, что делали мои предки, хотя ты и не дал мне того, что давали твои предки моим.

Слуга Пенамон, судя по имени, египтянин, отстраняет Унуамона, чтобы тень Закар-Баала не коснулась его, так как это давало право на особую милость царя.

Смотри, весь твой лес уже прибыл и сложен здесь. Теперь повинуйся желанию моему. Пойди на берег и погрузи лес; тебе ничто больше не мешает взять его. Но только не пугайся опасностей, которые ждут тебя на море, и не медли! Если же ты испугаешься моря, вспомни о том, что я могу быть еще страшнее. Я могу поступить с тобой так же, как с посланцами Хаемуаса. Семнадцать лет провели они в этой стране и умерли здесь.

Потом он сказал своему слуге:

— Отведи его к их могиле! Пусть увидит, где они лежат.

Но сказал я ему:

— Не показывай мне их могилу. Посланцы Хаемуаса были людьми, и сам он, отправивший их к тебе, был человек. А сегодня перед тобою посланцы богов. Зачем же ты говоришь: «Пойди посмотри на могилу себе подобных?» Почему ты не радуешься, почему не прикажешь ты поставить стелу и высечь на ней:

«Отправил ко мне Амон-Ра, царь богов, божественного посла, Амона Дорожного, вместе с Унуамоном, послом человеческим, за лесом для великой и славной барки Амона-Ра, царя богов. Я срубил деревья и погрузил их на свои корабли со своей командой. Я повелел их доставить в Египет, чтобы испросить для себя у Амона еще пятьдесят лет жизни сверх того, что назначено мне судьбой».

И если случится так, что придет когда-нибудь из Египта другой посол, ведающий письмом, и прочтет твоё имя на этой стеле, он совершит тебе, пребывающему в царстве мертвых, жертвенные возлияния, как богам, пребывающим здесь.

На это ответил мне Закар-Баал:

— То, что ты мне открыл, весьма поучительно!

А я сказал ему:

— Все, сказанное здесь тобою, потеряет силу, когда я предстану перед верховным жрецом Амона и он увидит, что ты исполнил его повеление. Только дела твои зачтутся тебе!

Хаемуас — одно из тронных имен фараона XX династии Рамсеса XI.

Потом я спустился на берег моря, где лежали стволы деревьев. И тут увидел я в море одиннадцать кораблей. Принадлежали они чакалам и прибыли с приказанием: «Захватите Унуамона и не давайте его судам плыть в Египет».

Тут я сел и заплакал.

Пришел на берег личный писец правителя Библа и спросил меня:

— Что с тобою?

И ответил я:

— Разве ты не видишь прелестных птиц? Уже второй раз они улетают в Египет, они возвращаются к своим прохладным прудам. А я, долго буду я оставаться здесь, на чужбине? Смотри! Разве ты не видишь тех, кто пришел, чтобы захватить меня?

Тогда писец удалился и сообщил об этом правителю Библа. Выслушал Закар-Баал его печальную весть и заплакал. Он отправил ко мне своего писца и прислал с ним два кувшина вина и барана. И еще послал он ко мне египетскую певицу Тентниут, которая находилась при нем. Повелел он ей:

— Спой ему! Отгони от него печальные мысли!

Повелел он сказать мне:

— Ешь и пей! Отгони печальные мысли! Все, что я смогу сказать, я скажу тебе завтра.

И вот, когда наступило утро, правитель Библа созвал совет старейшин. Он встал среди них и сказал чакалам:

— Зачем вы пришли сюда?

И они ответили:

— Мы пришли сюда, преследуя эти ни на что не годные, разбитые корабли, на которых ты хочешь отправить в Египет наших врагов.

Тогда сказал им правитель Библа:

— Я не могу задерживать посланца Амона в своей стране. Дайте мне отправить его, а потом догоняйте его и задерживайте сами.

И вот посадили меня на корабль, и я покинул эту морскую гавань.

Сильный ветер прибил меня к земле Алашии¹. Жители города устремились ко мне, чтобы убить меня. Но

¹ Земля Алашия — современный остров Кипр.

я пробил себе среди них дорогу к тому месту, где пребывала Хетеб, правительница того города.

Я увидел ее, когда она шла от одного своего дома к другому. Я приветствовал ее и спросил у людей, которые ее окружали:

— Нет ли среди вас кого-нибудь, кто понимает египетскую речь?

И один из этих людей ответил:

— Я понимаю египетскую речь.

Тогда я сказал ему:

Скажи своей госпоже, что я слышал повсюду, вплоть до Фив, где пребывает Амон, что несправедливости совершают везде, и только в стране Алашии хранят справедливость. Но теперь я вижу, что и здесь совершают несправедливости каждый день!

Выслушала она это и сказала:

— О чем ты там говоришь?

И ответил я ей:

Море разбушевалось, и ветер пригнал меня к этой земле, где ты правишь. Неужели же ты позволишь, чтобы меня, посланца Амона, схватили здесь и убили? Подумай еще вот о чем: меня будут разыскивать до скончания дней! Что же до команды правителя Библа, которую тоже хотят убить, то разве не сможет он убить десять команд твоих кораблей, когда они ему попадутся?

И тогда повелела Хетеб успокоить своих людей. А затем она мне сказала:

Ступай и отдыхай с миром!

* * *

Покинув земли Алашии, долго еще скитался я. Бури и ветры гнали меня от берега к берегу. И прошло много дней, прежде чем я достиг Таниса, где пребывает Несубанебджед и супруга его Танутамон. Здесь ожидала меня часть моих кораблей, груженных кедровым лесом для обновления великой и славной барки Амона-Ра, царя богов. Остальные погибли посреди моря, а многие захватили чакалы.

От Таниса я поднялся на юг и достиг Фив, где пребывает Амон. Принял меня верховный жрец бога Амона,

мой господин Херихор, и поведал я ему о моих злоключениях.

Осмотрел Херихор доставленный груз и нашел, что кедрового леса достаточно для обновления великой и славной барки «Могучая грудь Амона». И смиловился он надо мной, ибо не было в том, что случилось, моей вины. Наградил он меня рабами своими и оставил меня старейшиной первого зала храма Амона.

Здесь благополучно завершается рассказ о злоключениях Унуамона, как записал его от начала до конца писец Амона, чьи руки чисты.

ЦАРЬ РАМПСИНИТ И НЕУЛОВИМЫЙ ВОР¹

Царь Рампсинит был настолько богат и имел так много золота, что ни один из последующих царей не только не мог его превзойти, но и не в силах был даже сравниться с ним. И вот, желая надежно спрятать свои сокровища, он приказал построить каменное хранилище, примыкающее к внешней стене его дворца². Но зодчий, которому было это поручено, со злым умыслом сделал так, что один или два человека легко могли вынуть каменную плиту из стены сокровищницы.

Когда хранилище было построено, царь поместил в нем все свои богатства.

Спустя некоторое время зодчий почувствовал приближение смерти и призвал к себе своих сыновей, — а их у него было двое. И вот он открыл им, что он сделал во время постройки сокровищницы, заботясь о том, чтобы они могли жить в достатке. Он подробно объ-

¹ Эта сказка дошла до нас в записи Геродота.

² В действительности речь может идти лишь о фараоне XX династии Рамсесе IV, правившем в 1209—1180 гг. до н. э. В построенном им храме в Мединст-Абу, недалеко от Фив, до сих пор сохранилась сокровищница — особое помещение без окон, примыкающее к задней стене храма.

яснил им, как можно вынуть каменную плиту, указал приметы этого камня и сказал, что если они сохранят все в тайне, то будут хозяевами царских сокровищ.

Когда зодчий умер, его сыновья, не теряя времени, приступили к делу. Ночью они отправились к царскому дворцу, легко отыскали каменную плиту в стене хранилища и вынули ее руками. В ту ночь они унесли с собой немало сокровищ.

Но случилось так, что царь приказал открыть хранилище. С изумлением он увидел, что в сосудах недостает сокровищ. Однако обвинить кого-нибудь в краже он не мог, ибо хранилище было заперто и все печати на двери остались целыми.

Через некоторое время царь приказал открыть свое хранилище во второй, а затем в третий раз,— и каждый раз он замечал, что сокровища его убывают. Воры не переставали его обкрадывать.

Тогда царь Рампсинит сделал так: он приказал изготовить капканы и поставить их вокруг сосудов, в которых хранились его богатства.

И вот воры пришли, как обычно, к хранилищу. Один из них проник внутрь, но едва он приблизился к сосуду, как тут же попался в капкан. Увидел он, что ему не вырваться и тотчас позвал своего брата. Он объяснил ему, что с ним случилось, приказал поскорее приблизиться и отрубить ему голову, ибо если бы кто-нибудь увидел его и узнал, погиб бы не только он, но и его брат.

Брат выслушал его и согласился, что иного выхода нет. Он исполнил приказ несчастного, выбрался из хранилища, поставил на место каменную плиту и отправился домой, унося с собою голову брата.

Едва наступил день, царь вновь приказал открыть хранилище. С удивлением увидел он в капкане труп вора без головы. А между тем хранилище оставалось целым и нигде не было ни входа, ни выхода.

Подивился царь и придумал вот что: он велел повесить труп вора на стене, а возле него поставить стражу. И приказал он стражникам хватать и приводить к нему всякого, кто при виде трупа заплачет или выкажет печаль.

Когда повесили труп вора на стену, мать его охватила скорбь. Она призвала своего сына, оставшегося в

живых, и велела ему любым способом избавить тело брата от надругания и принести к ней. Мать грозила, если он этого не сделает, пойти к царю и указать ему похитителя его сокровищ. Мать не давала сыну покоя, и все его увещевания не могли ее утешить.

Тогда вот что придумал вор. Он навьючил несколько ослов мехами с вином и погнал их. Когда ослы приблизились к тому месту, где висел труп его брата и где стояла стража, вор потянул за завязки двух-трех мехов и развязал их. Вино хлынуло на землю, а вор громко закричал, хватаясь за голову, и заметался, словно не зная, к какому ослу вперед броситься.

Увидели стражники вино, текущее в изобилии на землю, сбежались с сосудами в руках и принялись его черпать, говоря, что пролитое вино — это их законная доля. А вор их ругал и поносил в притворном гневе.

Тогда стражники стали его утешать. Вор сделал вид, что гнев его прошел, и успокоился. Наконец, он согнал ослов с дороги и принялся их перевьючивать. Стражники вступили с ним в разговор. Кто-то из них заставил его рассмеяться веселой шутке, и в награду за это вор подарил стражникам еще целый мех вина. Стражники тут же принялись распивать вино и пригласили вора выпить вместе с ними. Он согласился и остался.

Пока они пили, стражники обходились с воровым ласково и беззлобно, и за это он дал им еще один мех вина. Так стражники пьянствовали беспрерывно, пока не повалились и не заснули на том же месте, где сидели.

Как только стемнело, вор снял со стены тело брата и погрузил на осла. Потом он в насмешку отрезал всем стражникам правую половину бороды и погнал своих ослов домой. Так исполнил он волю матери.

Когда царю сообщили, что тело вора похищено, он пришел в страшный гнев. Решил он любой ценой обнаружить, кто посмел это совершить, и сделал следующее: царь поселил свою родную дочь в отдельном доме и приказал ей принимать у себя всех мужчин без разбора при одном лишь условии: каждый из них, прежде чем лечь с ней в постель, должен рассказать ей о самом бесчестном и о самом ловком поступке, совершенном им в жизни. И приказал ей царь, если она услышит от кого-либо рассказ про вора, схватить того человека и не отпускать.

Дочь царя поступила согласно воле отца, но вор догадался, ради чего все это придумано. Решил он превзойти в хитрости самого царя и сделал так: у свежего еще трупа брата он отрезал руку до плеча, спрятал ее под плащом и отправился к царской дочери.

Царская дочь приняла его, как и всех, и попросила ответить на свои два вопроса. Вор сказал ей, что самый бесчестный поступок в жизни он совершил тогда, когда отрезал голову брату, попавшемуся в капкан в сокровищнице царя. А самый ловкий поступок в жизни он совершил тогда, когда напоил стражу допьяна и похитил повешенное на стене тело брата.

Как только царская дочь услышала это, она схватила вора. Но он в темноте успел подсунуть ей мертвую руку, и царская дочь уцепилась за нее, думая, что держит руку вора. А вор оставил ей мертвую руку и поспешно выскользнул в дверь.

Когда царю донесли о случившемся, изумился он смелости и ловкости этого человека. И приказал царь оповестить по всем городам, что он дарует прощение неуловимому вору и обещает хорошо наградить его, если тот к нему явится сам.

Поверил вор обещанию царя и явился к нему. Рампсинит был так поражен его разумом, что выдал за него свою дочь, как за самого умного человека в своей стране. Он считал египтян самым мудрым из всех народов, но на этого человека Рампсинит смотрел как на умнейшего среди египтян.

СКАЗАНИЯ О САТНИ-ХЕМУАСЕ

САТНИ-ХЕМУАС И МУМИИ

I

У фараона Усер-Маат-Ра¹, да будет он жив, здоров и могуч, был сын по имени Сатни-Хемуас. Славился он своей ученостью, знал он письмо, и тайное было открыто ему. Он знал силу чудодейственных талисманов, он знал священные слова заговоров, он умел произносить могущественные заклинания, ибо он был мудрым писцом и великим чародеем, и не было равных ему во всей стране.

Все дни свои проводил Сатни-Хемуас в некрополе Мемфиса, в городе мертвых. Здесь разбирал он священные надписи на гробницах, здесь читал он священные книги молитв и заклинаний, здесь совершенствовал он свои познания.

И вот однажды, когда ходил Сатни-Хемуас среди могил и разбирал священные надписи на надгробных стелах, встретился ему человек в одеяниях жреца, слу-

¹ Усер-Маат-Ра — тронное имя фараона XIX династии Рамсеса II (1317—1251 гг. до н. э.).

жителя Иси́ды. Увидел он, что Сатни-Хемуас разбирает священные надписи на надгробных стелах, и засмеялся.

Спросил его Сатни-Хемуас:

— Кто ты? И почему ты смеешься?

И ответил ему человек:

— Я жрец Иси́ды из Коптоса. А смеюсь я потому, что вижу, как ты теряешь здесь время, разбирая эти надписи. Если ты хочешь познать истинное, найди священную книгу, которую написал своею рукою бог Тот. В ней сокрыты все тайны жизни и смерти, в ней сокрыты могущественные заклинания, и если ты их узнаешь, ты станешь сам подобен богам.

Сказал тогда Сатни-Хемуас:

— Я сделаю все, что ты пожелаешь, если ты мне укажешь, где эта книга!

И ответил ему человек в одеяниях жреца Иси́ды:

Ищи эту книгу в городе мертвых. Она хранится в гробнице Ноферка-Птаха, сына фараона Мернеб-Птаха. Но только не отнимай у него священную книгу Тота, ибо, если ты унесешь ее из гробницы, он заставит тебя возратить ее с покаянием: ты придешь к нему с колом в руках, посыпав голову горящими углями¹.

Так сказал человек в одеяниях жреца Иси́ды и исчез. С этого дня Сатни-Хемуас утратил покой. Он отправился к фараону Усер-Маат-Ра, да будет он жив, здоров и могуч, и сказал ему:

— Разреши мне спуститься в гробницу Ноферка-Птаха и отыскать священную книгу Тота. Я возьму с собой моего молочного брата Инара и найду эту книгу.

И фараон Усер-Маат-Ра дозволил ему сделать все, что он просил.

Вместе с братом своим Инаром вернулся Сатни-Хемуас в город мертвых, и они стали искать гробницу Ноферка-Птаха. Три дня и три ночи они разбирали надписи на надгробных стелах и читали заклинания. На четвертый день они нашли то место, где покоился Ноферка-Птах, сын фараона Мернеб-Птаха.

От радости Сатни-Хемуас позабыл все на свете. Вместе с братом Инаром они отвалили каменную плиту, и Сатни-Хемуас хотел спуститься в гробницу. Но тут

Приходить с колом в руках, посыпав голову горящими углями,— обряд искупления какой-либо вины перед мертвыми.

свет померк и каменная плита упала на свое место. А когда снова стало светло, Сатни-Хемуас увидел, что он и его брат Инар лежат на песке в пустыне, и пирамиды города мертвых еле виднеются вдали.

Вернулись они в город мертвых. Три дня и три ночи провели они в поисках, но найти то место, где покоился Ноферка-Птах, уже не могли.

На четвертый день снова увидел Сатни-Хемуас того человека в одеяниях жреца Исида. И сказал ему человек:

Ты забыл, что никто не может войти в покой мертвых! Ты забыл свои священные заклинания! Только тот, кто их знает, может переступить порог вечного обиталища Ноферка-Птаха!

Так сказал человек в одеяниях жреца Исида и удалился. А Сатни-Хемуас приказал своему молочному брату Инару:

— Принеси мне ларец из эбенового дерева, где хранится моя книга заклинаний!

Принес Инар ларец из эбенового дерева, и Сатни-Хемуас открыл свою книгу заклинаний. Он прочел, что там написано, и произнес заклинание. В тот же миг вороны и орлы-стервятники слетелись к нему отовсюду и закружились над его головой. Они сбились в стаю и полетели над гробницами города мертвых, а Сатни-Хемуас и его брат Инар последовали за ними.

Вороны и орлы-стервятники опустились всей стаей на каменную плиту одной гробницы, и Сатни-Хемуас узнал то место, где покоился Ноферка-Птах, сын фараона Мернеб-Птаха. Тогда произнес он второе заклинание. С криком улетели вороны и орлы-стервятники, а каменная плита поднялась сама собой.

Спустились Сатни-Хемуас и его молочный брат Инар в гробницу Ноферка-Птаха. И тут увидел Сатни-Хемуас, что человек в одеяниях жреца Исида и был сам Ноферка-Птах. Но теперь он лежал в погребальных пеленах в виде мумии.

Три дня и три ночи искали Сатни-Хемуас и его молочный брат Инар священную книгу Тота в гробнице Ноферка-Птаха. Они разобрали и прочли все надписи на стенах, они осмотрели все сосуды, они сдвинули все статуи и положили их на спину, чтобы узнать, не

хранится ли эта книга под ними. Но они ничего не нашли.

Тогда встал Сатни-Хемуас и произнес могущественное заклинание. Он сказал:

— Именем Тота всеведущего и всемогущего, явись!

И вдруг сияние, подобное солнечному, озарило гробницу. Оно исходило от мумии Ноферка-Птаха. И Сатни-Хемуас увидел, что это светится священная книга, прибинтованная погребальными пеленами к груди Ноферка-Птаха, сына фараона Мернеб-Птаха.

Сатни-Хемуас протянул руку, чтобы взять священную книгу, которую Тот начертал своею рукой. Но тогда заговорил вдруг Ноферка-Птах:

— Не отнимай у меня священную книгу Тота! Из-за нее я покинул землю раньше, чем было мне предназначено. Не уноси ее! Ибо если ты ее унесешь, я заставляю тебя вернуть ее с покаянием: ты придешь ко мне с колом в руках, посыпав голову горящими углями.

Но Сатни-Хемуас протянул свою руку к священной книге и воскликнул:

— Я возьму ее!

Тогда Ноферка-Птах сотворил заклинание и сказал:

О жена моя Ахура и сын мой Мериб, чьи тела покоятся в Коптосе! Пусть явится ваше Ка сюда! Помогите мне сохранить священную книгу Тота, из-за которой мы покинули землю раньше, чем было нам предназначено!

И вот Ка жены Ноферка-Птаха и сына его Мериба явились в гробницу. Ахура встала перед Сатни-Хемуасом, прижала к себе своего сына Мериба и сказала:

Не бери эту книгу, из-за которой мы покинули землю раньше, чем было нам предназначено! Выслушай прежде, что я тебе расскажу.

Мое имя Ахура, я родная дочь фараона Мернеб-Птаха. А это мой брат и муж Ноферка-Птах, родной сын фараона Мернеб-Птаха. Мы родились от одного отца и одной матери, и у наших родителей не было больше детей. Мы росли вместе, и я любила брата моего Ноферка-Птаха и не желала себе в мужья никого другого. И вот, когда пришло время выдавать меня замуж, привели меня к отцу моему фараону. Он увидел меня и сказал:

— Дочь наша Ахура стала взрослой, и пришло время выдавать ее замуж. Надо найти ей достойного супруга!

Так он сказал и отослал меня. Но я любила только брата моего Ноферка-Птаха и не желала никакого другого мужчину. И вот призвала я приближенного слугу фараона и повелела ему передать моему отцу такие слова: «Дочь твоя Ахура любит сына твоего Ноферка-Птаха, и он тоже любит ее. Сделай по желанию детей твоих и отдай Ахуру в жены Ноферка-Птаху!»

Отправился приближенный слуга к фараону и сказал ему:

— Дочь твоя Ахура любит сына твоего Ноферка-Птаха, и он тоже любит ее. Сделай по желанию детей твоих и отдай Ахуру в жены Ноферка-Птаху! Пусть брат и сестра будут супругами по обычаю фараонов!

Но фараон рассердился и ответил ему:

— Я женю своего сына на дочери военачальника моей армии и отдам свою дочь в жены сыну другого военачальника моей армии!

* * *

И еще сказал фараон:

— Не гневай меня! У меня только двое детей и, может быть, больше других не будет. Разве я поступаю по закону, если женю их друг на друге? Нет, я женю Ноферка-Птаха на дочери военачальника, и я отдам Ахуру в жены сыну другого военачальника, чтобы потомство мое умножилось!

И вот, когда пришел час и все собрались на пир, послали за мной и призвали меня к фараону. Сердце мое было опечалено, и я сама на себя не походила.

Сказал мне тогда фараон:

— Ахура, это ты послала ко мне моего приближенного с такими неразумными словами: «Отдай меня в жены моему старшему брату Ноферка-Птаху»?

Ответила я ему:

Пусть он женится на дочери военачальника и пусть отдадут меня в жены сыну другого военачальника, чтобы потомство твое умножилось!

И тут засмеялась я, и фараон тоже засмеялся. И сказал он своему приближенному, надзирающему над дворцом фараона:

— Пусть Ахуру этой же ночью отведут в дом брата ее Ноферка-Птаха и пусть принесут за ней следом всякие свадебные подарки из наилучших!

И вот я вошла как супруга в дом брата моего Ноферка-Птаха. Фараон прислал мне золотые и серебряные украшения, и все приближенные фараона принесли мне свои дары. Ноферка-Птах провел со мною счастливый день, принимая у себя приближенных двора фараона. И в ту же ночь он остался со мной и познал меня и увидел, что я девственна и прекрасна. Он познал меня еще и еще, ибо мы сильно любили друг друга.

Но вот настала пора месячных очищений, но у меня месячные не пришли. Сообщили об этом фараону, и он обрадовался всем сердцем. Повелел он взять из сокровищницы своего дворца всякие драгоценные вещи и послал мне прекрасные подарки из золота и серебра и одежды из царского полотна.

А когда пришло время родов, родила я сына, которого ты видишь перед собой. Дали ему имя Мериб, и занесли его в списки Дома Жизни¹.

Прошло после этого много дней. Супруг мой и брат мой Ноферка-Птах, казалось, только затем и живет на земле, чтобы бродить по городу мертвых, близ Мемфиса, и разгадывать надписи на стенах гробниц фараонов и на погребальных стелах писцов Дома Жизни. Он разбирал и читал все надписи, ибо думал все время только о них.

И вот однажды Ноферка-Птах увидел торжественное шествие в честь бога Птаха. Следом за шествием он вошел в храм бога, чтобы там помолиться. Но когда он шел позади и разбирал надписи, сделанные там, где стояли статуи богов, увидел его один жрец-старик и засмеялся.

Спросил его Ноферка-Птах:

— Почему ты смеешься надо мной?

Но жрец ответил ему:

— Я смеюсь вовсе не над тобой. Однако я не могу удержаться от смеха, глядя на то, как ты разбираешь здесь надписи, не имеющие никакой силы. Если ты хочешь познать истинное, пойдем со мной! Я расскажу

¹ Дом Жизни — школа при храме, где обучались чтению священных книг, астрологии и магии.

тебе, где хранится книга, написанная рукой самого бога Тота в те времена, когда он спускался на землю вместе с другими богами. Есть в той книге два заклинания. Если ты скажешь первое заклинание, заморозишь ты небо и землю, горы, и воды, и загробный мир. Ты поймешь язык птиц в небесах и ползучих тварей земных, ты увидишь рыб из бездонных глубин, ибо чудесная сила поднимет над ними воды. А если ты скажешь второе заклинание, ты сможешь даже в гробнице принять тот облик, который имел на земле. И ты вновь увидишь, как солнце совершает в небе свой путь в окружении сонма богов, как луна зарождается в высоте, и ты увидишь звезды в их истинном образе.

Сказал тогда Ноферка-Птах жрецу:

— Заклинаю тебя жизнью фараона! Я дам тебе все, что ты пожелаешь, если ты скажешь мне, где хранится та книга!

И жрец сказал Ноферка-Птаху:

Если ты хочешь, чтобы я указал тебе место, где хранится та книга, дай мне сто дебенов серебра, чтобы устроить мое погребение, и прикажи изготовить мне двойной саркофаг, как подобает жрецу.

Ноферка-Птах тотчас же позвал слугу и повелел дать жрецу сто дебенов серебра. Затем повелел он изготовить двойной саркофаг. Он сделал все, о чем просил жрец.

Тогда жрец сказал Ноферка-Птаху:

Книга, о которой я говорил, покоится посреди Нила близ Коптоса. Там лежит на дне железный сундук. В железном сундуке лежит сундук бронзовый. В бронзовом сундуке лежит сундук из дерева лавра. В сундуке из дерева лавра лежит ларец из эбенового дерева и слоновой кости. В ларце из эбенового дерева и слоновой кости лежит серебряный ларец. В серебряном ларце лежит золотой ларчик. А в том золотом ларчике хранится книга, о которой я говорил. Скорпионы и змеи окружают то место кольцом длиною в двенадцать тысяч локтей. А вокруг сундука обвился бессмертный змей.

Когда жрец рассказал это, Ноферка-Птах потерял покой. Вернувшись из храма, он поведал мне обо всем, что с ним было, и сказал:

Я отправлюсь в Коптос, я достану ту книгу, а потом вернусь сюда, в Мемфис.

Разгневалась я на того жреца и сказала ему:

— Да покарает тебя Амон за то, что сказал ты Ноферка-Птаху! Ты принес в мой дом раздор, ты принес мне горе!

Потом я простерла руки к Ноферка-Птаху, чтобы удержать его и не пускать в Коптос, но он не стал меня слушать. Он пришел к фараону и рассказал ему обо всем, что узнал от жреца.

Спросил его фараон:

— Что желает сердце твое?

И ответил ему Ноферка-Птах:

Пусть дадут мне корабль фараона, полностью снаряженный. Я возьму с собою сестру мою Ахуру и ее маленького сына Мериба и отправлюсь с ними в сторону юга. Я хочу поскорее достать ту книгу и возвратиться в Мемфис.

И вот ему дали корабль фараона, полностью снаряженный, и мы взошли на него. Мы отправились в путь и прибыли в Коптос.

Когда сообщили о нас жрецам храма Исиды, владычицы Коптоса, и верховному жрецу Исиды, они спустились на берег навстречу к нам. В тот же час явились они к Ноферка-Птаху, а их жены пришли ко мне.

Мы высадились на берег и направились в храм Исиды и Гора-Младенца. Ноферка-Птах повелел привести быка и принести гуся и вино. Он принес жертвы и совершил возлияния перед Исидой и Гором. Затем отвели нас в превосходный дом, полный всяких прекрасных вещей.

Четыре дня провел здесь Ноферка-Птах, пируя со жрецами Исиды, владычицы Коптоса. А я в это время пировала с их женами.

Когда наступило утро пятого дня, Ноферка-Птах повелел принести ему побольше чистого воска. Он изготовил из воска барку с гребцами и корабельщиками. Он произнес над ними заклинание, вдохнул в них дыхание жизни, спустил барку на воду и поставил ее впереди корабля фараона. Затем он наполнил корабль фараона песком, попрощался со мной и взошел на корабль. А я села на берегу Нила и сказала:

— Если что-нибудь с ним случится, я сразу узнаю!

И вот повелел Ноферка-Птах созданным им гребцам:

Гребите! Гребите, пока мы не доплывем до того места, где хранится та книга!

И они принялись грести и гребли три дня и три ночи. Когда достигли они того места, где хранилась на дне книга Тота, и привели за собой корабль фараона, Ноферка-Птах бросил в Нил песок с корабля, и река осушилась в том месте. Увидел Ноферка-Птах кольцо в двенадцать тысяч локтей из змей, скорпионов и прочих ползучих гадов, а в середине того кольца — железный сундук, в котором хранилась книга. Увидел он бессмертного змея, который обвинил тот сундук. Тогда произнес Ноферка-Птах заклинание, и все кольцо в двенадцать тысяч локтей из змей, скорпионов и прочих ползучих гадов сразу замерло.

Затем он спустился туда, где лежал сам бессмертный змей, и напал на него. Он убил бессмертного змея, но тот снова ожил и стал таким же, как прежде.

Он второй раз напал на бессмертного змея и убил его. Но бессмертный змей снова ожил и стал таким же, как прежде.

В третий раз Ноферка-Птах напал на бессмертного змея, убил его и рассек пополам. Между двумя половинами он бросил песок, и змей не смог стать таким, как прежде, и умер.

Тогда подошел Ноферка-Птах к сундуку и узнал тот железный сундук. Он открыл его и нашел в нем сундук из бронзы. Он открыл его и нашел в нем сундук из лаврового дерева. Он открыл его и нашел в нем ларец из эбенового дерева и слоновой кости. Он открыл его и нашел в нем ларец из серебра. Он открыл его и нашел в нем ларчик из золота. Он открыл его и увидел книгу, которую так искал.

Тут вынул Ноферка-Птах эту книгу из золотого ларчика и произнес первое из начертанных в ней заклинаний. Заворожил он небо и землю, горы и воды и загробный мир. Он стал понимать язык птиц в небесах, язык рыб в водах и речи зверей в горах. Произнес он второе из начертанных в книге заклинаний и увидел, как солнце совершает свой путь в небесах в окружении сонма богов, он увидел, как восходит луна, и увидел звезды в их истинном образе. Он увидел рыб из бездонных глубин, ибо чудесная сила подняла толщу вод над ними.

Потом он произнес заклинание над рекой, и она вернулась на прежнее место. Ноферка-Птах взошел на корабль и повелел гребцам:

— Гребите! Гребите, пока мы не вернемся туда, откуда отплыли!

И они принялись грести и гребли три дня и три ночи, пока не привели корабль к берегу, где я их ждала. Я сидела на берегу, я не шла и не пила и не двигалась, словно мертвое тело, принесенное в Дом Погребений¹. И сказала я Ноферка-Птаху:

— Заклинаю тебя жизнью фараона! Покажи мне ту книгу, из-за которой нам пришлось столько претерпеть.

И он дал мне в руки ту книгу. Я произнесла первое из начертанных в ней заклинаний и заворожила небо и землю, горы и воды и загробный мир. Я поняла язык птиц в небесах, и рыб в бездонных глубинах, и зверей на земле. Я произнесла второе из начертанных в книге заклинаний и увидела солнце, совершающее свой путь в окружении сонма богов, и луну, восходящую в небе, и все звезды в их истинном образе. И я увидела рыб в глубине, ибо чудесная сила подняла толщу вод над ними.

Я не умела писать и сказала об этом Ноферка-Птаху, моему супругу и старшему брату. Но он был искусственным писцом и великим мудрецом. Он повелел принести ему свиток чистого папируса и начертал на нем все слова, которые были в той книге. Потом он смочил свиток пивом и растворил его в воде. И когда он увидел, что все уже растворилось, он выпил ту воду и познал все, что было начертано в книге Тота.

В тот же час мы вернулись в Коптос и провели счастливый день перед храмами Исида, владычицы Коптоса, и бога Гора-Младенца.

Затем мы взошли на корабль фараона и пустились в обратный путь. Но мы успели проплыть на север от Коптоса только двенадцать тысяч локтей.

Бог Тот узнал, что Ноферка-Птах овладел его книгой. В тот же час он явился к Ра и сказал ему:

— Узнай, что Ноферка-Птах, сын фараона Мернеб-Птаха, да будет он жив, здоров и могуч, нарушил закон

¹ Дом Погребений — помещение, где производилось бальзамирование и пеленание мумий.

и присвоил себе мои права. Он проник в мои владения и ограбил меня. Он овладел моим сундуком, в котором хранилась книга заклинаний. Он убил моего стража, который стерег тот сундук. Рассуди меня с Ноферка-Птахом.

На это сказал ему Ра:

— Отдаю тебе Ноферка-Птаха и всех его ближних. Они твои!

Затем повелел Ра Небесной силе спуститься на землю и приказал:

— Сделай так, чтобы Ноферка-Птах и все его ближние не смогли прибыть в Мемфис целыми и невредимыми!

В тот же час маленький сын мой Мсриб вышел из-под навеса корабля фараона, и упал в воду, и пошел ко дну во исполнение воли Ра, а все, кто был на корабле, громко закричали. Тогда вышел на палубу Ноферка-Птах. Он произнес над мальчиком заклинание и заставил тело его всплыть наверх, и чудесная сила подняла его над водой. Он произнес над ним еще одно заклинание и заставил мертвого заговорить. И тогда рассказал мертвый все о том, что с ним было, а также о жалобе бога Тота и приговоре Ра.

Мы вернулись в Коптос и отнесли тело мальчика в Дом Погребений. Мы повелели, чтобы над ним совершили все, что нужно, и его набальзамировали, как подобает бальзамировать знатного человека. Мы повелели положить его в саркофаг, и его погребли в городе мертвых Коптоса.

Сказал тогда Ноферка-Птах, мой брат и супруг:

Отправимся в путь на север! Не будем задерживаться! Оповестим фараона о том, что случилось, и пусть сердце его скорбит вместе с нашими!

Мы взошли на корабль фараона и отправились в путь. Но мы успели проплыть на север от Коптоса только двенадцать тысяч локтей. Когда мы достигли того места, где мой маленький сын Мериб утонул, я вышла из-под навеса корабля фараона и упала в воду. Я пошла ко дну во исполнение воли Ра, а все, кто был на корабле, громко закричали.

Тогда вышел на палубу Ноферка-Птах. Он произнес надо мной то же заклинание и заставил тело мое всплыть, ибо чудесная сила подняла меня. Он повелел

достать меня из воды и произнес надо мной другое заклинание. И тогда рассказала я все о том, что со мною было, а также о жалобе бога Тота и приговоре Ра.

Ноферка-Птах вернулся со мною в Коптос, и меня отнесли в Дом Погребений. Он повелел совершить надо мной все, что нужно, и тело мое набальзамировали, как подобает бальзамировать самых знатных людей. И меня погребли в той же самой гробнице, где уже покоился мой маленький сын Мериб.

Ноферка-Птах взошел на корабль фараона и отправился в путь. Он проплыл на север от Коптоса двенадцать тысяч локтей и достиг того места, где я и мой сын упали в воду. Тогда обратился он к своему сердцу и спросил его: «Не лучше ли мне вернуться в Коптос? Ведь если я возвращусь сейчас в Мемфис и фараон меня спросит, что стало с его детьми, как я ему отвечу? Разве смогу я ему сказать, что вот я увлек за собою твоих детей к Фивам, погубил их, а сам остался жив и возвратился в Мемфис?»

И вот повелел Ноферка-Птах принести ему полосу тончайшего царского полотна и сделал из нее волшебную перевязь. Он перевязал ею книгу Тота и крепко прибинтовал ее к своей груди. Затем он вышел из-под навеса корабля фараона, бросился в воду и пошел ко дну во исполнение воли Ра, а все, кто был на корабле, громко закричали:

Великое горе! Великое несчастье! Ушел от нас искусный писец, ушел мудрец, которому не было равных!

Поплыл дальше корабль фараона, и никто на свете не знал, где был Ноферка-Птах.

Когда корабль прибыл в Мемфис, сообщили обо всем фараону, и фараон спустился на берег к кораблю. Он облекся в одежды скорби, и все жители Мемфиса, все жрецы бога Птаха, и верховный жрец бога Птаха, и все приближенные фараона явились в одеждах скорби. И тогда заметили они тело Ноферка-Птаха, которое зацепилось за рулевое весло корабля фараона, ибо так пожелал Ноферка-Птах, искусный писец и чародей.

Его вынесли на берег и увидели на груди его книгу Тота. И повелел фараон:

— Эта книга, что покоится у него на груди, должна быть скрыта от всех!

И все приближенные фараона, все жрецы бога Птаха и верховный жрец бога Птаха сказали:

— Повелитель наш, да будешь ты долговечен, как Ра! Ноферка-Птах был искусным писцом и великим мудрецом. Пусть останется эта книга у него!

И тогда фараон повелел отнести Ноферка-Птаха в Дом Погребений. Шестнадцать дней пребывал он там, через тридцать пять дней запеленали его мумию, и через семьдесят дней совершилось его погребение. И положили Ноферка-Птаха в его гробницу в городе вечного успокоения.

Я рассказала тебе обо всех несчастьях, которые мы претерпели из-за этой книги. Не говори же: «Я возьму ее!» Нет у тебя на то права, ибо мы из-за этой книги покинули землю раньше, чем было нам предназначено.

Но ответил ей Сатни-Хемуас:

— Ахура, дай мне книгу, которую я вижу между тобой и Ноферка-Птахом! Иначе я возьму ее силой!

Тогда поднялся Ноферка-Птах из своего саркофага и сказал:

— Твое имя Сатни, не так ли? Ты слышал рассказ этой женщины о несчастьях, которых ты сам не испытал. Но можешь ли ты овладеть этой книгой благодаря твоим знаниям искуснейшего писца и умению играть в таб? ¹ Сыграем, и пусть достанется книга тому, кто выиграет!

На это ответил Сатни-Хемуас:

— Я согласен!

И вот они взяли доску для таба, расставили на ней «шакалов» и принялись играть.

Первый раз выиграл Ноферка-Птах. Он произнес над Сатни-Хемуасом заклинание, ударил его по голове доскою таба и вогнал его в землю до колен.

И второй раз выиграл Ноферка-Птах. Он произнес заклинание и вогнал Сатни-Хемуаса в землю до бедер.

И в третий раз выиграл Ноферка-Птах и вогнал Сатни-Хемуаса в землю до шеи. И еще сверху ударил его рукой.

¹ Таб — современное название древнеегипетской игры, напоминающей шашки. По доске, разделенной на квадраты, передвигали фигурки с головами шакалов; эти фигурки назывались просто «шакалы» или «собаки».

Тогда Сатни-Хемуас призвал на помощь молочного брата своего Инара. Сказал он ему:

Не медли здесь! Поднимись на землю, Расскажи обо всем, что со мной стало, фараону и принеси мне талисман отца моего, бога Птаха, и магические книги заклинаний!

Немедля поднялся Инар на землю и рассказал фараону обо всем, что случилось Сатни-Хемуасом. Повелел тогда фараон:

Отнеси ему талисман отца нашего, бога Птаха, и священные книги заклинаний!

Поспешно вернулся Инар в гробницу, положил талисман на голову Сатни-Хемуаса и тот сразу вышел из земли.

Протянул Сатни-Хемуас руку к волшебной книге и схватил ее. Он направился к выходу из гробницы, и свет разливался впереди него, а позади него шествовал мрак.

Заплакала Ахура и закричала ему вслед:

— Уходит сияние света, надвигается темнота! Все, что было в нашей гробнице, ушло с этой книгой!

Но сказал Ноферка-Птах Ахуре:

— Не печалься так! Я заставляю его вернуть нашу книгу с покаяниями: он придет к нам с колом в руках, посыпав голову горящими углями.

Тем временем Сатни-Хемуас вышел из гробницы и закрыл ее за собой, как было прежде. Он пришел к фараону и поведал ему обо всем, что случилось с ним, когда он искал священную книгу. И сказал ему фараон:

Будь мудрым и верни эту книгу Ноферка-Птаху! Иначе он заставит тебя вернуть ее с покаянием, и ты придешь к нему с колом в руках, посыпав голову горящими углями.

Но Сатни-Хемуас не стал его слушать. Он везде разворачивал свиток и читал эту книгу всем без различия, словно не было у него другого дела на свете.

II

Но вот однажды, когда прогуливался Сатни-Хемуас по двору храма Птаха, он заметил прекрасную женщину: красоте ее не было равных! Богатые украшения

ее были из золота, юные девушки окружали ее, а за нею следовало двое слуг.

Увидел ее Сатни-Хемуас и потерял покой. Он призвал своего молодого слугу и приказал ему:

— Поспеши к этой женщине и узнай, кто она такая!

Слуга поспешно отправился следом за красавицей. Он остановил одну из девушек, которые ее окружали, и спросил:

— Кто это такая?

Ответила ему девушка:

Это Табуба, дочь жреца богини Баст¹, владычицы Анхтауи. Она пришла помолиться в храме великого бога Птаха.

Вернулся молодой слуга к Сатни-Хемуасу и передал ему слова той девушки. Сказал тогда Сатни-Хемуас:

— Пойди и скажи ее приближенной: «Сатни-Хемуас, сын фараона Усер-Маат-Ра, послал меня, чтобы ты передала своей госпоже его слова: «Если ты согласишься провести со мной один час, я подарю тебе десять дебенов золота! Но если ты не согласишься, я возьму тебя силой! Я увлеку тебя в скрытое место, где тебя не отыщет никто на свете».

Молодой слуга вернулся туда, где была Табуба, отозвал ее приближенную и заговорил с ней. Но она негодуяще закричала, словно оскорбленная его словами.

Тогда Табуба сказала молодому слуге:

— О чем ты там говоришь с этой глупой служанкой? Подойди ко мне и говори со мной.

Молодой слуга приблизился к Табубе и сказал ей:

— Сатни-Хемуас, сын фараона Усер-Маат-Ра, даст тебе десять дебенов золота, если ты согласишься провести с ним один час. Но если ты не согласишься, он возьмет тебя силой! Он увлечет тебя в скрытое место, где тебя не отыщет никто на свете.

На это сказала ему Табуба:

— Ступай и передай Сатни-Хемуасу: «Я не простая женщина, а жрица. Я чиста! Если ты желаешь наслаждаться мною, приходи ко мне, в мой дом в Пер-Басте².

¹ Б а с т — богиня любви и веселья. Почиталась в образе кошки в Анхтауи, близ Мемфиса. Центром ее культа был город Бубаст.

² П е р - Б а с т — один из районов Мемфиса.

Там будет все для нас приготовлено. Ты насладишься мною, но меня не увидит никто на свете. А поступать так, как делают уличные девки, я не желаю!»

Молодой слуга вернулся к Сатни-Хемуасу и передал ему все, что сказала Табуба, до последнего слова. Тогда проговорил Сатни-Хемуас:

— То, что ты мне сказал, превосходно!

Но все, кто был рядом с ним, вознегодовали.

Однако Сатни-Хемуас повелел приготовить для себя барку. Он взошел на нее и поспешно направился в Пер-Баст.

Он достиг Пер-Баста и пришел в западную часть города. Там увидел Сатни-Хемуас высокий дом. Перед домом была терраса, а с северной стороны был сад, окруженный стеною. Спросил Сатни-Хемуас:

— Чей это дом?

И ему ответили:

— Это дом Табубы.

Тогда Сатни-Хемуас вошел в сад, окруженный стеною, и остановился перед беседкой, которая была в саду.

О его приходе пошли и сказали Табубе. Она спустилась в сад, взяла Сатни-Хемуаса за руку и сказала:

Клянусь процветанием дома жреца богини Баст, владычицы Анхтауи, в который ты прибыл, я рада твоему приходу! Пойдем со мной наверх!

И Сатни-Хемуас последовал за Табубой. Они поднялись по лестнице и вошли в дом.

Весь верхний этаж был украшен и чисто прибран. Пол был выложен чистым лазуритом и чистой бирюзой. Там стояли лежа, покрытые царским полотном, а на столике было множество золотых сосудов. Налила Табуба золотую чашу вина, подала ее Сатни-Хемуасу и сказала:

— Выпей и поешь!

Но ответил ей Сатни-Хемуас:

— Я не за этим сюда пришел.

Они подбросили благовония в огонь, они умастились притираниями, какими умащаются фараоны, и Сатни-Хемуас провел рядом с Табубой счастливый день. Никогда еще он не видел красавицы равной ей!

Но вот сказал Сатни-Хемуас Табубе:

— Совершим то, для чего мы сюда пришли!

Однако Табуба ему ответила:

— Ты уйдешь отсюда и вернешься в свой дом. Но я не простая женщина, а жрица. Я чиста! Если ты хочешь насладиться мною, напиши мне дарственную, как супруге, на все богатства дома твоего.

И сказал ей Сатни-Хемуас:

— Пусть призовут ученого писца!

В тот же час привели к нему ученого писца, и Сатни-Хемуас повелел отписать в дар Табубе все, что она просила. Он составил дарственную запись на все достояние и богатство, которыми он обладал.

Но вот к Сатни-Хемуасу пришли и сказали:

— Твои дети стоят внизу!

Приказал он:

— Пусть они войдут!

Тогда поднялась Табуба и облачилась в одежды из тончайшего полотна. Увидел Сатни-Хемуас все ее тело сквозь прозрачное одеяние, и желание его стало сильнее, чем прежде. Сказал он Табубе:

— Дозволь совершить мне то, для чего я сюда пришел!

Но она ему ответила:

Ты уйдешь отсюда и вернешься в свой дом. Но я не простая женщина, а жрица! Я чиста! Если ты хочешь насладиться мною, ты заставишь своих детей подписать эту дарственную, чтобы потом твои дети не оспаривали право моих детей на твое добро!

И Сатни-Хемуас повелел привести своих детей и заставил их подписаться под дарственной. Потом он сказал Табубе:

Дозволь же мне совершить то, для чего я сюда пришел!

Но Табуба ему ответила:

— Ты уйдешь отсюда и вернешься в свой дом. Но я не простая женщина, а жрица! Я чиста! Если ты хочешь насладиться мною, ты прикажешь убить своих детей, чтобы они не отняли твое добро у моих детей.

И сказал ей Сатни-Хемуас:

Пусть же свершится ужасное злодеяние, раз ты этого пожелала!

И Табуба приказала убить детей Сатни-Хемуаса на его глазах, а тела их выбросить из окна на растерзание собакам и кошкам. Потом они сели пить вино, и до

слуха их доносилось, собаки и кошки пожирали детей Сатни-Хемуаса.

И опять сказал Сатни-Хемуас Табубе:

— Совершим же то, для чего мы пришли сюда, ибо я сделал все, о чем ты меня просила!

Тогда сказала Табуба:

— Войди в эту комнату!

Вошел Сатни-Хемуас в ту комнату и лег на ложе из слоновой кости и эбенового дерева. И Табуба легла рядом с ним, чтобы утолить его страсть. Протянул он к ней руки и обхватил ее. Закричала она ужасным голосом, широко разинув рот, и он вошел в нее, словно в горящую печь...

Но вот Сатни-Хемуас очнулся. Он лежал обнаженный, и не было у него одеяния, чтобы прикрыть свою наготу. Он увидел перед собой колесницу, а на ней человека огромного роста. Множество людей склонялось к его ногам, и по облику своему он походил на фараона.

Сатни-Хемуас хотел встать и не мог, ибо не было на нем никакой одежды и нечем было ему прикрыть свою наготу. Тогда спросил его дух в облики фараона:

— Сатни, что случилось с тобой?

И ответил ему Сатни-Хемуас:

— Это сделал со мной Ноферка-Птах.

Сказал ему дух в облики фараона:

Возвращайся в Мемфис! Дети твои жаждут видеть тебя. Они пришли, как обычно, к фараону и ждут тебя.

Но ответил ему Сатни-Хемуас:

— О повелитель, господин мой, да живешь ты вечно, подобно Ра! Как же могу я вернуться в Мемфис, когда мне нечем прикрыть свое тело?

Тогда окликнул дух в облики фараона слугу, который стоял рядом с ним, и повелел ему дать одежды Сатни-Хемуасу. И сказал он Сатни-Хемуасу:

Сатни, возвращайся в Мемфис к своим детям. Они живы и ждут тебя, как обычно, у фараона.

И вот Сатни-Хемуас вернулся в Мемфис. Он увидел, что дети его живы, и с радостью обнял их. И тогда спросил его фараон:

— Что с тобой было? Неужели ты был так пьян?

И рассказал ему Сатни-Хемуас все, что сделали с ним Табуба и Ноферка-Птах.

Сказал ему фараон:

— Сатни, я уже помог тебе один раз, когда сказал тебе: «Если ты не отнесешь эту книгу туда, откуда ты ее взял, тебя убьют!» Но до сих пор ты не хотел меня слушать. Верни же теперь эту книгу Ноферка-Птаху с покаянием: возвращайся к нему с колом в руках, посыпав голову горящими углями!

И вот Сатни-Хемуас вышел от фараона с колом в руках и с горящими углями на голове и спустился в гробницу Ноферка-Птаха. Увидела его Ахура и воскликнула:

— Сатни, видно, сам великий бог Птах дозволил тебе вернуться сюда целым и невредимым!

А Ноферка-Птах засмеялся и сказал:

Вот видишь, Сатни, все случилось так, как я тебе говорил.

И Сатни-Хемуас почтительно приветствовал Ноферка-Птаха. В гробнице было теперь светло, как прежде, словно в ней сиял сам солнечный лик бога Ра. Поэтому Ноферка-Птах и жена его Ахура с радостью ответили на приветствие Сатни-Хемуаса.

Затем обратился Сатни-Хемуас к Ноферка-Птаху и спросил его:

— Скажи мне, Ноферка-Птах, что печалит тебя? Я тебе помогу!

И ответил ему Ноферка-Птах:

Ты знаешь, что жена моя Ахура и сын мой Мериб покоятся в Коптосе, и сюда я могу призывать их. Ка лишь с помощью моей власти искусного писца и чародея. Отправляйся же в Коптос и перенеси их тела сюда.

Тотчас Сатни-Хемуас покинул гробницу и пришел к фараону. Он рассказал ему обо всем, что говорил Ноферка-Птах, и фараон повелел:

— Сатни, отправляйся в Коптос и принеси сюда мумии Ахуры и сына ее Мериба!

Тогда попросил его Сатни-Хемуас:

Пусть дадут мне корабль фараона, полностью снаряженный!

И ему дали корабль фараона, полностью снаряженный. Он взошел на него, отправился в путь и без промедления прибыл в Коптос. Сообщили об этом жрецам

Исиды, владычицы Коптоса, и верховному жрецу Исиды. Они вышли к нему навстречу, спустились на берег Нила и подали ему руку, помогая сойти с корабля.

Сатни-Хемуас сошел с корабля и направился в храмы владычицы Коптоса и бога Гора. Он повелел привести быка, доставить гуся и вино, и он принес жертвы и совершил возлияния в честь Исиды и Гора-Младенца.

Затем со жрецами Исиды, владычицы Коптоса, и верховным жрецом Исиды отправился Сатни-Хемуас в город мертвых Коптоса. Три дня и три ночи искали они гробницу, где покоятся Ахура и ее сын Мериб. Они ходили среди могил, они осматривали погребальные стелы писцов Дома Жизни, они разбирали и читали надписи, начертанные на них. Но они не нашли гробницы, где покоились Ахура и ее сын Мериб.

И вот Ноферка-Птах узнал о том, что они не могут найти гробницу, где покоятся Ахура и ее сын Мериб. Тогда он принял обличие старика жреца, отягченного бременем лет, и предстал перед Сатни-Хемуасом. Увидел его Сатни-Хемуас и сказал:

По виду тебе уже много лет. Может быть, ты знаешь, где гробница, в которой покоятся Ахура и ее сын Мериб?

Ответил ему старик:

Отец отца моего отца так говорил отцу моего отца: «Отец отца моего отца сказал отцу моего отца, что гробницу, в которой покоятся Ахура и ее сын Мериб, надо искать под южным углом дома жреца».

Сказал тогда Сатни-Хемуас старику:

А что, если жрец чем-нибудь досадил тебе и ты говоришь это лишь для того, чтобы мы разрушили его дом?

Но старик ответил ему:

Пусть меня заключат под стражу, а после этого пусть ломают дом жреца. И если под южным углом его дома вы не найдете гробницы, где покоятся Ахура и ее сын Мериб, пусть постигнет меня злая кара!

И старика заключили под стражу. Но вот под южным углом дома жреца они отыскивали гробницу, в которой покоились Ахура и ее сын Мериб. Повелел Сатни-Хемуас перенести этих высоких особ на корабль фараона, а разрушенный дом жреца отстроить заново. Тогда обратился к нему Ноферка-Птах и рассказал ему,

что это он сам явился в Коптос, чтобы помочь отыскать гробницу, где покоились Ахура и ее сын Мериб.

И вот Сатни-Хемуас взошел на корабль фараона. Он отправился в путь и без промедления прибыл в Мемфис вместе со всеми, кто был с ним. Сообщили об их прибытии фараону, и он вышел навстречу своему кораблю. Повелел фараон перенести мумии Ахуры и сына ее Мериба в гробницу, где покоился Ноферка-Птах. А затем повелел он закрыть гробницу и наглухо замуровать ее, как было раньше.

Здесь завершается рассказ о Сатни-Хемуасе и Ноферка-Птахе, а также об Ахуре, супруге Ноферка-Птаха, и сыне ее Мерибе.

Список этот закончен в первый зимний месяц 15-го года¹.

САТНИ-ХЕМУАС И ЕГО СЫН СА-ОСИРИС

I

У фараона Усер-Маат-Ра был сын по имени Сатни-Хемуас. Слыл он искусным писцом и мудрецом, и не было на всей земле никого, кто бы мог с ним сравниться.

Но вот Сатни-Хемуас заскучал. Он ходил по своему дому, он уходил в город мертвых и разбирал там надписи на надгробных стелах, но печально было сердце его.

Увидела Мехитуасехет, жена Сатни-Хемуаса, что печально сердце его, и подумала она: «Мой супруг печален потому, что у нас нет детей!»

И когда озарилась земля и наступил новый день, отправилась Мехитуасехет в храм бога Птаха. Она повелела принести ему в жертву гуся и совершить возлияния вином и стала его просить:

О великий бог Птах, обрати ко мне лик свой! Ты можешь творить чудеса, и тебе все подвластно! Услышь мою мольбу и пошли мне сына!

Так молилась Мехитуасехет, пока сон не одолел ее. Она уснула в храме и увидела вещий сон.

¹ 15 год — повидимому, пятнадцатый год правления Птолемея III Эвергета, то есть 233 г. до н. э.

Во сне услышала Мехитуасехет голос, который ей говорил:

— Не ты ли это, Мехитуасехет, супруга Сатни, уснувшая в этом доме? Ты пришла сюда, чтобы испросить у бога исцеления от бесплодия? Внимай же! Когда настанет утро, ступай в комнату для омовений своего супруга, и там ты найдешь стебель дыни, который вырос в той комнате для омовений. Сорви этот стебель со всеми плодами и приготовь из него питье. Дай его выпить своему супругу и ложись вместе с ним. И в ту же ночь ты понесешь от него дитя.

Услышав эти слова, Мехитуасехет пробудилась от сна. Она сделала все, что приказывал ей тот голос во сне, а потом легла вместе с Сатни-Хемуасом, своим супругом. И в ту же ночь она зачала от него дитя.

Прошло время, и Мехитуасехет увидела, что по всем признакам, какие бывают у женщин, она понесла. Узнав это, возликовал Сатни-Хемуас и поспешил сообщить обо всем фараону. А супруге своей он повязал талисман и прочел над ней заклинания, чтобы уберечь ребенка.

Ночью Сатни-Хемуас уснул и увидел вещий сон. Во сне услышал он голос, который ему говорил:

— В ту ночь жена твоя Мехитуасехет зачала от тебя дитя. Она родит тебе сына, и назовут его Са-Осирис. Он совершит на земле Египта великое множество небывалых чудес!

Услышав эти слова, Сатни-Хемуас пробудился от сна, и сердце его наполнилось ликованием.

И вот прошло должное число месяцев и приблизился день родов. И Мехитуасехет родила сына. Сообщили об этом Сатни-Хемуасу, и он дал мальчику имя Са-Осирис, как повелел ему вещий голос во сне.

Когда окончился положенный срок очищения после родов, Са-Осириса передали матери, и Мехитуасехет стала кормить его грудью. Мальчик рос так быстро, что когда ему было только год, все говорили: «Ему два года!» А когда ему было два года, все говорили: «Ему три года!» И Сатни-Хемуас так любил своего маленького сына Са-Осириса, что не мог обойтись без него и дня.

Когда Са-Осирис подрос и окреп, его отдали в школу. Но прошло немного времени, и он стал знать больше, чем тот писец, который его учил. Маленький Са-Осирис начал тогда читать заклинания вместе с писцами из Дома Жизни при храме Птаха, и все, кто слышал его, бывали поражены. Сатни-Хемуас стал приводить Са-Осириса на празднества к фараону; там Са-Осирис состязался в знаниях с чародеями фараона и побеждал их всех.

Однажды Сатни-Хемуас совершал омовение на террасе своего дома, чтобы отправиться на празднество, и сын его Са-Осирис тоже совершал омовение, чтобы отправиться вместе с ним. И вот услышал Сатни-Хемуас горестные вопли и причитания. Он посмотрел вниз с террасы своего дома и увидел, что это хоронят богача. Его везли в сторону пустыни со всевозможными почестями, под громкие причитания.

Потом он второй раз взглянул вниз с террасы своего дома и увидел похороны бедняка. Его несли из Мемфиса в город мертвых, завернув в простую цыновку, и никто его не провожал.

Сказал тогда Сатни-Хемуас:

Да сделает Осирис, владыка Аменти¹, так, чтобы мне воздали в Аменти, как воздадут тому богачу, которого погребают с громкими причитаниями, и да минует меня доля того бедняка, которого несут в город мертвых без всяких почестей и церемоний!

Но маленький сын его Са-Осирис ответил ему:

Ты получишь в Аменти то, что получит в Аменти бедняк, и минует тебя в Аменти доля, которая уготована в Аменти тому богачу.

Когда услышал Сатни-Хемуас эти слова своего сына Са-Осириса, опечалилось сердце его, и он сказал:

— Что я слышу? Неужели то слова сына, который любит отца своего?

Но сказал ему его маленький сын Са-Осирис:

Если ты пожелаешь, я покажу тебе, что уготовано в царстве мертвых тому бедняку, о котором никто не печалится, и тому богачу, которого все оплакивают.

Тогда спросил его Сатни-Хемуас:

¹ А м е н т и — по верованиям древних египтян, царство мертвых.

— Как же ты сделаешь это, сын мой Са-Осирис?

И ответил ему Са-Осирис:

Следуй за мной, и я покажу тебе долю каждого в царстве мертвых.

И вот он взял отца своего Сатни-Хемуаса за руку и привел его в город мертвых за Мемфисом. Он привел его в незнакомое место, остановился и произнес заклинание. Земля расступилась у них под ногами, и они вошли в неведомую гробницу, высеченную в скале.

Здесь было семь больших залов, и наполняли их разные люди всех званий. Са-Осирис провел отца своего Сатни-Хемуаса через три первых зала, и никто их не остановил.

Когда они достигли четвертого зала, увидел в нем Сатни-Хемуас множество людей, которые сучили веревки, а ослы позади них съедали эти веревки. Еще были там люди, которые тянулись вверх и пытались достать воду и хлеб, подвешенные у них над головами. Но другие люди в то же время рыли у них под ногами ямы, чтобы они не могли дотянуться до пищи.

Вслед за сыном своим Са-Осирисом Сатни-Хемуас прошел в пятый зал и увидел там чистые души на своих почетных местах. Те же, кто совершил какое-нибудь злодеяние, толпились у двери пятого зала и молили о прощении. А нижний шип той двери торчал в правом глазу какого-то человека, который молился и громко стонал, когда дверь открывалась и закрывалась и шип поворачивался в его глазу.

Потом проникли они в шестой зал, и здесь Сатни-Хемуас увидел судилище богов в царстве мертвых. Каждый бог сидел на своем месте, и привратники царства мертвых оглашали приговоры.

Вслед за сыном своим Са-Осирисом Сатни-Хемуас прошел дальше, в седьмой зал, и увидел там изображение великого бога Осириса. Он сидел на троне из чистого золота, увенчанный короной Атеф¹. По левую руку от него стоял Анубис², великий бог, а по правую руку от него стоял Тот, великий бог, и все боги

¹ Корона Атеф — корона, в которой обычно изображался бог Осирис.

² Анубис — в древнеегипетской мифологии бог-покровитель бальзамирования и погребения умерших, изображался с головой шакала.

судилища царства мертвых теснились справа и слева от них. Перед ними стояли весы, на которых боги судилища царства мертвых взвешивали содеянное людьми добро и зло. Великий бог Тот записывал то, что показывали весы, а Анубис оглашал приговоры богов. Если боги решали, что злодеяния человека более многочисленны, чем его добрые дела, они отдавали его во власть Пожирательницы — собаки повелителя царства мертвых, которая разрывала на части его душу и тело, так что дыхание жизни к нему уже не возвращалось никогда. Но если они находили, что добрые дела человека более многочисленны, чем его злодеяния, они вводили его в совет богов царства мертвых и душа его отправлялась на небо и пребывала там среди чистых душ. Если же они находили, что злодеяния человека равны его добрым делам, они помещали его среди кающихся душ, которые служат богу Сокаросирису¹.

И еще Сатни заметил человека благородного облика, облаченного в одеяния из тончайшего полотна. Он стоял вблизи от Осириса на одном из самых почетных мест. Так смотрел Сатни и удивлялся всему, что видел он в царстве мертвых.

Но вот встал перед ним сын его, Са-Осирис, и сказал ему:

— Отец мой, Сатни! Видишь ли ты благородного человека, облаченного в одеяния из тончайшего полотна, который стоит близ Осириса? Это тот бедняк, которого ты заметил, когда его выносили из Мемфиса, завернув в простую цыновку, и которого не провожал никто. Это он! Его привели на суд царства мертвых, взвесили добрые и злые дела, совершенные им на земле, и нашли, что содеянное им добро перевешивает содеянное им зло. Однако на долю его жизни земной, срок которой определил в своих записях Тот, досталось ему слишком мало счастливых дней. И вот повелели боги перед ликом Осириса отдать бедняку погребальное убранство того богача, которого ты заметил, когда его выносили из Мемфиса с великими почестями. И по-

¹ Сокаросирис — в древнеегипетской мифологии бог подземного мира, культ которого образовался путем слияния культов Сокара — древнего бога подземного царства — и Осириса — повелителя царства мертвых.

местили бедняка среди чистых душ, которые служат Сокаросирису, вблизи трона великого бога Осириса. И того богача, которого ты заметил, тоже привели на суд царства мертвых. Взвесили боги добрые и злые дела, совершенные им на земле, и нашли, что зло, им содеянное, перевешивает содеянное им добро. И тогда повели боги покарать его в царстве мертвых. Ты видел его! Это он лежит на пороге Аменти. Шин двери торчит в его правом глазу и поворачивается в нем, когда дверь открывают и закрывают, и богач испускает ужасные вопли. Клянусь жизнью великого бога Осириса, повелителя в царстве мертвых, я знал, что ждет в царстве мертвых того богача, и поэтому я сказал тебе там, на земле: «С тобою поступят так же, как с тем бедняком, и не сделают с тобою того, что сделают с богачом».

И тогда сказал ему Сатни-Хемуас:

Сын мой, Са-Осирис! Немало чудес увидел я в царстве мертвых! Но теперь Расскажи мне, кто эти люди, что вьют беспрерывно веревки, которые позади них пожирают ослы? И кто эти люди, чья пища, вода и хлеб подвешены над их головами? Почему, когда они тянутся вверх, чтобы ее достать, другие люди роют ямы у них под ногами и мешают им дотянуться до еды?

Ответил ему Са-Осирис:

— Я открою тебе истину, отец мой Сатни! Ты видел людей, что вьют веревки, которые позади них пожирают ослы. Это подобие тех, над кем на земле тяготеет проклятие богов. На земле они трудятся день и ночь, добывая себе пропитание, но их жены крадут его у них за спиной, и у них не хватает даже хлеба. Когда приходят они в царство мертвых и оказывается, что их злодеяния многочисленнее добрых дел, совершенных ими, обрекают их боги на то, чтобы в царстве мертвых они испытывали то же самое, что и на земле. Так же и с теми, чья пища, вода и хлеб висят над их головами. Они тянутся вверх, чтобы достать ее, но другие копают ямы у них под ногами и не дают им дотянуться до еды. Это подобие тех людей на земле, кому достаточно протянуть лишь руку, чтобы добыть себе пропитание, но боги выкапывают перед ними ямы, чтобы они не могли до него дотянуться. Они приходят в Аменти и здесь, в царстве мертвых, они испытывают то же самое, что испытывали на земле. Смотри, отец мой Сатни! Их души приходят на суд

царства мертвых, и если они творили добро на земле, здесь воздают им добром, но если они творили зло, здесь воздают им злом. Так ведется извечно и не изменится никогда. Так воздает судилище царства мертвых в городе мертвых Мемфиса и в остальных сорока двух нотах Египта, повсюду, где судят боги судилища великого бога Осириса! Так воздается и в Абидосе, где пребывает оракул¹ всех правителей, и на острове Филе².

Вот что сказал Са-Осирис Сатни-Хемуасу. Потом Са-Осирис взял его за руку и вывел через пустыню в Мемфис.

Спросил его Сатни-Хемуас:

Скажи, мой сын Са-Осирис, мы вышли там же, где и вошли, или в другом месте?

Но Са-Осирис ничего ему не ответил.

Долго еще удивлялся Сатни, вспоминая о том, что, услышал он от Са-Осириса. И сказал о нем Сатни-Хемуас так:

Он может войти в сонм чистых душ и станет истинным слугой бога! Я приду с ним на суд царства мертвых и скажу: «Смотрите, это мой сын!»

И Сатни-Хемуас произнес магические слова из книги заклинаний, чтобы умиловить души мертвых, ибо то, что он видел в Аменти, было так удивительно, что он не мог рассказать об этом ни одному человеку на свете. Эта тайна лежала камнем у него на сердце.

II

Но вот исполнилось маленькому Са-Осирису двенадцать лет. Во всем Мемфисе не было столь мудрого писца и чародея, как он, и в искусстве заклинаний не было ему равных.

Прошло после этого много дней. Но вот однажды явился фараон Усер-Маат-Ра в зал приемов во дворце фараона в Мемфисе. Перед ним стояли сыновья фараона, военачальники и знатнейшие люди Египта, каждый на своем месте. И вот пришел вестник и сказал фараону:

¹ Абидос, где пребывает оракул — город Абидос, центр VIII нота Верхнего Египта, где находилась, по преданию, гробница Осириса.

² Филе — остров на Ниле около первого порога, на границе Египта с Нубией.

Доношу тебе: прибыл сюда гонец, презренный эфиоп, и принес на груди своей запечатанное послание.

Услышал это фараон и повелел привести гонца во дворец. Вошел эфиоп, приветствовал всех и сказал:

— Кто здесь может прочесть послание, принесенное мною в Египет для фараона? Кто прочтет его, не разворачивая свиток и не ломая печати? Если нет в Египте искусных писцов и мудрецов, которые смогут прочесть послание, не разворачивая свиток, да будет посрамлен Египет и да признает он превосходство моей родины, Страны Негров!

Когда услышали эти слова фараон Усер-Маат-Ра и сыновья фараона, они потеряли покой и не знали, что дальше делать. Сказали они:

Клянемся жизнью Птаха, великого бога, разве есть столь искусный писец и мудрец, который может прочесть письмо, если он не видит то, что в нем написано? Разве можно прочесть письмо, не разворачивая свиток?

И тогда повелел фараон:

— Пусть призовут ко мне сына моего Сатни-Хемуаса!

Побежали за ним и призвали его в тот же час к фараону.

Пришел Сатни-Хемуас и склонился до самой земли. Потом он встал перед фараоном, приветствуя его. И сказал ему фараон:

— Сын мой Сатни, слышал ли ты, какие слова говорил мне презренный эфиоп? Вот что он сказал: «Есть ли в Египте такой искусный писец и мудрец, который прочтет принесенное мною послание, не ломая печатей, и узнает, что в нем написано, не разворачивая свиток?»

Когда Сатни-Хемуас услышал эти слова, он потерял покой и не знал, что ему дальше делать. И ответил он фараону:

— О господин мой, кто же может прочесть послание, не разворачивая свиток? Но пусть мне дадут десять дней отсрочки, и я сделаю все, что смогу, чтобы не пришлось Египту признавать над собой превосходство Страны Негров, пожирателей камеди¹.

¹ Камедь — застывший сок различных деревьев. Пожиратели камеди — в данном случае оскорбительная кличка негров, которых голод заставлял есть камедь, что для египтян казалось отвратительным.

И сказал ему фараон:

— Я даю тебе эти десять дней, сын мой Сатни!

И вот отвели эфиопу покой, где он мог укрыться, и стали ему готовить всякую мерзость, какую едят в Стране Негров. А фараон покинул свой двор и удалился. Он возлег на ложе, но сердце его было так опечалено, что не мог он ни пить, ни есть.

Вернулся Сатни-Хемуас домой, но и здесь не нашел покоя. Не зная, что ему дальше делать, он завернулся в свои одеяния с головы до ног и лег.

Сказали об этом супруге его Мехитуасехет. Пришла она в тот покой, где лежал ее муж, просунула руку к нему под одежды. Но жара она не почувствовала, и лежал он спокойно.

Тогда сказала Мехитуасехет:

Брат мой Сатни здоров! Нет жара в груди его, нет болезни в теле его, есть только боль и печаль в его сердце.

И ответил ей Сатни-Хемуас:

Оставь меня, сестра моя Мехитуасехет! Не подобает знать женщине то, из-за чего смущено мое сердце.

Потом пришел к нему сын его, маленький Са-Осирис, и спросил:

— Отец мой Сатни, почему ты лежишь здесь? Чем смущено твое сердце? Расскажи мне о том, что смущает его, и я избавлю тебя от забот.

Но ответил ему Сатни-Хемуас:

Оставь меня, сын мой Са-Осирис! Ты еще слишком мал, чтобы справиться с тем делом, которое встревожило мое сердце!

Однако Са-Осирис ему сказал:

— Расскажи мне об этом деле, и я успокою сердце твое!

И тогда рассказал ему Сатни-Хемуас:

Сын мой Са-Осирис, прибыл в Египет гонец, презренный эфиоп, и принес на груди своей запечатанное послание. И сказал он: «Кто прочтет его, не разворачивая свиток? Если нет в Египте столь искусного писца и мудреца, который сможет его прочесть, не ломая печатей, будет посрамлен Египет, и я принесу весть об этом к себе на родину, в Страну Негров!» Вот поэ-

тому я и лежу здесь со смущенным сердцем, сын мой Са-Осирис.

Но когда Са-Осирис услышал эти слова, разразился он смехом и смеялся долго. Спросил его Сатни-Хемуас: — Почему ты смешься?

И ответил ему Са-Осирис:

Я смеюсь потому, что ты здесь лежишь со смущенным сердцем из-за столь ничтожного дела. Встань, отец мой Сатни, ибо я прочту послание, доставленное в Египет, не разворачивая свиток! И я узнаю, что в нем написано, не ломая печатей!

Когда Сатни-Хемуас услышал эти слова, он сразу поднялся и спросил:

— Но правду ли ты говоришь мне, сын мой Са-Осирис? Чем подтвердишь ты свои слова?

И ответил ему Са-Осирис:

Отец мой Сатни, спустись в свою комнату на первом этаже! Возьми из ларца любой свиток, и я скажу тебе, что это за книга, и прочту ее, хотя я и не буду видеть написанного, ибо я пройду в другую комнату на первом этаже.

Встал тогда Сатни-Хемуас и сделал все так, как сказал Са-Осирис. И Са-Осирис исполнил все, что он обещал: он прочел все книги, которые брал его отец и держал перед ним, не разворачивая свитков.

Вышел Сатни-Хемуас из комнат первого этажа и поднялся наверх ликуя. И не было на земле человека счастливее его.

Немедля направился он к фараону и рассказал ему все, что обещал сделать сын его Са-Осирис, слово в слово. Обрадовался фараон всем сердцем. Вместе с Сатни-Хемуасом совершили они омовение, готовясь к пиру. Приказал фараон Сатни-Хемуасу привести на празднество Са-Осириса, и они пили вместе, и так провели они этот счастливый день.

На другое утро фараон явился в зал приемов, окруженный знатнейшими людьми. Он повелел привести к нему презренного эфиопа с его запечатанным посланием, а сам встал посреди зала приемов. Маленький Са-Осирис тоже пришел и встал перед презренным эфиопом. И сказал ему Са-Осирис:

— Горе тебе, эфиоп! Да покарает тебя Амон, ибо он и твой бог! Ты явился в Египет, прекрасный сад бога

Осириса, престол бога Ра-Горахути, обиталище чистых духов, и ты еще говоришь: «Пусть признает Египет превосходство Страны Негров!» Да поразит тебя гнев Амона, ибо он и твой бог! Я прочту тебе все слова, написанные в твоём послании. Но бойся сказать о них ложь фараону, твоему повелителю!

Когда увидел презренный эфиоп маленького Са-Осириса в зале приемов, склонился он головой до земли и ответил:

— Говори! Ты не услышишь лжи ни об одном своём слове!

Тогда встал Са-Осирис перед фараоном и его знатными приближенными и начал говорить. И народ Египта внимал его голосу.

Вот что говорил Са-Осирис:

В послании презренного эфиопа, который стоит здесь посреди двора, написано:

«Случилось это в один из дней правления фараона Менх-па-Ра, сына Амона. Был Менх-па-Ра, сын Амона, благословенным владыкой всего Египта. При нем царило в стране полное изобилие. Он был щедр и совершал многочисленные работы в великих храмах Египта.

И вот однажды отдыхал правитель Страны Негров в беседке на священной земле храма Амона. Вдруг услышал он голоса трех презренных эфиопов, которые разговаривали в доме за той беседкой. Один из них заговорил громким голосом и среди других слов сказал:

— Если бы дозволил Амон и если бы владыка Египта не мог меня покарать, я бы тогда напустил свои чары на Египет и оставил народ Египта на три дня и три ночи без света.

Заговорил второй эфиоп и среди других слов сказал:

Если бы дозволил Амон и если бы владыка Египта не мог меня покарать, я бы напустил свои чары на Египет и перенес египетского фараона в Страну Негров. А здесь ему дали бы пятьсот ударов розгой при всем народе, перед лицом правителя Страны Негров, а потом отнесли бы его обратно в Египет. И все это я совершил бы не более чем за шесть часов.

Заговорил тогда третий эфиоп и среди других слов сказал:

Если бы дозволил Амон и если бы владыка Египта не мог меня покарать, я бы напустил свои чары на

Египет и сделал так, чтобы поля Египта перестали плодоносить три года.

Услышал правитель Страны Негров речи этих трех эфиопов и повелел их привести к нему. И спросил он их:

Кто из вас сказал: «Я напущу свои чары на Египет и оставлю народ Египта без света на три дня и три ночи?»

И они ответили:

— Это Гор, сын бегемотихи.

Тогда спросил правитель Страны Негров:

— Кто из вас сказал: «Я напущу свои чары на Египет и перенесу фараона египетского в Страну Негров, чтобы дали ему здесь пятьсот ударов розгой при всем народе, перед лицом правителя Страны Негров, а потом отнесу его обратно в Египет и все это совершу не более чем за шесть часов?»

Ответили эфиопы:

— Это Гор, сын негритянки.

И еще спросил правитель Страны Негров:

— А кто из вас сказал: «Я напущу свои чары на Египет и сделаю так, что поля Египта не будут плодоносить три года?»

И ответили эфиопы:

— Это Гор, сын знатной женщины.

Тогда приказал правитель Страны Негров Гору, сыну негритянки:

— Соверши свое волшебство властью заклинаний, и клянусь жизнью бога моего Амона, божественного быка Мероэ¹, я щедро тебя награжу превосходнейшими вещами!

Тогда Гор, сын негритянки, изготовил из воска носилки и четырех носильщиков. Он произнес над ними заклинание, вдохнул в них дыхание жизни и оживил их. Потом приказал он носильщикам:

— Отправляйтесь в Египет и принесите египетского фараона сюда, к правителю Страны Негров. Дайте ему здесь при всем народе, перед правителем Страны Негров пятьсот ударов розгой и отнесите его обратно в Египет. Совершите все это менее чем за шесть часов!

¹ Мероэ во времена написания этого папируса был столицей Эфиопии. Здесь также почитался Амон, культ которого заимствован из Египта. Божественный бык — эпитет Амона.

Ответили ему носильщики:

— Мы исполним все и ничего не упустим!

И вот порождения эфиопского чародея устремились ночью в Египет. Они овладели фараоном Менх-па-Ра, сыном Амона, и принесли его в Страну Негров к правителю Страны Негров. Они дали ему при всем народе, перед лицом правителя Страны Негров пятьсот ударов розгой, а затем отнесли фараона обратно в Египет. И все это совершили они не более чем за шесть часов».

Так говорил Са-Осирис перед фараоном и его знатными приближенными, и народ Египта внимал его голосу. И сказал Са-Осирис гонцу-эфиопу:

— Да покарает тебя Амон, ибо он и твой бог! Те ли слова говорю я, что написаны в твоём послании, которое ты держишь в руке?

Ответил ему презренный эфиоп:

Продолжай читать, как читал, ибо все слова твои истинны!

И Са-Осирис продолжал читать, стоя перед фараоном:

«Когда все это произошло, фараона Менх-па-Ра, сына Амона, отнесли обратно в Египет с жестоко избитой спиной, и он лег спать во дворце фараона, святилище Гора, на свою жестоко избитую спину. А когда наступило утро, сказал фараон своим приближенным:

— Что случилось с Египтом? Почему мне пришлось покинуть Египет?

Встревожились приближенные, не зная, что думать об этих словах. Стали они говорить друг другу:

— Не помутился ли разум у фараона?

Но фараону они сказали:

— Ты здоров, ты здоров, великий владыка, наш фараон! Великая богиня Исида исцелит твой недуг. Но скажи нам, великий наш повелитель, что означают слова, с которыми ты обратился к нам? Ведь ты спишь у себя во дворце, святилище Гора, и боги тебя охраняют!

Тогда фараон поднялся и показал приближенным свою жестоко избитую спину. И сказал он:

Клянусь жизнью великого бога Птаха, этой ночью меня унесли в Страну Негров и при всем народе, перед лицом правителя Страны Негров дали мне пятьсот ударов розгой. А потом меня отнесли обратно в Египет, и все это не более чем за шесть часов.

Когда увидели приближенные жестоко избитую спину фараона, они разинули рты и испустили громкие вопли.

Но был у фараона Менх-па-Ра, сына Амона, хранитель книг по имени Гор, сын Па-Неше, великий мудрец и ученый.

Когда он приблизился к фараону, испустил он горестный вопль и сказал:

Господин мой, это все эфиопские чародейства! Клянусь жизнью дома твоего, я приведу этого чародея в темницу, в комнату пыток и смерти!

В ответ ему сказал фараон:

— Поспеши это сделать, чтобы в следующую ночь меня не унесли опять в Страну Негров!

Хранитель книг Гор, сын Па-Неше, тотчас же пошел и принес к фараону свои священные книги и талисманы. Он произнес над ними заклинание и повязал ему талисман, чтобы порождения эфиопского чародея не могли овладеть фараоном. Затем покинул он фараона, взял дары и сосуды для жертвенных возлияний и немедленно направился в Шмун¹.

В Шмуне Гор, сын Па-Неше, пришел в храм, положил дары свои перед трижды и трижды и трижды великим богом Тотом, владыкою Шмуна, совершил в его честь возлияния и обратился к нему с жалобой:

Обрати ко мне лик свой, владыка мой Тот! Сделай так, чтобы эфиопы не могли унижить Египет и поставить его ниже Страны Негров! Ты начертал волшебную книгу магических заклинаний. Ты утвердил землю, ты перекинул над нею свод неба, ты создал царство мертвых, ты дал звездам имена богов. Открой мне, как спасти фараона от эфиопского чародейства!

И вот Гор, сын Па-Неше, лег в храме и уснул. И приснился ему в ту же ночь вещий сон. Во сне увидел он лик великого бога Тота, который ему сказал:

Не ты ли Гор, сын Па-Неше, хранитель книг фараона Менх-па-Ра, сына Амона? Завтра утром ступай в хранилище книг храма Шмуна. Там найдешь ты сундук закрытый и запечатанный. Ты откроешь его и увидишь

¹ Шмун — Гермополь древних греков, современный Даманхур; главный город XV нома Верхнего Египта; центр культа бога Тота.

ларец. В том ларце лежит книга, которую я начертал своею рукой. Вынь ее, перепиши ее, а затем положи ту книгу на прежнее место. Это «Книга магических заклинаний». Заклинания защищают меня от святотатства, заклинания защитят и фараона. Они спасут его от эфиопского чародейства!

Когда Гор, сын Па-Неше, услышав все это, пробудился ото сна, он понял, что то был вещий сон, ниспосланный ему самим богом. И он сделал все так, как ему приказал во сне Тот.

Затем Гор, сын Па-Неше, возвратился немедленно во дворец фараона и здесь начертал магическое заклинание, чтобы спасти фараона.

И вот наступил другой день. Ночью носильщики-сороходы Гора, сына негритянки, явились в Египет и проникли во дворец фараона. Но они не смогли овладеть фараоном, потому что его охраняли чары и заклинания Гора, сына Па-Неше, хранителя книг. И они вернулись ни с чем к правителю Страны Негров.

Когда наступило утро, фараон рассказал Гору, сыну Па-Неше, хранителю книг, все, что он видел ночью: о том, как снова явились к нему порождения эфиопского чародейства, но ушли ни с чем, потому что не смогли овладеть им.

Тогда Гор, сын Па-Неше, приказал принести ему побольше чистого воска. Он изготовил из воска носилки и четырех носильщиков. Он произнес над ними заклинания, вдохнул в них дыхание жизни и оживил их. Потом приказал он носильщикам:

— Этой же ночью отправляйтесь в Страну Негров и принесите сюда правителя Страны Негров. Дайте ему здесь при всем народе, перед лицом фараона пятьсот ударов розгой и отнесите его обратно в Страну Негров. Совершите все это не более чем за шесть часов!

Ответили ему носильщики:

— Мы исполним все и ничего не упустим!

И вот порождения чародейства Гора, сына Па-Неше, полетели на облаках по небу и той же ночью прибыли в Страну Негров. Они овладели правителем Страны Негров и принесли его в Египет. Они дали ему при всем народе, перед лицом фараона пятьсот ударов розгой, а затем унесли обратно в Страну Негров. И все это совершили они не более чем за шесть часов».

Так говорил Са-Осирис перед фараоном и его знатными приближенными, и народ Египта внимал его голосу. И сказал Са-Осирис гонцу-эфиопу:

— Да покарает тебя Амон, ибо он и твой бог, проклятый эфиоп! Те ли слова говорю я, что написаны в этом послании?

Опустил эфиоп голову и ответил:

Продолжай читать, как читал, ибо каждое слово, которое ты произносишь, начертано в этом послании.

И Са-Осирис продолжал читать:

«Когда все это произошло и правителя Страны Негров отнесли обратно в Страну Негров, еще до исхода шестого часа, он лег спать в своем дворце. А когда наступило утро, он проснулся, жестоко страдая от порки, учиненной ему в Египте. И сказал правитель своим приближенным:

— Клянусь жизнью Амона, великого бога, этой ночью меня унесли в Египет и сделали со мной то же, что мы сделали с фараоном Египта! При всем народе, перед лицом фараона мне дали пятьсот ударов розгой, а потом меня отнесли обратно в Страну Негров.

Тут показал правитель сыновьям своим избитую спину свою, и они разинули рты, испуская горестные вопли.

Правитель Страны Негров приказал им призвать к нему Гора, сына негритянки, и сказал ему:

— Да покарает тебя бог мой Амон, божественный бык Мероэ! Это ты отправил своих людей в Египет. Посмотрю я теперь, как ты спасешь меня от чародейства Гора, сына Па-Неше!

Тогда Гор, сын негритянки, изготовил свои талисманы и повязал их правителю Страны Негров, чтобы спасти его от чародейства Гора, сына Па-Неше. Но едва наступила ночь, порождения чародейства Гора, сына Па-Неше, вновь явились в Страну Негров и унесли правителя Страны Негров в Египет. При всем народе, перед лицом фараона ему дали пятьсот ударов розгой, а потом отнесли обратно в Страну Негров, и все это не более чем за шесть часов. Так пороли правителя Страны Негров три ночи подряд, и все чары эфиопов не могли спасти его от руки Гора, сына Па-Неше.

Правитель Страны Негров пришел в отчаяние. Он приказал привести к нему Гора, сына негритянки, и сказал ему:

— Горе тебе, недруг Страны Негров! Из-за тебя претерпел я от египтян столько унижений, и ты не мог спасти меня от их рук. Клянусь жизнью бога моего Амона, божественного быка Мероэ, если ты не убережешь меня от волшебных носилок египтян, я предаю тебя лютой казни и ты умрешь в мучениях!

На это сказал ему Гор, сын негритянки:

Господин мой и повелитель! Отправь меня в Египет, чтобы я мог увидеть того египтянина, который там чародействует. Я обращаю мое волшебство против него и покараю руку его, как я замыслил в сердце своем!

Так сказал Гор, сын негритянки, и ушел.

Но сначала пошел он к своей матери, негритянке.

И сказала ему негритянка:

— Сын мой Гор, остерегайся Гора, сына Па-Неше! Когда ты придешь в Египет и будешь творить там свои заклинания, остерегайся египтян! Ты не сможешь с ними бороться, ты не сможешь их победить! Никогда не попадайся им в руки, иначе ты не вернешься больше в Страну Негров!

На это ответил ей Гор, сын негритянки:

Пустые слова ты мне говоришь! Все равно я должен идти в Египет и чародействовать там.

Тогда сказала ему мать-негритянка:

— Раз уж ты должен идти в Египет, оставь мне знак, чтобы я знала, жив ли ты. Если тебя победят, я приду к тебе и, быть может, спасу тебя.

На это ответил ей Гор, сын негритянки:

Если меня победят, вода, которую ты станешь пить, сделается красной, как кровь, и пища, которую ты станешь есть, сделается красной, как кровь, и небо над твоей головой станет красным, как кровь.

Так условился Гор, сын негритянки, со своею матерью-негритянкой. Затем проглотил он свои заклинания, чтобы уберечь их от чужого глаза, и отправился в Египет.

Из Страны Негров, которую создал Амон, он дошел до Мемфиса, где пребывал фараон, стремясь узнать по дороге в Египет, кто занимается там чародейством. Он явился во дворец фараона и прокричал громким голосом:

— Эй, кто здесь чародействует при дворе фараона,

на глазах у всего Египта? Два писца Дома Жизни или только один писец Дома Жизни? Кто околдовал моего повелителя и увлек его в Египет против моего желания?

Когда прокричал он так, ответил ему Гор, сын Па-Неше, который был во дворце и стоял перед фараоном:

— Эй ты, презренный эфиоп! Не Гор ли ты, сын негритянки? Не ты ли уже приходил когда-то в Египет, сад бога Ра, со своим спутником эфиопом, и не тебя ли я спас, когда ты свалился с ним в воду с горы восточнее Гелиополя? ¹ Может быть, тебя привело сюда раскаяние? Ведь это ты похитил господина моего фараона и унес его туда, где пребывает правитель Страны Негров, чтобы там подвергнуть его высочество жесточайшей порке! А теперь ты приходишь в Египет и спрашиваешь: «Кто здесь чародействует и строит козни против меня?» Клянусь жизнью Атума, владыки Гелиополя, тебя привели сюда боги Египта, чтобы покарать тебя в своей стране! Берегись, ибо я не пощажу тебя!

Так сказал Гор, сын Па-Неше, и когда Гор, сын негритянки, услышал эти слова, проговорил он в ответ:

— Кто научил тебя речам шакала? Значит, это ты чародействуешь здесь мне во вред?

Тут презренный эфиоп произнес магическое заклинание, и пламя взвилось посреди зала приемов. Фараон Египта и дети его громко закричали, призывая на помощь:

— Поспеши к нам, Гор, сын Па-Неше, хранитель книг!

Тогда Гор, сын Па-Неше, сотворил заклинание, и с небес хлынул ливень, какие приходят с юга. Он хлынул прямо на пламя, и огонь в тот же миг погас.

Произнес эфиоп новое заклинание, и огромная туча нависла над дворцом. В темноте никто не мог различить ни товарища своего, ни брата.

Тогда Гор, сын Па-Неше, обратился к небесам с заклинанием, и небеса вновь очистились, а холодный ветер, нагнавший тучу, утих.

Произнес Гор, сын негритянки, третье заклинание, и каменный свод длиной в двести локтей и шириной в

¹ Здесь намек на какой-то другой, не дошедший до нас рассказ, героями которого также были Гор, сын Па-Неше, и Гор, сын негритянки.

пятьдесят локтей накрыл фараона с его детьми, оставил Египет без повелителя, оставил землю без ее владыки.

Фараон глянул вверх, увидел каменный свод над своей головой и громко вскрикнул. И все, кто был во дворце, закричали с ним вместе.

Тогда Гор, сын Па-Неше, произнес свое заклинание. Появилась ладья из папируса, подняла тот каменный свод и уплыла вместе с ним на бескрайнее египетское озеро.

Понял тогда презренный эфиоп, что ему не под силу бороться с чародеем Египта. Он прочел заклинание и стал невидим для всех, кто был в зале приемов. Так он сделал, чтобы вернуться к себе на родину, в Страну Негров. Но Гор, сын Па-Неше, тотчас же прочел над ним свое заклинание и уничтожил чары волшебника эфиопа. Вновь предстал он глазам фараона и всех египтян, которые были в зале приемов. Но теперь он предстал перед ними в образе дикого гусенка, готового улететь. Гор, сын Па-Неше, прочел над ним заклинание, опрокинул его на спину и поставил над ним птичника с ножом в руке, готового прирезать того гусенка.

Но пока эти чары свершались, негритянка, мать Гора, увидела знаки, о которых было условлено между нею и ее сыном. Немедля приняла она образ дикой гусыни и прилетела в Египет. Она закружилась над дворцом фараона и загоготала во весь свой голос, призывая сына. А он лежал на спине в образе гадкого гусенка, и птичник с ножом стоял над ним.

Гор, сын Па-Неше, взглянул на небо и увидел негритянку в образе дикой гусыни. Он узнал, что это была негритянка из Страны Негров и произнес над ней заклинание. Упала она на спину, и другой птичник, готовый ее прирезать, встал над нею с ножом в руке.

Тогда она покинула облик гусыни и превратилась снова в женщину-негритянку. И взмолилась она:

Не губи нас, Гор, сын Па-Неше! Дай искупить нам свою вину! Если ты дашь нам волшебную лодку, мы покинем Египет и больше сюда не придем никогда!

Но Гор, сын Па-Неше, поклялся именем фараона и всех богов Египта и сказал:

Я не сниму своих чар, если вы не дадите клятвы не возвращаться в Египет никогда и ни под каким предлогом!

Тогда негритянка подняла руку и поклялась, что она уйдет из Египта отныне и навсегда.

А Гор, сын негритянки, поклялся:

— Я не вернусь в Египет, пока не истечет полторы тысячи лет!

И вот Гор, сын Па-Неше, снял с них свои чары. Он дал Гору, сыну негритянки, и его матери-негритянке волшебную лодку, и они уплыли к себе в Страну Негров, в свой город».

Так говорил Са-Осирис перед фараоном, и народ Египта внимал его голосу. Отец его, Сатни-Хемуас, слушал и видел все. А презренный эфиоп склонил голову до самой земли.

И тогда сказал Са-Осирис:

— Клянусь жизнью твоей и ликом твоим, великий мой господин, этот человек, что стоит здесь перед тобой, и есть тот самый Гор, сын негритянки, о делах которого я рассказал! Он не раскался в своих злодеяниях и, когда прошло полторы тысячи лет, снова вернулся в Египет, чтобы здесь чародействовать! Но клянусь жизнью великого бога Осириса, повелителя царства мертвых, что и я, стоящий перед фараоном, тот самый Гор, сын Па-Неше! Я узнал в царстве мертвых, что этот недруг наш, эфиоп, хочет вновь напустить свои чары на Египет. А в Египте не было столь искусного писца или мудреца, чтобы с ним бороться. И вот я умолил Осириса, чтобы он дозволил мне вновь появиться на земле и не допустить посрамления Египта перед Страной Негров. Повелел Осирис, чтобы я вернулся на землю. Пробудился я, вошел в себя и стал искать встречи с Сатни, сыном фараона, в городе мертвых Мемфиса или Гелиополя. А потом я воплотился в стебель дыни, вошел в его тело и вернулся на землю, чтобы победить волшебством вот этого эфиопского чародея, который стоит здесь в зале приемов!

Тут Гор, сын Па-Неше, в образе Са-Осириса, сотворил заклинание против презренного эфиопа. Он окружил его пламенем, и оно поглотило Гора, сына негритянки, на глазах фараона, и знати, и всего народа Египта.

А потом Са-Осирис растаял, как тень, и исчез на глазах фараона и отца своего Сатни-Хемуаса.

Изумился фараон и его приближенные всему, что

довелось им увидеть в зале приемов. Стали они говорить:

Поистине не было еще столь искусного писца и мудреца, как Гор, сын Па-Неше! И подобного ему никогда не будет!

А Сатни-Хемуас громко и горько закричал, потому что сын его Са-Осирис исчез, словно тень, и он его больше не видел.

Фараон покинул зал приемов. Сердце его было опечалено всем, что он видел. И повелел фараон приготовить все, чтобы воздать почести Сатни-Хемуасу за сына его Са-Осириса и утешить сердце его.

Пришел вечер, и Сатни-Хемуас вернулся к себе домой, но на сердце у него было тяжело. Тогда подошла к нему супруга его Мехитуасехет и легла рядом с ним. И в ту же ночь она зачала от него. А когда пришел срок, она родила ему сына и назвала его Уси-мен-Гор.

Но до конца своих дней не переставал Сатни-Хемуас приносить жертвы и совершать возлияния в честь духа Гора, сына Па-Неше.

Здесь завершается книга, написанная писцом.

САТНИ-ХЕМУАС И АССИРИЙЦЫ¹

И вот на престол вступил жрец Гефеста по имени Сетос. Он с презрением относился к египтянам военного сословия, полагая, что они ему никогда не понадобятся. Он нисколько не уважал воинов и даже отнял у них земельные наделы, в то время как раньше, при предшествующих царях, каждый из них получал по двенадцать участков земли на выбор.

Но вот на Египет, во главе многочисленного войска, напал повелитель арабов и ассирийцев Синахериб².

¹ Это последнее сказание о Сатни-Хемуасе дошло до нас только в записи Геродота. Он называет Сатни-Хемуаса Сетосом и говорит, что он был жрецом Гефеста (в греческой мифологии — бог огня), отождествляя Гефеста с египетским богом Птахом.

² Синахериб — ассирийский царь (705—681 гг. до н. э.). В 703 г. он разбил в Сирии египетскую армию фараона XXV династии Шабак и подошел к границам Египта. Однако здесь в его войске началась чума, и Синахериб был вынужден отступить.

И тогда египетские воины отказались прийти на помощь своему царю.

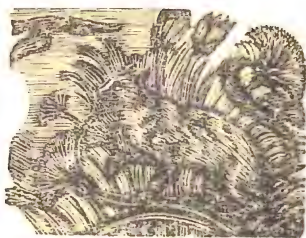
Царь-жрец, не зная, что ему делать, отправился в храм и стал горько жаловаться перед изображениями богов на свою судьбу. Он заснул весь в слезах, и во сне явилось ему божество. Оно ободрило его и сказала, что ничего дурного с ним не случится и что он должен идти навстречу врагу. Божество обещало послать ему помощь.

И вот царь, полагаясь на это сновидение, выступил вместе с теми египтянами, которые добровольно последовали за ним, и расположился лагерем в Пелусии, которая закрывает вход в Египет. Однако никто из египетских воинов не пошел за ним, и здесь собрались одни ремесленники, торговцы да простой народ.

Враги подступили к городу, но когда пришла ночь, на их лагерь напали полевые мыши. Они перегрызли им все колчаны, все луки и даже ремни щитов, так что утром ассирийцы увидели себя безоружными и бежали. И множество их погибло во время этого бегства.

Каменное изображение царя Сетоса до сих пор стоит в храме Гефеста. Он держит в руке своей мышь, и надпись, высеченная на изображении, гласит:

«Пусть все, кто увидит меня, почитают бога!»

КОРШУН И КОШКА

Жил некогда коршун, рожденный на вершине горного дерева. И жила кошка, рожденная у подножья этой горы.

Коршун не решался улетать из гнезда за кормом для своих птенцов, потому что боялся, что кошка их съест. Но и кошка тоже не отваживалась уходить за пищей для своих котят, потому что боялась, что коршун их унесет.

И вот однажды сказал коршун кошке:

— Давай жить как добрые соседи! Поклянемся перед великим богом Ра и скажем: «Если кто-нибудь из нас отправится за кормом для своих детей, другой не будет на них нападать!»

И они обещали перед богом Ра, что не отступятся от этой клятвы.

Но однажды коршун отнял у котенка кусок мяса и отдал его своему коршуненку. Увидела это кошка и решила отнять мясо у коршуненка. И когда он повернулся к ней, кошка схватила его и вонзила в него свои когти. Увидел коршуненок, что ему не вырваться, и сказал:

— Клянусь Ра, это не твой корм! За что же ты вонзила в меня свои когти?

Но кошка ему ответила:

Откуда же у тебя это мясо? Ведь принесла его я и принесла не тебе!

Сказал ей тогда коршуненок:

Я не летал к твоим котяткам! И если ты станешь мстить мне или братьям моим и сестрам, то Ра увидит, что ложной была та клятва, которую ты принесла.

Тут хотел он взлететь, но крылья не смогли унести его обратно на дерево. Словно умирающий, упал он на землю и сказал кошке:

Если ты убьешь меня, то погибнет твой сын и сын твоего сына.

И кошка его не тронула.

Но вот коршун нашел своего птенца на земле, и злоба охватила его. Сказал коршун:

Я отомщу! Это случится, когда Возмездие вернется сюда из отдаленных земель страны Сирии. Тогда пойдет кошка за пищей для своих котят, а я нападу на них. И станут дети ее кормом для меня и моих детей!

Однако коршун долго не мог улучшить время, чтобы напасть на дом кошки и уничтожить весь род ее. Он следил за каждым шагом кошки и думал о своей мести.

И вот однажды отправилась кошка за пищей для своих котят. Коршун напал на них и унес. И когда кошка вернулась, она не нашла ни одного котенка.

Тогда кошка обратилась к небу и воззвала к великому Ра:

— Узнай мое горе и рассуди нас с коршуном! Мы дали с ним священную клятву, но он нарушил ее. Он убил всех моих детей!

И Ра услышал голос ее. Он послал Небесную силу, чтобы покарать коршуна, который убил детей кошки. Отправилась Небесная сила и отыскала Возмездие. Сидело Возмездие под тем деревом, где было гнездо коршуна. И Небесная сила передала Возмездию повеление Ра покарать коршуна за то, что он совершил с детьми кошки.

Тогда Возмездие сделало так, что коршун увидел одного сирийца, который жарил на углях горную дичь. Схватил коршун кусок мяса и унес это мясо в свое

гнездо. Но он не заметил, что к мясу пристали горящие угольки.

И вот гнездо коршуна запылало. ' Изжарились все его дети и упали на землю к подножью дерева.

Пришла кошка к дереву, где было гнездо коршуна, но птенцов не тронула. И сказала она коршуну:

Клянусь именем Ра, ты долго охотился за моими детьми, и вот ты напал на них и убил! А я даже теперь не трогаю твоих птенцов, хоть они и поджарились в самый раз!

ЛЕВ И МЫШЬ

Жил некогда на горе могучий лев. Он охотился каждый день, и звери гор страшились силы его.

Однажды повстречал лев пантеру. Вся шкура ее была изодрана, и мех ее висел клочьями. От множества ран была она ни жива ни мертва. Спросил ее лев:

— Что случилось с тобой? Кто порвал твою шкуру, кто ободрал твой мех?

И пантера ему ответила:

— Это сделал человек.

Спросил тогда лев:

— А кто такой человек?

Ответила ему пантера:

— Нет никого хитрей человека! Никогда не попадайся ему в руки!

Затаил лев злобу на человека и отправился его искать. Повстречал он в пути осла и лошадь. Морды их опутывала узда, а в зубах были удила. Спросил их лев:

— Кто вас так связал?

И они ответили:

— Это наш господин, человек!

Удивился лев:

— Неужели человек сильнее вас?

Тогда сказали они:

Он наш хозяин. Нет никого умнее человека. Никогда не попадайся ему в руки!

Еще больше обозлился лев на человека и ушел от осла и лошади.

Повстречался он с быком и коровой. Рога их были обпилены, ноздри их были проколоты, а на шее у них лежало ярмо. Спросил их лев, кто это сделал, и они сказали ему, что сделал это их господин, человек.

Пошел лев дальше и встретил медведя. Когти у него были обрезаны, а зубы вырваны. Спросил его лев:

— Неужели человек сильнее даже тебя?

И медведь ответил:

Да, сильнее. Был у меня в услужении один человек. Он приносил мне пищу. Но однажды сказал он мне: «Воистину твои когти слишком длинные; они мешают тебе брать пищу. А зубы твои слишком слабы и не дают тебе вкушать то, что ты хочешь. Позволь мне их вырвать, и я принесу тебе вдвое больше пищи, чем обычно!» И я позволил ему их вырвать. И вот он взял мои зубы и когти, швырнул мне в глаза песок и убежал. А мне уже нечем было его удер-
жать.

Еще больше разгневался лев. Он ушел от медведя и стал искать человека.

Но вскоре увидел он другого льва, защемленного горным деревом. Расколотый сверху ствол дерева зажал лапу льва, и лев горевал, потому что не мог убежать.

Спросил его лев, который пришел:

— Как же попал ты в такую беду? Кто это сделал с тобой?

И ответил ему другой лев:

— Сделал это человек. Остерегайся его и не верь ему. Человек хитер! Никогда не попадайся ему в руки! Я вот встретил человека и спросил его: «Каким ремеслом ты занимаешься?» А он мне сказал: «Мое ремесло — предупреждать старость. Я могу тебе сделать такой талисман, что ты никогда не умрешь. Так и быть, я спилю ствол дерева и дам тебе прикоснуться к этому

талисману. После этого ты не умрешь никогда!» И вот я пошел за ним к этому горному дереву. Он спилил его, расщепил ствол клином и сказал мне: «Клади сюда свою лапу!» И я сунул лапу в щель. Тогда он выбил клин, и дерево зажало мою лапу. А человек, когда увидел, что я не могу за ним следовать, швырнул мне в глаза песок и бежал.

Рассмеялся лев, который пришел, и сказал:

— О человек, если ты когда-нибудь попадешься мне в лапы, я оплачу тебе сразу за все обиды, которые ты причинил зверям гор!

И лев отправился дальше на поиски человека. Но тут случилось так, что попалась под лапу льва мышка, с виду хилая и совсем маленькая. Лев хотел уже ее раздавить, но мышь взмолилась:

Не дави меня, господин мой! Если ты меня съешь, мною ты все равно не насытишься. Если же ты меня отпустишь, голод твой не станет сильнее. Но зато, если ты мне подаришь жизнь, я тоже когда-нибудь подарю тебе жизнь. Не причиняй мне зла, не убивай меня, и когда-нибудь я спасу тебя от беды.

Лев посмеялся над мышью и сказал:

Что же ты можешь сделать? Ведь никто на земле не сможет со мною справиться и причинить мне зло!

Но мышь поклялась ему:

Клянусь, что избавлю тебя от гибели, когда придет для тебя черный день!

Лев принял все это за шутку, однако подумал: «Если я съем эту мышь, сытым я и вправду не стану!» И он отпустил ее.

И случилось так, что один охотник, который ловил зверей в западни, выкопал яму как раз на пути льва. Лев провалился в яму и попал в руки охотника. Опутал его охотник сетью и крепко связал сухими ремнями, а сверху перевязал ремнями сыромятными.

И вот связанный лев лежал в горах и горевал. Но судьба пожелала, чтобы шутка мыши стала правдой. Захотела она посмеяться над надменными словами льва и в седьмом часу ночи привела к нему маленькую мышку. Сказала тут мышка льву:

— Разве ты не узнаешь меня? Я та самая маленькая мышка, которой ты подарил жизнь. Я пришла, чтобы

сегодня отплатить тебе тем же. Попался ты человеку в руки, но я избавлю тебя от гибели. Нужно быть благодарным тем, кто оказал тебе благодеяние.

И вот мышь принялась грызть путы льва. Она перегрызла все сухие ремни и все ремни сыромятные, которыми он был связан, и освободила его от пут. Потом мышка спряталась в гриве льва, и он в тот же час отправился с нею в горы.

Подумай о маленькой мышке; самой слабой из всех жителей гор, и о льве, самом сильном из всех зверей, живущих в горах! Подумай об этом чуде, которое свершилось по велению судьбы!

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. <i>И. С. Кацнельсон</i>	3
Потерпевший кораблекрушение	15
История Синухета	21
Фараон Хуфу и чародеи	37
Хитроумный полководец Джхути	54
Обреченный сын фараона	58
Правда и Кривда	68
Два брата	73
Злоключения Унуамона	86
Царь Рампсинит и неуловимый вор	98
Сказания о Сатни-Хемуасе	102
Коршун и кошка	144
Лев и мышь	147

*Сказки и повести
Древнего Египта*

Редактор *Вл. Быхов*

Художник *Ф. Константинов*

Художеств. редактор *Г. Кудрявцев*

Технич. редактор *Д. Ермолен*

Корректор *Л. Петрова*

•

Сдано в набор 26/VI 1956 г. Подпи-
сано к печати 23/VII 1956 г. А 09121.
Бум. 84×108¹/₃₂—4,75 печ. л.=7,79 усл.
печ. л. 7,71 уч.-изд. л. Тираж 315 000.
Заказ № 1649. Цена 2 р.

Гослитиздат,
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19.

•

3-я типография «Красный пролетарий»
Главполиграфпрома Министерства
культуры СССР. Москва, Красно-
пролетарская, 16.

